

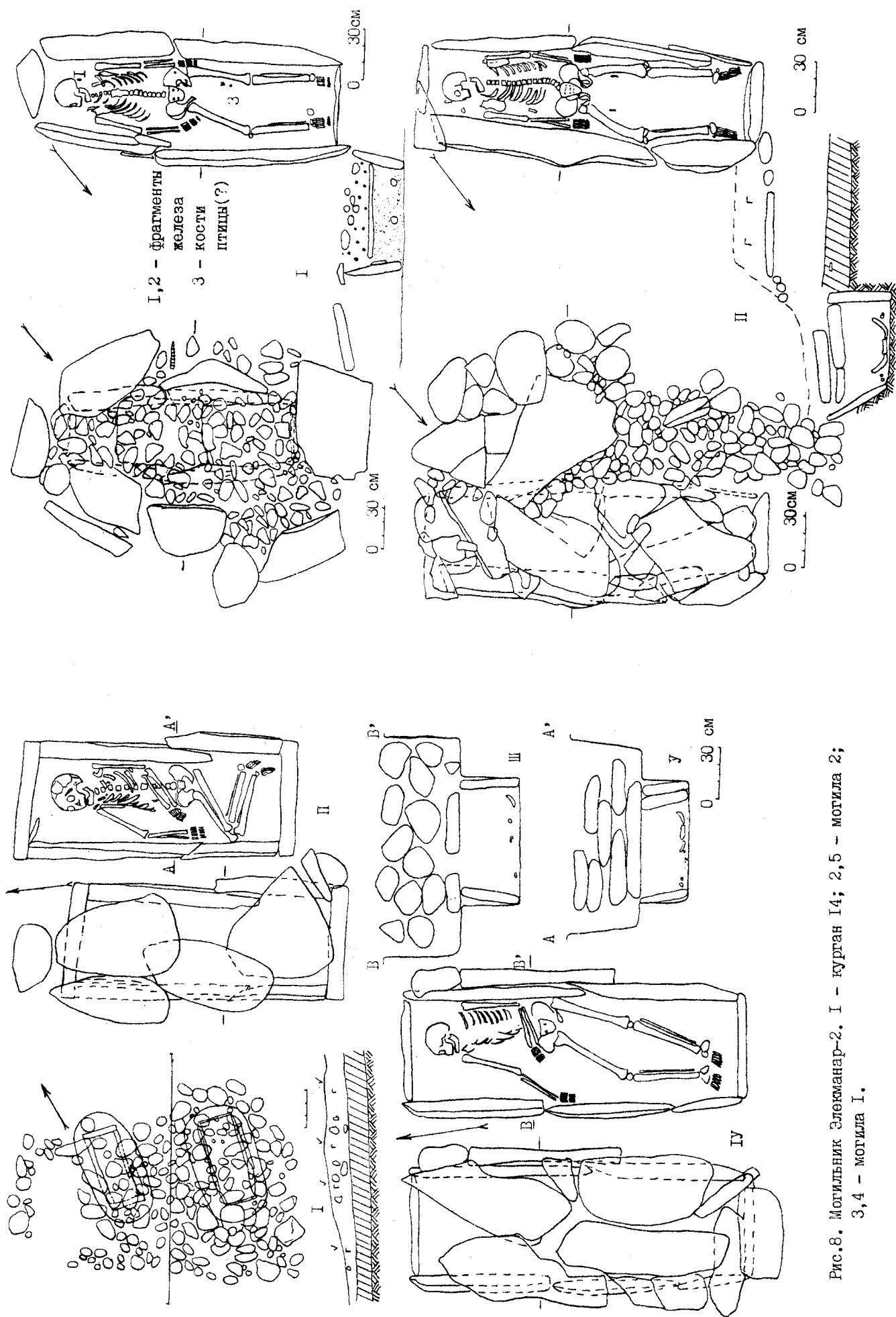
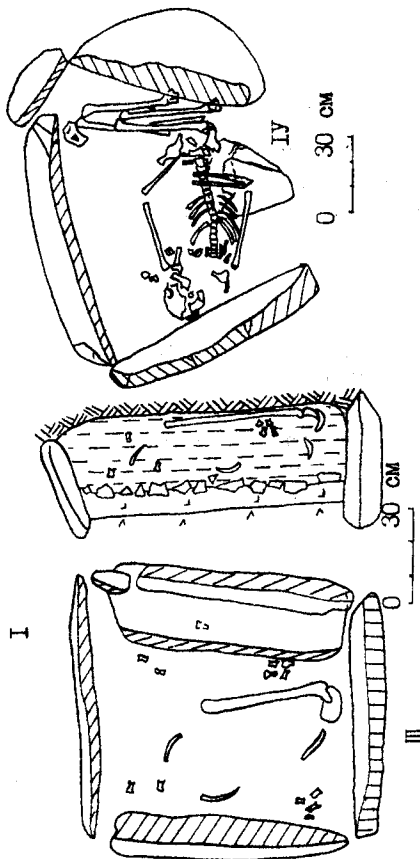
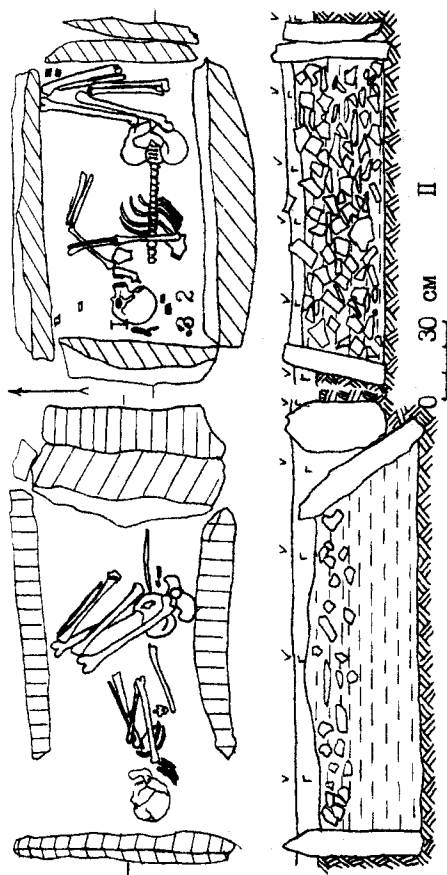

Рис. 8. Могильник Элекманар-2. I - курган I4; 2, 5 - могила 2; 3, 4 - могила I.

- 1 - ребро животного
2 - угли
3 - кварцевые гальки

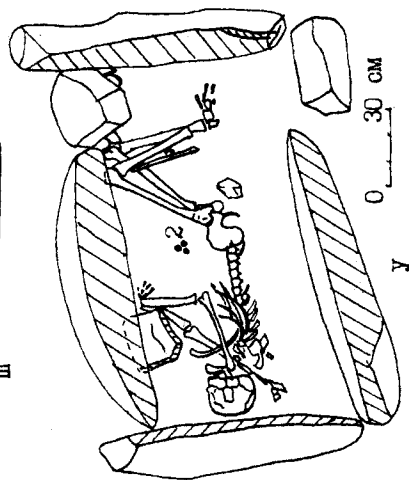
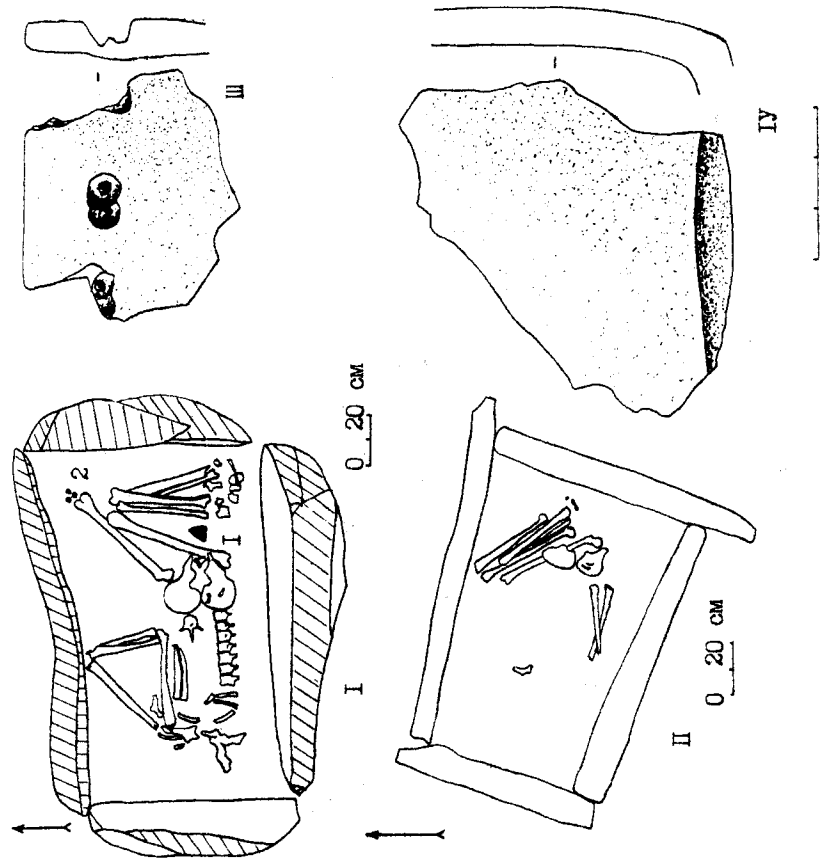

Рис.10. Могильник Нижний Тимечин-2. I - ящик 3; II - ящик 2; III - ящик 1; IV - ящик 4; V - ящик 5.

- 1 - фрагмент керамики
2 - угли

Рис.11. Могильник Нижний Тимечин-2, курган 6 - I, III, IV; Могильник Кара-Коба-2, курган 2 - II.

клонились вовнутрь. Ящик более аккуратный по сравнению с остальными. Его размеры сверху между плитами с СЗ на ЮВ — 1,2 м, ЮЗ на СВ — 0,8 м. Стенки ящика с внешней стороны укреплены камнями и плитами (рис. 5—III). Заполнен гумусом и мешаной землей, в которой на глубине 0,32–0,35 м найден череп человека в ЮВ углу и у СЗ стенки — кости ног. Сохранилось несколько позвонков, фаланги пальцев рук, ключица. Около позвонков найдено два просверленных зуба животных (рис. 6–5,6). Все кости очень плохой сохранности. Можно предположить, что погребенный был ориентирован головой на ЮВ и, возможно, уложен на правый бок скорченно.

Объект 6. Находится в 1,5 м к СЗ от кургана 7. В насыпи найдены фрагменты керамики и кости животных. Сооружение имело аморфную форму. Наибольшие размеры по линии З–В — 4,4 м, С–Ю — 3,8 м. Составлено из плит, валунов и рваного камня. Плиты крупные, длиной до 1 м. Камни уложены в один слой на темной супеси, иногда фиксировалась подсыпка из мелкой гальки.

В центре — разрушенный ящик (?): имелись южная, западная и восточная стенки. Их составляли длинные камни (0,7–0,9 м), высотой 30–40 см, шириной 15–20 см. Западная стенка сложена из нескольких камней, уложенных один на другой. В «ящике» найден неорнаментированный венчик сосуда. Под западной стенкой «ящика» прослежена яма подпрямоугольной формы со скругленными углами, ориентированная с С на Ю, размерами 0,9×0,8 м, глубиной 0,5 м. Яму заполняли два камня западной стенки «ящика», всего же здесь от современной дневной поверхности пять камней, уложенных один на другой.

Курган 4 (рис. 4—III; 5—I). Находится в 12 м к ЗСЗ от объекта 6. В насыпи встречались фрагменты керамики и кости животных. Насыпь вытянута с СЗ на ЮВ, размерами с С на Ю — 4,5 м, с З на В — 5,8 м. К центральному сооружению вокруг ящика на СЗ сделана пристройка размерами с СЗ на ЮВ — 1,1 м, с СВ на ЮЗ — 1,9 м. Курган сложен, в основном, из валунов и плит, пристройка — из мелких плиток и рваного камня. ЮЗ край насыпи ооконтурен валунами, плитами и мелкими камнями.

Ящик прослежен с глубины 0,1–0,15 м. Он смещен от центра кургана к СВ. Ориентирован с СЗ на ЮВ (рис. 4–4). Камни по краям насыпи уложены в один слой, ближе к центру — в два. Под ними — галечник. В пристройке камни уложены в один слой.

Ящик пятиугольный, размерами с СЗ на ЮВ — 0,95 м, ЮЗ на СВ — 0,6 м (вверху между плитами), по дну — 0,9×0,7 м. Каждая стенка укреплена или несколькими наклонно стоящими плитами, или крупными горизонтально уложенными камнями. Углы ящика заполнены гальками. На глубине 0,45 м найден венчик. Кости человека находились с глубины 0,47 м. Сохранились обломанные кости ног и руки. Видимо, в первоначальном положении находились тазовые кости, у ЮВ стенки — один позвонок. На костях ног найден бронзовый нож (рис. 6–4), к ЮЮВ от него — обломок бляхи (рис. 6–12). У ЮВ стенки найден раздавленный череп, а под ним фаланги пальцев рук. Бронзовый наконечник стрелы находился между костяными в восточном углу (рис. 6–9,11). Костяные наконечники очень плохой сохранности. По сохранившим первоначальное положение костям можно предположить, что человек был ориентирован головой на ЮЮВ и уложен скорченно на правый бок.

Курган 10 (рис. 7—II,III). Находится в 8,5 м к СВ от кургана 4. Вытянут с СЗЗ на ЮВВ. Размерами с З на В — 3,4 м, с С на Ю — 2,8 м. Насыпь сложена из плит. Под верхним слоем камней прослежен прямоугольный ящик, ориентированный с СЗ на ЮВ, сложенный из небольших вертикально поставленных плит, разделенный наклонно стоящими плитами на две части. Плиты вкопаны неглубоко. Ящик завален камнями средних размеров, у восточной стенки прослежен галечник. Размеры ящика по дну — 1,6×1,0 м. Плиты, составляющие ящик, отклонились наружу. Высота плит 45–55 см. На глубине 0,8–0,86 м погребено два человека. Захоронение потревожено. Взрослый умерший, по-видимому, был уложен на правый бок, но позднее грудная клетка упала на грудь. Ноги согнуты в коленях. Головой ориентирован на С (позвоночник параллелен восточной стенке). Но если судить по костям ног, то умерший должен был быть ориентирован головой на ЮВ и уложен на правый бок. Между костями ног, тазовыми и позвоночником, ребрами и др. такие расстояния, которые можно объяснить только насильственными смещением костей после того, как ткани уже частично разложились (рис. 7—III).

Кости ребенка худшей сохранности. Сохранились кости ног, рук и др. Судя по ним, он было уложен на правый бок, с согнутыми в коленях ногами, головой на ВЮВ.

На руке взрослого найден бронзовый браслет (рис. 7–IV). В ЮВ углу ящика — два костяных черешковых и один бронзовый втульчатый наконечник стрел (рис. 6–7,8,10).

Объект 5. Находился в 3,5 км к СЗ от кургана 10 и в 11 м к С от кургана 4. При снятии дерна найдены кости животных. Насыпь аморфной формы. Наибольшее скопление камней в центре, где они образуют сооружение подпрямоугольной формы, ориентированное с ЮЗ на СВ, размерами 3,5×2,5 м. В центре сооружения — подобие ящика: две стенки — восточная и северная. Сооружение из двух слоев камней, но верхний слой, по видимому, более поздний, состоит из крупных плоских валунов. Нижний слой — из плит и рваного камня.

В «ящике» камни уложены плотно в два-три слоя. В основном, это небольшие плитки. Здесь камни находились несколько глубже чем в остальной части сооружения. Возможно, что объект 5 — разрушенный курган.

Объект 9 (рис. 7-1). Находится в 6 м к ЮЗЗ от объекта 5. Сооружение из крупных плит, длиной до 1,1 м (от 0,55 до 1,1 м×0,4–0,5×0,2–0,25 м). Плиты образовывали незавершенное кольцо (нет плиты на ЮЗ). Камни уложены в один слой. В центре сооружения много мелких неопределимых обожженных обломков костей и несколько фрагментов керамики.

Курган 13 находится в 18 м к СЗ от объекта 9. Подовальной формы, вытянут с С на Ю, размерами 6,5×5,5 м, высотой 0,1–0,15 м. Хорошо задернован.

Курганы 14–16 находятся в 70–90 м к ЮВ от кургана 1 на небольшом всхолмлении, внешне не выделялись и выявлены после того, как был вскрыт дерн при подготовительных работах к расширению автодороги Усть-Сема–Элекманар.

Курган 14 (рис. 8). Насыпь аморфной формы, размерами с С на Ю — 4,25 м, с З на В — 5,5 м. Сложена из валунов, уложенных в один слой. Вытянута с ЗЮЗ на ВСВ. Зафиксировано две могилы.

Могила 1 прослежена с глубины 72 см (менее четко с 52 см). Подпрямоугольной формы со скругленными углами. Ориентирована с ССВ на ЮЮЗ. Ее размеры 2,35×1,3 м. До 1,08 м заполнена крупными окатанными камнями, уложенными в два-три слоя. Под ними — перекрытие из плит, уложенных по вдоль могилы. Ниже — четырехугольный ящик, стенки которого прослежены с 1,17 м. Ящик составлен из семи вертикально поставленных плит, которые немного наклонились вовнутрь. Длинные стенки составлены из двух и трех плит. Вдоль восточной стенки лежал длинный камень, севернее его — валун. Размеры ящика по дну между плитами

1,87×0,6 м. Глубина по плитам — 35 см. На глубине 1,52 м погребен человек, уложенный на правый бок, головой на ССВ. Вещей не было (рис. 8-IV).

Могила 2 находилась в 55 см к СЗ от могилы 1. Плиты перекрытия прослежены под насыпью с 0,65 м. Ориентирована с ССВ на ЮЮЗ. Подовальной формы размерами 2,3×1,1 м. Заполнена тремя слоями плит, четвертый слой плит уложен поперек могилы и перекрывал четырехугольный ящик, составленный из шести вертикально поставленных плит. Размеры его сверху между плитами 1,62×0,62 м, глубина по плитам 0,28 м. На 1,35 м погребен человек, уложенный на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на ССВ. Со временем кости немного сместились и погребенный слегка завалился на спину. Вещей не было (рис. 8-II, V).

Выкладка 15 (рис. 9-1). Находилась в 16 м к ЮВ от кургана 14. Вытянута с СЗ на ЮВ, размерами с С на Ю — 2,3 м, З на В — 2,3 м. Составлена из восьми горизонтально и наклонно лежавших плит. В центральной части она заполнена окатанными камнями небольших размеров (20×15 (10)×10(5) см). Под ними — прослойки из мелкого камня (3×4×2 см), мощностью около 10 см. Ниже — ящик из плит, ориентированный с СЗ на ЮВ. На глубине 0,5 м в ящике — две горизонтально уложенные плиты, полностью заполнявшие внутреннее пространство ящика. Плитки толщиной 2–5 см. Под плитами — песок. Ящик четырехугольный, сооружен из шести плит, отклонившихся наружу. Длинные стенки составлены из двух плит каждая. Размеры ящика по дну между плитами 1,69×0,58 м, глубина по плитам — 0,35 м. На глубине 71 см погребен человек, уложенный на спину, головой на ЮВ. Ноги согнуты в коленях, руки вытянуты вдоль туловища. Около черепа найден фрагмент железа, на правом крыле тазовой кости также несколько фрагментов железа, у левой бедренной кости — мелкие косточки птицы (?). Стенки ящика заглублены в материк на 17 см.

Выкладка 16 (рис. 9-II). Находилась в 6 м к ЮВ от выкладки 15. Насыпь разрушена. Первоначально ее составляли крупные плиты и мелкий галечник. Размеры сохранившейся части — 2,5×1,2 м с СЗ на ЮВ. Ящик находился к С от сохранившейся части насыпи под беспорядочно лежавшими в два слоя плитами. Ориентирован с СЗ на ЮВ, размерами 2,0×0,78 м. Длинные стенки сложены из двух и трех плит. Глубина ящика по плитам — 40 см, от верха сохранившейся части насыпи — 75 см, от современной

дневной поверхности — 95–100 см. Погребен один человек, уложенный на спину, головой на ЮВ. Вещей не было.

Объекты 14–16 расположены на поселении каменного века.

Курган 17 датируется началом II тыс. н.э. и опубликован ранее [213].

Объекты 5, 6, 8, 9, вероятно, были сооружены в древности, одновременно с курганами 1–4, 7, 10, т.к. все насыпи находились на одном уровне — древней дневной поверхности. Объект 9, по-видимому, ритуального характера, поскольку найдены мелкие кальцинированные кости и фрагменты керамики. Объект 5, возможно, разрушенный курган. О характере двух других сооружений можно судить еще более предположительно. Фрагменты керамики, найденные в насыпях, относятся к раннему железному веку, но фрагментарность находок не позволяет уточнить датировку.

Для раннескифских курганов 1–4, 7, 10 выделяются общие и индивидуальные черты погребального обряда. Для всех или большинства из них характерно: 1) вокруг ящиков камни уложены по кругу, хотя и нельзя утверждать, что это кольца; 2) к центральному сооружению вокруг ящика на СЗ сделаны пристройки (курганы 1, 2, 4, 7), у кургана 2 и на СЗ, и на СВ. Находок в пристройках нет; 3) пристройки часто сооружены из другого материала; 4) все насыпи сооружены на древней дневной поверхности; 5) при строительстве насыпей делали подсыпку из мелкого галечника; 6) наличие каменных ящиков из плит с внутренними размерами 1,6×1,0 м; 1,2×0,8 м; 1,0×0,4 м; 0,86×0,55 м; 7) стенки ящиков незначительно заглублены в слой гумусированной супеси; 8) ящики ориентированы по линии СЗ–ЮВ; 9) погребенные уложены скорченно на боку; 10) наличие инвентаря.

Индивидуальные признаки: 1) по размерам выделяются курганы 1 и 10; 2) наличие в кургане 1 крупных вертикально поставленных плит; 3) кострище в кургане 1; 4) погребение лошади в кургане 1; 5) наличие в кургане 2 двух пристроек; 6) отсутствие пристроек в курганах 3 и 10; 7) ящик из кургана 10 больше остальных по размерам и заглублен в материк; 8) в кургане 10 — двое погребенных; 9) различия в инвентаре.

Несмотря на различия очевидно, что курганы составляют одновременный комплекс, хотя курган 10 относится к этой группе прежде всего из-за инвентаря. Во-первых, костяные черешковые наконечники стрел из курганов 10 и 4 относятся к одному типу. К сожалению, сохранность их плохая, особенно из

кургана 4, поэтому можно лишь определить, что они были черешковыми трехгранными, со специфичной подработкой граней. Длина целых наконечников — 7 и 6,2 см. В целом, аналогий им пока неизвестно. Во-вторых, датировка бронзового втульчатого наконечника стрелы не противоречит датировке остального инвентаря. Он трехлопастной с выступающей втулкой и сводчатой головкой, круглым отверстием на втулке в верхней ее части. Длина наконечника — 3,1 см. Аналогий ему на территории Горного Алтая также пока неизвестно, хотя подобные наконечники стрел широко распространены на других территориях. У скифов они употреблялись в VII–IV вв. до н.э., но чаще VI–V вв. до н.э., у савроматов — VI–IV вв. до н.э., у саков Приаралья — VI–V вв. до н.э. В Казахстане и Средней Азии они распространяются уже с VI в. до н.э., на территории ананьинской культурной общности с рубежа VII–VI вв. до н.э., на Средней Волге — в VI в. до н.э. В целом, наконечники встречаются с VII по III вв. до н.э., но наиболее вероятным считается VI–IV вв. до н.э. [51, с. 89; 36, с. 69, рис. 1–4–28; 159, с. 107, 108, табл. XLV].

Бронзовый браслет состоит из девяти звеньев, которые наибольшее сходство имеют с желобчатыми пронизками из Бойтыгема II, к. 19 [7, с. 38, 42, рис. 4–6].

Наибольшее количество аналогий имеют бронзовые стремечковидные удила. Они литые, двухсоставные, соединяющиеся в середине при помощи круглых петель со стремечковидными окончаниями внешних колец. Одно звено сломано. Подобные удила известны в Восточной Европе, Поволжье, Южном Приуралье, Семиречье, Казахстане, Туве, Горном Алтае и т.д. [263, с. 172; 58, с. 96; 262, с. 122; 51, с. 100; 28, с. 79; 115, с. 316, 323, 332, 384; 73, с. 32; 171, с. 49; 83; 77; 42, с. 152; 91, с. 173; 7, с. 39]. Датируются они обычно VIII–VII вв. до н.э.

Псалии — роговые трехдырчатые. Длина целого — 12,5 см, сломаного — 9,7 см, наибольшая ширина — 1,2 см. Сечения отверстий — трапецевидные, диаметр внешних отверстий у целого — 7 мм, внутренних — 9 мм, у сломанного — 9 мм и 1,1 см. Наиболее близкие аналогии псалиям известны из могильника Бийке, к. 6 (см. статью А.А. Тишкина в этом же сборнике). Кроме того их можно сравнить с псалиями из Сахарны (Молдавия), которые по мнению А.И. Тереножкина, относятся к позднейшим предскифского периода из степной и лесостепной полос юга Европейской части СССР. Эти псалии принад-

лежат к типу стержневидных с тремя отверстиями, расположенными в одной плоскости [263, с. 99, рис. 62–15, 16, с. 155]. Одно из отличий — у псалий из Элекманара 2 круглые отверстия, а не овальные.

Бронзовые трочные пряжки имеют прямоугольную рамку и ажурную дужку. Одна с «Т»-образным шпеньком, у второй, по-видимому, шпенок обломан и произведена заточка в этом месте, кроме того, у нее обломана рамка. Пряжки также не имеют прямых аналогий. Наибольшее внешнее сходство они имеют с пряжками из кургана под Солонечным Белком [234, табл. XIX–6, 7], а также с пламевидной пряжкой для продевания чумбура из кургана 45 могильника Уйгарака [51, с. 106, табл. XIV–15]. Дата пряжек из Уйгарака определена инвентарем из погребений — VII–VI вв. до н.э., а находки из кургана 2 под Солонечным Белком принято считать древнейшими [51, с. 106–107].

В состав уздечного набора входят также шесть бронзовых цилиндрических обойм для распределения ремней с полусферическим щитком с четырьмя боковыми прорезами. Две обоймы обломаны. Ближайшие им аналогии известны из кургана под Солонечным Белком [234, табл. XIX–5], Казахстане [28, с. 79, 80; 51, с. 103, 104], Туве [73, с. 32] и др.

Полусферические бляшки со штырьком (шляпкой) на оборотной стороне также не уникальны и имеют аналогии [51, табл. V–12, 18; 28, с. 79, 80].

Бронзовому кроку (подвеске) известны носительные аналогии из Биже [22, с. 42] и могильника Бесоба, к. 4 [116, с. 87, рис. 1–4].

Не имеет аналогий в Горном Алтае обломок бляхи из кургана 4. Семь лучей сходятся в центре и в целом напоминают голову петуха. Судя по всему, это обломок спаренной бляхи аналогичный блямхам из погребения 3 плиточных могил ст. Оловянной Читинской области. По ряду аналогий в инвентаре Р.Н. Ступников датирует это погребение X–VIII вв. до н.э., не позднее VIII в. до н.э. [258, с. 107–109], а Ю.С. Гришин по наличию в инвентаре медалевидного зеркала и восьмерковидной пряжки со шпеньком — V–III вв. до н.э. [75, с. 138].

Бронзовый черешковый наконечник стрелы из кургана 4 уникален. Он трехлопастной с трехгранной боевой частью, зубчатой выемкой и сводчатым контуром имеем круглый в сечении черешок, раскованный на конце. Его длина — 4,8 см. Абсолютных аналогий ему пока неизвестно. В Горном Алтае его можно сравнить с наконечниками стрел из

Кырлыка 1, вымостки 2 [44, с. 55, 81]. Наконечник из Элекманара 2 крупнее кырлыкских и имеет по одной выемке, кроме того на каждой грани по две выемки. Наконечники стрел из Кырлыка 1 датированы VI — первой половиной V вв. до н.э. [44, с. 56]. Наконечники стрел этого типа известны из погребений Центрального Казахстана [115, с. 66]. Ранние из них датируются VII–VI вв. до н.э.

Бронзовые ножи из Элекманара 2 по форме рукояти разделяются на три типа: 1) пластинчатые с кольцевидной рукоятью. Оба ножа длиной по 14,6 см; 2) пластинчатый сплошной с глухой рукоятью. Длина ножа 14,3 см; 3) пластинчатый сплошной с круглым отверстием на рукояти. Длина — 12 см. Самые ранние бронзовые ножи второго и третьего типа известны уже в раннескифское время и широко распространены в Центральной и Средней Азии, Туве, Монголии и Горном Алтае с VIII–VII вв. до н.э. [155, с. 53]. Ножи первого типа также известны, но в Горном Алтае в памятниках ранее IV в. до н.э. их пока не находили [154, с. 71].

Украшениям из зубов марала (курган 7) известно много аналогий, они характерны для всех эпох и не могут быть датирующими.

В целом, инвентарь имеет широкие аналогии с VIII в. до н.э., но наибольшее их количество приходится на VII в. до н.э. Вероятно, что и датировать могильник Элекманар 2 (курганы 1–4, 7, 10) следует VII в. до н.э.

Курган 14 и выкладки 15, 16 можно датировать только предположительно. Они отличаются от раннескифских курганов по надмогильным конструкциям и типам ящиков. Разнятся они и между собой.

Курган 14, возможно, датируется скифским временем — V–III вв. до н.э., хотя от скифских его отличает наличие двух могил под одной насыпью, небольшая глубина могил, ориентация погребенных на ССВ. Редки среди скифских и безинвентарные погребения.

Выкладки 15 и 16, вероятнее всего, датируются эпохой средневековья, хотя и здесь нет полных аналогий.

Признаки, характеризующие кукумский тип памятников, выделены ранее. Это наличие небольших каменных ящиков, составленных из вертикально поставленных плит на уровне древнего горизонта или незначительно заглубленных в материк, ориентированных по линии СЗ–ЮВ; положение погребенных скорченно на боку, головой в основном на СЗ; наброска из камней и плит вокруг ящиков; сопровождающее захоронение коня или головы и конечностей коня в отдельной яме или в смежном

ящике [251, с. 80; 192, с. 49]. С тех пор раскопано еще несколько могильников куюмского типа — Бойтыгем 2 [14], Бийке [269] и др. Сравнивая их необходимо отметить, что наиболее неустойчивый признак — ориентация погребенных (СЗ и ЮВ — на Элекманаре 2, СЗ — Усть-Куюме, ЮЮЗ, ССЗ и ССВ — Бойтыгеме 2, З и СЗ — Бийке), хотя чаще встречается ориентация на СЗ. Умерших укладывали как на левый бок, так и на правый, но чаще на левый. Наблюдаются различия и в надмогильных конструкциях, хотя, как правило, прослеживаются кольца из камней (крепиды или камни уложены по окружности и т.п.). В то же время для всех памятников характерно захоронение коны в отдельной яме или в смежном ящике, а ящики сооружались на древней дневной поверхности, в некоторых случаях стенки ящиков незначительно заглублены в материк. Ящики небольших размеров, ориентированы по линии СЗ–ЮВ.

Каменные ящики характерны не только для раннескифского времени, но и для эпохи бронзы, скифской, средневековья, для каждой эпохи — определенный тип ящиков. Поскольку датировка безинвентарных погребений в ящиках сложна и одни и те же памятники часто относят то к эпохе бронзы, то к раннему железному веку, постольку хотелось бы отметить признаки, характерные для каменных ящиков каракольской культуры эпохи бронзы. Последние впущены в грунтовые могилы — могильник Каракол [152, с. 9–22], Озерное [224, с. 80–84] и др. Длина ящиков для взрослых людей около 2 м и более, т.к. умерших укладывали вытянуто на спине [254, с. 49–51]. Кроме того, в них находят охру и бересту (Озерное, Кара-Коба I, огр. 4), а также рисунки на плитах. Существуют и другие отличия для памятников эпохи бронзы [254, с. 49–51].

Очевидно, что каменные ящики раннескифского времени и каракольской культуры существенно различаются по конструкции, форме, размерам, по тому, что сооружались на древней дневной поверхности или в грунтовой могиле и т.д. На основании этих признаков в большинстве случаев возможно определить датировку многих безинвентарных захоронений в ящиках, в частности, могильников Нижний Тюмечин 2 и Кара-Коба 2, которые, в основном, соответствуют куюмскому типу памятников.

Могильник Нижний Тюмечин 2 открыт В.А. Посредниковым. В 1978 г. им раскопано три каменных ящика [229, с. 29], в 1980 г. М.Т. Абдулганеевым раскопано еще три ящика.

Памятник находится в 1,5 км к СВ от с. Ело Онгудайского района, у дороги, веду-

щей из с. Ело в с. Кара-Коба. Могильник расположен вдоль южного и юго-восточного подножья скального возвышения Первый Межелик [229, с. 29] в урочище Нижний Тюмечин. Состоит из 45 каменных ящиков, двух оград из вертикально поставленных плит и двух каменных стел. Некоторые из ящиков впущены в афанасьевские ограды.

Каменный ящик 1 находился в СВВ части могильника. Прослеживался на современной дневной поверхности по плитам, выступавшим из земли на 5–10 см. Размеры ящика — 86×79 см, глубина от поверхности — 30 см. Длинной стороной ориентирован по линии ССВ–ЮЮЗ. Погребение нарушено. На дне ящика лежали несколько ребер и бедренная кость, судя по которым умерший был уложен скорченно на левом боку, головой ориентирован в западный сектор (рис. 10–3).

Каменный ящик 2 находился в ССВ части могильника, в 34 м к ЮЗЗ от каменного ящика 1. На поверхности прослеживался по плитам, выступавшим из земли до 20 см. Размер ящика по верху 110×70 см, по дну — 120×86 см, глубина от современной дневной поверхности — 40 см. Длинной стороной ориентирован В–З. Мощность слоя забутовки из обломочного камня — 30 см. В забутовке найден зуб лошади. Под камнями лежал скорченно на левом боку, головой на З скелет взрослой женщины. На дне могилы прослеживались углистые пятна, в ЮЗ углу — скопление мелких белых и розовых кварцевых галек. Здесь же, у черепа, у западной стенки, обломок ребра животного. Обожженные обломки трубчатой кости животного найдены среди угольков у ног погребенного (рис. 10–II).

Каменный ящик 3 находился в ЮЗЗ части могильника, в 176 м от ящика 1 и в 142 м от ящика 2. На поверхности прослеживался по плитам, выступавшим из дерна на 13 см. Ориентирован длинной стороной по линии В–З. Ящик забутован обломками камней. Его размеры по дну 135×75 см, глубина от современной дневной поверхности — 50 см. На дне лежал скорченно на левом боку, головой на З скелет взрослой женщины (рис. 10–I).

Каменный ящик 4 находился в центральной части могильника, в 65 м к В от ящика 2. На поверхности выделялось три плиты. Вокруг ящика было заметно небольшое возвышение диаметром 2–3 м. Под дерном обнаружены кости овцы и лошади (в ящике). Плиты ящика установлены в неглубокую яму диаметром около 3,5 м и присыпаны снаружи камнями в два-три слоя. Наброска имела возвышение к ящику не более 0,1 м и рассу-

палась по склону горы. Ящик засыпан щебнем и камнем. Его размеры около 1,3×0,9 м, глубина 0,3 м. На дне скелет человека на спине, головой на СЗЗ. Ноги были согнуты в коленях и позднее упали влево. Погребенный окрашен охрой. Под ним лежал камень, углубленный в материк на 0,1 м размерами 0,35×0,3×0,15 м (рис. 10–IV).

Каменный ящик 5 находился в 9 м к ССВ от ящика 3. Плиты возвышались над дерном до 30 см. Ящик забутован. Его размеры 1,2×1,8 м, длинной осью ориентирован СВВ–ЮЗЗ. Установлен в яму глубиной 0,65 м. В дерне обнаружены кости животных. На глубине 0,5 м лежал скелет человека на левом боку скорченно, головой на З. Можно предположить, что тело умершего было уложено в могилу до того, как были установлены плиты ящика, т.к. левую руку перекрывала небольшая плита, поддерживающая северную плиту ящика. У тазовых костей и под берцовой правой ноги обнаружены угольки. Все кости погребенного окрашены охрой. Под скелетом лежали сланцевые плиты, их не было только под черепом (рис. 10–V).

Каменный ящик 6 находился в 90 м к В от ящика 5. Плиты возвышались над поверхностью до 30 см. Размеры ящика 1,8×1,3 м (в западной части — 1,0 м). Длинной осью ориентирован по линии З–В. Плиты ящика установлены в яму глубиной 0,5 м. В засыпке ящика из щебенки и камней встречались фрагменты керамики и кости человека, окрашенные охрой. На дне могилы на левом боку скорченно, головой на З лежал скелет человека. Череп отсутствовал. Все кости окрашены охрой. У колен обнаружены угольки. Между тазовыми и пяточными костями найден фрагмент придонной части плоскодонного сосуда. Все фрагменты из ящика от одного сосуда. Ящик, по-видимому, не подвергался ограблению, т.к. найдены кости суслика (рис. 11–I).

Могильник Кара-Коба 2 открыт В.А. Посредниковым, в 1978 г. им раскопано два погребения [229, с. 31–32].

Памятник находится в 2–2,5 км к ЮВВ от с. Кара-Коба в ССВ части урочища Нижний Тюмечин под южным подножием горного выступа, имеющего перевал из урочища Нижний Тюмечин в Теньгинскую падь, расположенную вдоль правого берега р. Урсул, от с. Кара-Коба до с. Теньга.

Каменный ящик находился в восточной части могильника. Плиты выступали над поверхностью на 5–20 см. Вокруг ящика в радиусе 2,5–3 м — обломки камней.

Ящик сооружен из четырех впущенных в яму плит, наклоненных вовнутрь. Размер ящика сверху — 120×75 см, по дну 135×80 м, глубина от поверхности 40 см. Длинной стороной ориентирован по линии ЮВВ–ЗЗ. Забутован обломочным материалом. Среди камней найдены коровья бабка и астрагал овцы. Подросток был уложен на левом боку, головой на СЗЗ. Сохранность костей плохая.

Каменный ящик 2 находился в 150 м к ЮВВ от ящика 1, на склоне горы. Плиты выступали над поверхностью на 3–10 см. Вокруг ящика в радиусе 2,5 м наброска из камней. Ящик сооружен из четырех впущенных в яму плит. Размер сооружения по верху 115×75 см, глубина 45–50 см. Ориентирован длинной стороной ЮВВ–СЗЗ. Забутован обломочным материалом и желтой супесью со щебнем. На дне ящика в анатомическом порядке лежали берцовые кости подростка. Возможно, погребенный лежал на боку, головой на СЗЗ (рис. 11–II).

Следует признать необычным, что погребенные из каменных ящиков 4–6 могильника Нижний Тюмечин 2 окрашены охрой. В то же время сосуд из ящика 6 датируется ранним железным веком. Полностью он не реконструируется, но, вероятнее всего, был баночной формы и не очень высокий (рис. 11–III, IV).

А.Б. Шамшин, Я.В. Фролов, Э.М. Медникова

Бобровский грунтовый могильник

Проблемы переходного времени от бронзового века к железному на Верхней Оби в течение долгого времени вызывают оживленные дискуссии. Прежде всего споры идут вокруг

вопросов хронологии и культурной принадлежности памятников этой эпохи. В дискуссиях в разные годы участвовали многие специалисты [1, 3, 4, 24, 193–195, 205, 208, 278–

281, 283, 284, 316, 320–323, 325 и др.]. При этом зачастую не учитывались как новые материалы, так и полученные довольно давно, что вызвано, в частности, отсутствием их публикаций. В то же время значительная часть находок получена с памятников, на которых проведены довольно крупные раскопки (поселение Мыльниково, городище Елбанка, Бобровский грунтовый могильник и др.), и откуда имеется представительный материал.

В 1993 г. Ю.Ф. Кирюшин и А.Б. Шамшин опубликовали результаты исследования Елунинского культового места [140], переизданные позже в Корее [333]. Это была первая крупная публикация материалов памятника переходного времени Барнаульского Приобья после известной монографии М.П. Грязнова 1956 г. «История древних племен Верхней Оби...» [79]. Более того, даже издание отдельных находок ранее касалось лишь поселенческих материалов [322]. Единственными известными погребальными комплексами переходного времени на этой территории по-прежнему оставались могильники Ближние Елбаны (БЕ) VII, XII, и XIV, исследованные М.П. Грязновым [79, с. 44–85, табл. XVI–XXI]. В этой связи введение в научный оборот материалов раскопанного авторами Бобровского могильника представляет, на наш взгляд, особый интерес.

Бобровский грунтовый могильник расположен в 3 км к югу от с. Бобровка Первомайского района Алтайского края на правом коренном берегу р. Обь (рис. 1–1). В 300 м к северо-западу от могильника берег образует высокий обрывистый мыс, а в 50 м к северу от памятника проходит кромка Приобского бора. В 100 м к западу находится местами пересыхающая обская протока. Низкая пойма подходит к подошве склона коренного берега (рис. 1–2). В 350 м к югу от Бобровского могильника расположен крупный некрополь староалейской культуры раннего железного века Обские Плесь II.

Впервые в окрестностях с. Бобровка разведочные работы проводил А.Д. Сергеев во второй половине пятидесятых годов [79, с. 69; 41, с. 50–51]. Им было открыто четыре археологических памятника, которые в дальнейшем получили названия: поселения Обские Плесь I, Утопша I, Бобровское и могильник Обские Плесь II [41, с. 50–51; 326, с. 163]. Позднее, в мае 1968 г., на площади поселения Обские Плесь I школьники с. Бобровка обнаружили захоронение человека. Весной и летом того же года экспедицией Алтайского краевого краеведческого музея под руководством Э.М. Медниковой здесь были начаты

раскопки поселения Обские Плесь I и могильника, который получил название Бобровский грунтовый могильник. Было исследовано 24 погребения (включая могилу № 1. найденную школьниками), относящихся к переходному времени от поздней бронзы к раннему железному веку и получен большой вещественный материал как из могил, так и из культурного слоя поселения, их перекрывающего [188, с. 2–9].

Затем на занимаемой памятником площади в течение многих лет проводились сборы подъемного материала: в 1969, 1973, 1974 годах Э.М. Медниковой, в 1978–1995 годах Ю.Ф. Кирюшиным, В.Б. Бородаевым, А.Л. Кунгуровым, А.Б. Шамшиным, С.Д. Ведяниным, Я.В. Фроловым [326; 48]. Эти сборы составляют большую коллекцию фрагментов керамики и вещей из камня и бронзы. Последние годы экспедиция Алтайского государственного университета и Научно-исследовательского института Гуманитарных исследований при АГУ под руководством А.Б. Шамшина вела раскопки Бобровского грунтового могильника и поселения Обские Плесь I. В работе ее принимали участие А.Л. Кунгуров, С.Д. Ведянин, С.Л. Изоткин, Я.В. Фролов, О.А. Ченских, А.Н. Язовская, Д.В. Папин и др.

В ходе работ вскрыта значительная и наиболее аварийная часть могильника, на которой обнаружено еще 30 погребений человека и девять ям, относящихся, видимо, к поселенческому слою. Всего на сегодняшний день раскопано 54 могилы, вытянутых рядами по линиям северо-запад-юго-восток и юго-запад-северо-восток. Особенно четко эти ряды читаются в южной части раскопа. Максимальное расстояние между погребениями — 4 м, минимальное 1,5 м (рис. 2). Видимо, центр могильника находился на невысоком всхолмлении коренного берега, а затем уже могильное поле распространялось по краю берега на его довольно пологие склоны.

Из 54 исследованных погребений — 11 детских и 43 взрослых, причем три могилы (22, 30, 49) парные и в них похоронены взрослые люди (табл. 1). По части могил, раскопанных Э.М. Медниковой, выполнены и опубликованы половозрастные определения.

Погребальный обряд населения, оставившего Бобровский могильник, отличается стабильностью. Все захоронения совершены на глубине от 30 до 100 см от современной дневной поверхности, в том числе большая их часть на уровне 40–50 см. Вероятно, погребения делались в небольших (примерно 120×100 см) овальных или подпрямоуголь-

ных с закругленными углами ямах, которые слегка (на 10–15 см) углублялись в материк. Возможно, часть захоронений была совершенно на древней дневной поверхности.

В большинстве могил деревянных конструкций не зафиксировано. Лишь в погребении 19 прослежены следы поперечного деревянного перекрытия из тонких плашек. Над двумя могилами (37 и 41) обнаружены остатки бересты. В погребении 41 это, возможно, части какого-то берестяного изделия (сосуда или теска). В могиле 22 северный и восточный края захоронения были обложены гальками средних размеров.

Более варианты ориентация и положение погребенных. Подавляющее большинство умерших положено головой на юг и юго-запад (соответственно, 18 и 22). Реже встречена ориентация головой на юго-восток и юго-юго-восток (8 раз). В одном случае умерший положен головой на запад. Наконец, также единично головой на северо-восток лежали погребенные в парной могиле 49. В остальных случаях ориентация не ясна (рис. 3).

Наиболее часто встречающееся положение костяка — скорчено на правом или левом боку (соответственно, 41 и 8). Лишь один ребенок лежал вытянуто на спине. В остальных случаях положение погребенного установить невозможно (рис. 3). Следует отметить, что наряду со стандартным (обычным) положением умершего (скорчено, колени подтянуты к животу, кисти рук поднесены к лицу) у большинства погребенных встречаются и некоторые отклонения. Так, например, одна или обе руки лишь слегка согнуты, кисти рук находятся в районе таза и т.д. (рис. 3).

Обращают на себя внимание и некоторые вторичные (потревоженные?) захоронения. В них положение костяка или отдельных его частей неестественно, хотя кости явно находятся в сочленении. Вероятно, умерший был помещен в могилу после того, как часть тканей уже разложилась, либо погребение какое-то время оставалось открытым.

Интерес представляет могила 36, в которой обнаружен один череп взрослого человека. Сама могильная яма (60×42 см) мала для захоронения взрослого человека (рис. 3–6). Возможно, это ритуальное погребение черепа (головы) человека.

Выше уже отмечалось наличие в могильнике трех взрослых парных погребений (22, 30, 49). Костяки в могиле 22 лежат лицом в разные стороны: мужской положен на правом боку и обращен лицом к югу, женский — на левом боку и находится лицом к северу.

Правая рука женщины была под черепом, а левая на бедре.

Погребенные в могиле 30 лежали скорчено, на правом боку, друг за другом, головой на северо-восток. У костяка № 2 отсутствуют кисти рук и часть лучевых костей (возможно, отрублены). У него же в черепе пробоины, нанесенные предметом с острым краем. В локтевой кости правой руки сохранился воткнувшийся бронзовый наконечник стрелы. Такой же наконечник найден и в области позвоночника. Еще два наконечника обнаружены среди костей грудной клетки и под черепом костяка № 1.

Погребальный инвентарь памятника довольно беден. Обычно в могиле встречены один-два предмета. В 19 безинвентарных погребениях были захоронены преимущественно дети и молодые люди. В расположении инвентаря в могилах прослежены некоторые закономерности.

Так, в 12 погребениях обнаружены целые сосуды или крупные их фрагменты. Сосуд обычно стоял у лица умершего, кисти рук которого как бы обхватывали его.

Все бронзовые ножи располагались на поясах. В четырех могилах (10, 27, 31, 34) найдены костяные наконечники стрел, в двух случаях обнаруженные в области колен. Семь таких наконечников из погребения 34 лежали компактной группой остриями в разные стороны, что свидетельствует скорее в пользу какой-то сумки, а не колчана. В могиле 10 два наконечника воткнулись в ее дно. Возможно, они были выпущены в могилу из лука. Найдено также несколько оселков, которые встречаются в основном с бронзовыми ножами и с костяными наконечниками стрел.

Интерес представляют обнаруженные в 10 погребениях бронзовые бляшки, очевидно украшения головных уборов, которые находились на черепах умерших или рядом с ними. В одних случаях это небольшие бесформенные кусочки тонких бронзовых пластин, в других — обломки бронзовых ножей.

В двух детских захоронениях (38 и 44) в области черепов и ступней погребенных зафиксировано по обломку от лезвия двух бронзовых ножей (рис. 3–3; 6–17, 18). При соединении этих двух обломков из могилы 44 видно, что слом произошел на месте изгиба лезвия, т.е., возможно, нож сломан специально, а затем его обломки были положены в погребение. Бронзовый нож из могилы 32 также сломан в древности.

Наряду с вышеперечисленными изделиями в Бобровском могильнике найдены украше-

ния: золотая серьга, бронзовые пронизки и бусины, ожерелье из зубов животного; костяные проколки; железный предмет (остатки ножа?); костяные застёжки аржанского типа и некоторые другие вещи. Остановимся на характеристике погребального инвентаря.

Оружие представлено четырьмя бронзовыми наконечниками стрел из могилы 30. Как уже отмечалось выше, ими были убиты оба погребенных в этой могиле человека. Наконечники относятся к разным типам:

1. Черешковый, трехлопастной, форма пера треугольная, лопасти обрезаны под острым углом к черешку и образуют некоторое подобие шипа. Насад уплощен (рис. 4-4).

2. Черешковый, трехлопастной, форма пера треугольная, лопасти срезаны под тупым углом к уплощенному насаду (рис. 4-5).

3. Черешковый, с трехгранной боевой головкой сводчатой формы, на гранях имеются вырезы овальной формы, нижние края граней образуют прямой угол с уплощенным насадом (рис. 4-6).

4. Втульчатый, трехгранный со скрытой втулкой, на нижних краях двух граней небольшие подтреугольные вырезы, на третьей грани вырез представляет собой узкую щель, достигающую двух третей от длины наконечника (рис. 4-7).

Трехлопастные и трехгранные черешковые наконечники появляются еще в эпоху поздней бронзы. Более массово начинают встречаться с конца VIII в. до н.э. и бытуют до IV-III вв. до н.э. Основные районы их распространения: Казахстан, Тува, Монголия, [30, с. 117, табл. 15; 31, с. 377; 32, с. 93; 33, с. 162, рис. 9; 34, с. 23, рис. 4, 5; 35, с. 32]. Известны в Южном Приуралье и Западной Сибири [36, с. 65, 142, рис. 40-1, 10-12; 37, с. 34-35, рис. 5; 38, с. 69, рис. 24-3-10; 39, табл. 12-13, 28]. На Алтае часто встречаются в памятниках староалейской культуры [40, рис. 1]. Единичные экземпляры известны в памятниках быстрянской и каменской культур, а также в Горном Алтае [42, с. 58, рис. 21; 43, с. 56; 44, рис. 15 и т.д.]. В Восточном Казахстане они обнаружены в памятниках бегазы-дандыбаевской культуры (VIII-VI вв. до н.э.) [45, рис. 1; 30, с. 116-117]. В Западной Сибири один такой наконечник найден в Еловском могильнике, датирующемся X-VIII вв. до н.э. [46, с. 140, табл. 2, 19]. В Минусинской котловине подобный наконечник происходит из комплекса с довольно архаичными предметами и датируется VIII-VII вв. до н.э. [47, с. 107, рис. 216]. В Туве близкие наконечники известны из комплексов аржанского этапа алды-бельской культуры VIII-

VI вв. до н.э. [35, прил., табл. I-25]. Г.Е. Иванов датирует такие наконечники с Алтая VII-IV вв. до н.э. [48, с. 9-10, рис. 3-2-12].

Бронзовые наконечники, подобные типу № 4 из Бобровского могильника (рис. 4-7) датируются несколько более поздним временем (VI-V вв. до н.э.) и также бытуют на довольно широкой территории: Южное Приуралье, Казахстан, Тува [36, табл. V-11-14; 49, с. 57; 30, с. 116-117; 35, прил. табл. I-89, 149]. На Алтае они известны из материалов у с. Новообинки VI-V вв. до н.э., из Туекты — V в. до н.э. Близкий наконечник найден в могильнике Староалейка II [50, с. 57; 42, рис. 21].

Довольно большую серию (16 экземпляров) составляют обнаруженные на могильнике костяные наконечники стрел (м. 10-2; м. 27-3; м. 31-1; м. 34-10). Большинство их — черешковые, трех- и четырехгранные, с головкой сводчатой формы, имеющие по два выступа у основания пера и образующие острый или прямой угол по отношению к насаду (рис. 5-1-6, 8-12, 14-19).

Костяные наконечники являются распространенной находкой в памятниках эпохи бронзы и железа Южной Сибири. Обращают на себя внимание два из них. Первый из могилы 31 довольно крупных размеров, длиной 17 см (рис. 5-1). В Верхнем Приобье наконечники стрел подобных размеров известны с переходного времени от бронзы к железу. Они обнаружены в могильниках БЕ VII, на поселениях БЕ I, Мыльниково, Елунинском культовом месте [79, табл. XV-5, XVIII-5-8; 322, с. 117, 119; 140, с. 168, рис. 5-2; 328, с. 78-79]. Позднее, в VI-IV вв. до н.э. количество их уменьшается. Все известные нам наконечники этого времени в основном варьируют в пределах 5-10 см. Вновь крупные наконечники стрел появляются в памятниках III-I вв. до н.э. [204, с. 91].

Другой костяной наконечник стрелы со скрытой втулкой из могилы 34 (рис. 5-7) найден в скоплении с девятью черешковыми. Большинство исследователей считают, что такие наконечники появляются в VIII-VI вв. до н.э. и являются имитациями бронзовых втульчатых двухлопастных наконечников стрел [243, с. 54-55; 84, рис. 1-10-13]. В памятниках Верхнего Приобья подобные изделия известны из материалов поселения Мыльниково, могильника БЕ XIV, Елунинского культового места, где датируются также VIII-VI вв. до н.э. [79, табл. XXI-24; 140, с. 168, рис. 4-5, 5-6, 10; 300, с. 91, рис. 1-6]. Близкие наконечники стрел встречаются и в более позднее время — V-III вв. до н.э. — II в. до н.э. — I в. н.э.,

но они в большинстве своем несколько иной формы, имеют вырез у основания втулки [110, с. 13; 95, с. 51, рис. 4–23].

Бронзовые ножи. Найдено четыре экземпляра.

1. Нож миниатюрных размеров длиной 9 см. Сделан из рукояти более крупного изделия, вероятно, также ножа. Край рукояти раскован, заточен и превращен в лезвие. Подобный способ изготовления изделий характерен для переходного времени, VII–VI вв. до н.э. Ряд ножей из могильников переходного времени на БЕ и Томском могильнике также изготовлены из обломков других изделий.

Рукоять ножа из могилы № 25 округлой формы с небольшим отверстием на конце. По лицевой стороне идет небольшой бортик (рис. 4–2). Подобное оформление рукояти характерно для ножей эпохи поздней бронзы.

2. Небольшой пластинчатый нож из могилы № 28. Имел деревянную рукоять. Он изготовлен из обоюдоострого лезвия более крупного изделия, вероятно, кинжала. Один край его притуплен и превращен в черенок (рис. 4–3). Это типичная находка для памятников переходного времени Барнаульского Приобья.

3. Пластинчатый нож из могилы № 32. Имеет выгнутую спинку и слегка выделенную рукоять. Концы лезвия и рукояти закруглены (рис. 4–8). Точных аналогий данному изделию не обнаружено.

4. Бронзовый пластинчатый нож из могилы № 40 с прямой спинкой, череновидной рукоятью и отогнутым концом лезвия, «хвостатый» (рис. 4–1). Ножи подобных форм датируются в пределах X–VII вв. до н.э.

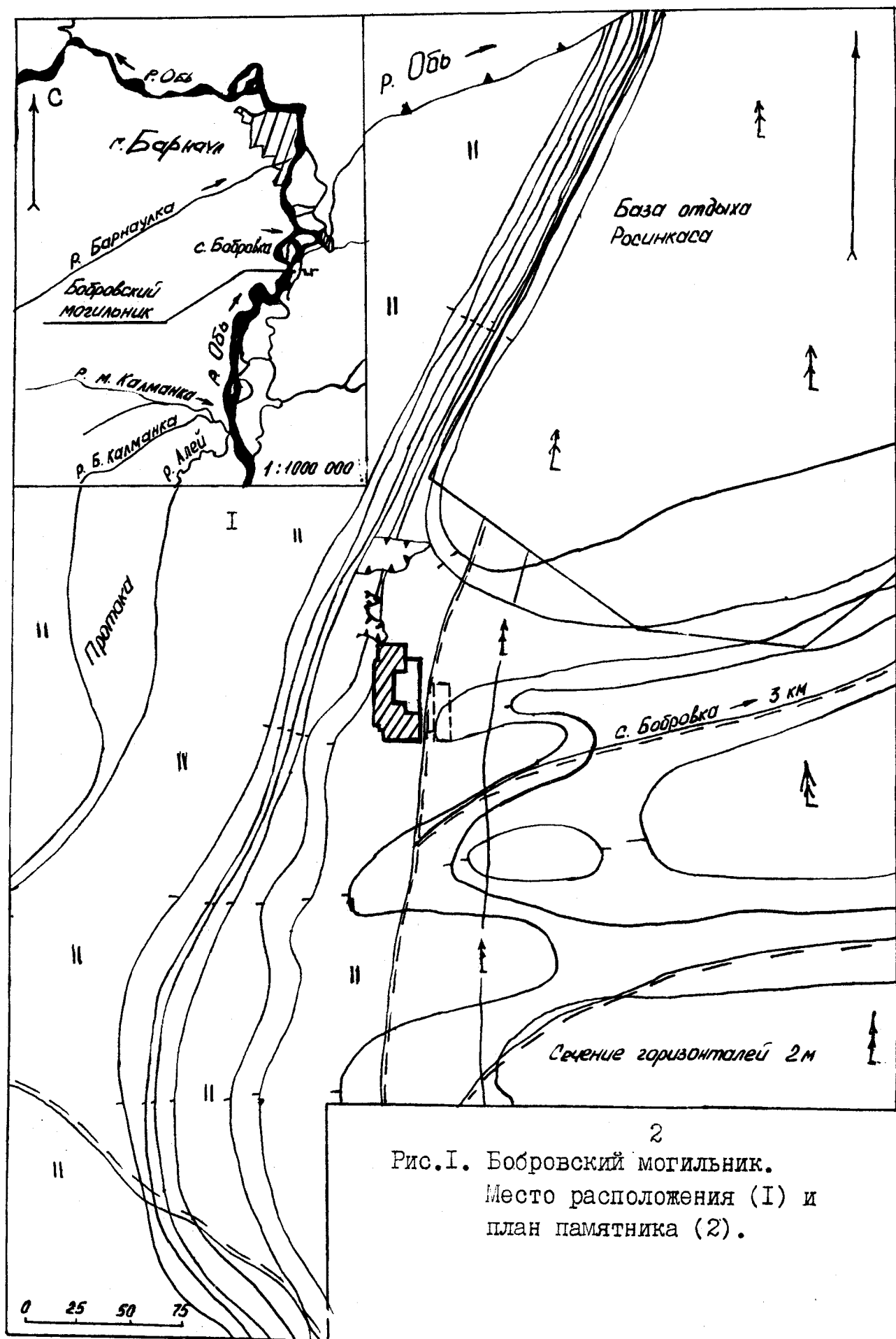
Следующей категорией инвентаря, имеющей большое значение для установления даты памятника, являются желобчатые застёжки аржанского типа. Это застёжка из могилы 42 (рис. 4–10) и, возможно, также небольшое полукольцо с желобками на внешней стороне из погребения 28 (рис. 4–9).

Самые древние подобные изделия датируются VIII в. до н.э., а доживают они во всех культурах скифо-сибирского мира до V в. до н.э. [83, с. 55, 29, 36, рис. 12–2–4, 16–3]. В Верхнем Приобье они встречены только в памятниках переходного времени от поздней бронзы к раннему железному веку (VIII–VI вв. до н.э.) [79, табл. XXI–8–11; 273, с. 99, рис. 46–с; 322, рис. 1–5–7, 14]. Обращает на себя внимание нестандартность застёжек из Бобровского могильника. Вероятно, они, как и бронзовые ножи, являются копиями с классических оригиналов.

Довольно интересным артефактом является обломок железного предмета, найденный в могиле № 12. Предмет так окислился, что его назначение установить трудно, но, судя по профилю и массивности, он, возможно, является частью кинжала, хотя и несколько изогнут, что характерно больше для бронзовых ножей (рис. 6–7). Крупные предметы из железа в Верхнем Приобье появляются в середине VI в. до н.э. (биметаллический кинжал из могильника Малый Гоньбинский Кирдон 1 и железный меч из Новообинского кургана) [47, рис. 1–1; 110, рис. 7–13]. Железные вещи в могильниках переходного времени очень редки. Так, в погребении № 76 из БЕ VII найдена небольшая железная пластинка, служившая, вероятно, украшением головного убора [79, с. 62]. Кроме того, остатки какого-то железного предмета обнаружены в исследованном погребении на могильнике Красный Плакат 1. Это была единственная находка в этой могиле. На основании того, что костяк лежал скорченно, погребение было отнесено к переходному времени [293, с. 37–38]. Однако обряд захоронения в скорченном положении хотя и очень редко встречается и в более позднее время: могильники Обские Плеса II (VI–IV вв. до н.э.), Рогозиха 1 (V–II вв. до н.э.) и Енисейское (IV–II вв. до н.э.) [1, с. 52].

В погребениях Бобровского могильника найдено три оселка (рис. 6–1–3). Два оселка — плоские, подпрямоугольной формы, с отверстием в верхней части (рис. 6–2, 3). Один из них более крупный, был сломан в древности (рис. 6–2). Третий оселок относится к т.н. «узкотелым» (рис. 6–1). В Верхнем Приобье оселки найдены в ирменских памятниках (X–VIII вв. до н.э.), в переходное время (VIII–VI вв. до н.э.) и в раннем железном веке (VI–III вв. до н.э.) [311, рис. 1, Л., с. 113; 79, табл. XVII–3, 4, с. 66; 322, с. 118]. Некоторые исследователи отмечают, что «узкотелые» оселки наиболее ранние и датируют их X–VII вв. до н.э. [71, с. 253; 311, с. 113].

Из бытовых предметов на могильнике обнаружено несколько костяных проколки (рис. 6–6, 8–10). Подобные орудия являются типичной находкой для поселений Барнаульского Приобья эпохи бронзы и железа, но в могильниках обычно не встречаются. Так что наличие их в Бобровском могильнике — характерная его особенность. В целом проколки эти близки подобным изделиям из поселений БЕ I, Мыльниково, Елунинского культового места [79, табл. IX–9, 10; XV–3, 4, 11; 322, с. 119; 140, рис. 4–1–4, 6, 7].

2
Рис. I. Бобровский могильник.
Место расположения (I) и
план памятника (2).

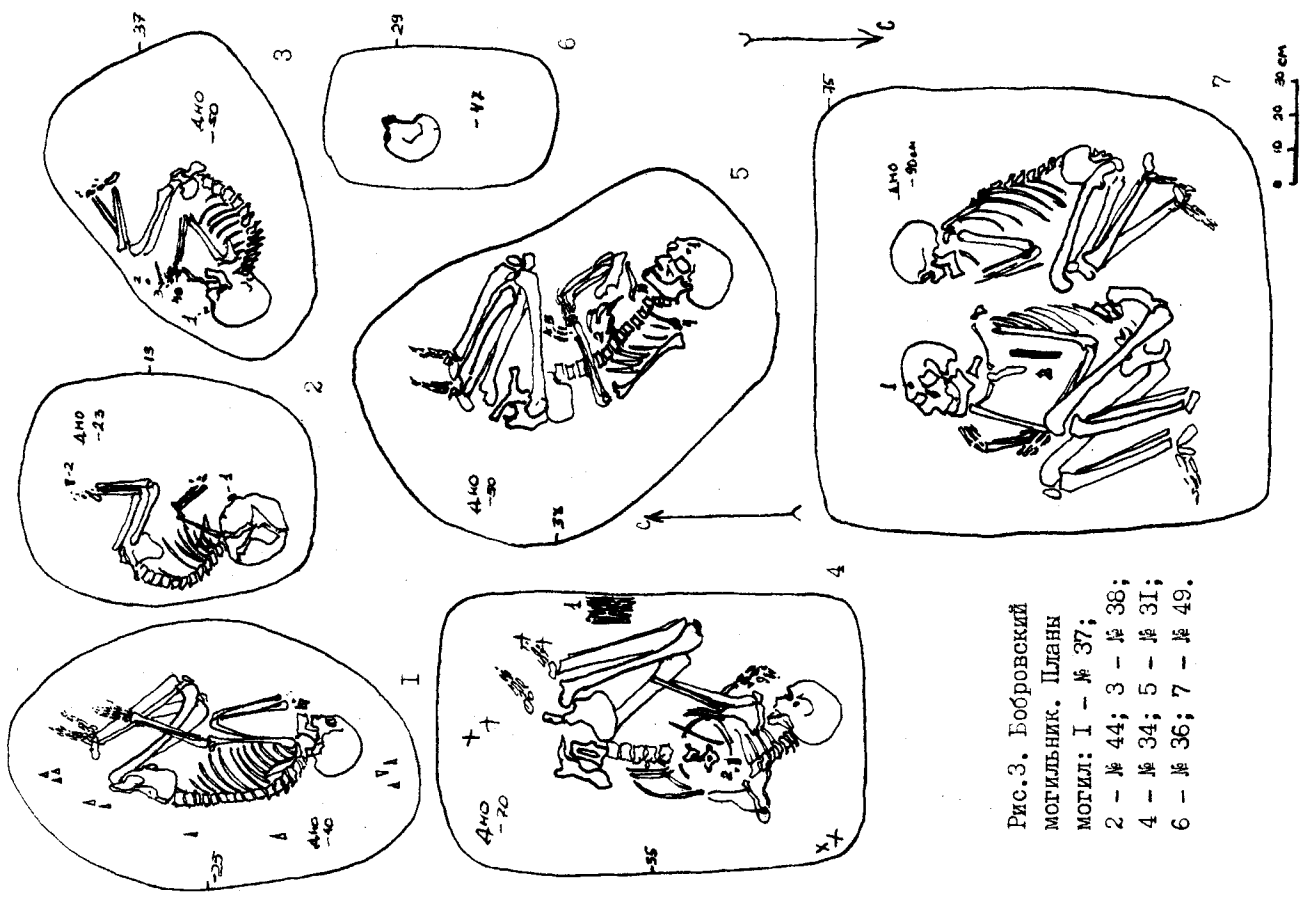

Рис.3. Бобровский
могильник. Планы
могил: 1 - № 37;
2 - № 44; 3 - № 38;
4 - № 34; 5 - № 31;
6 - № 36; 7 - № 49.

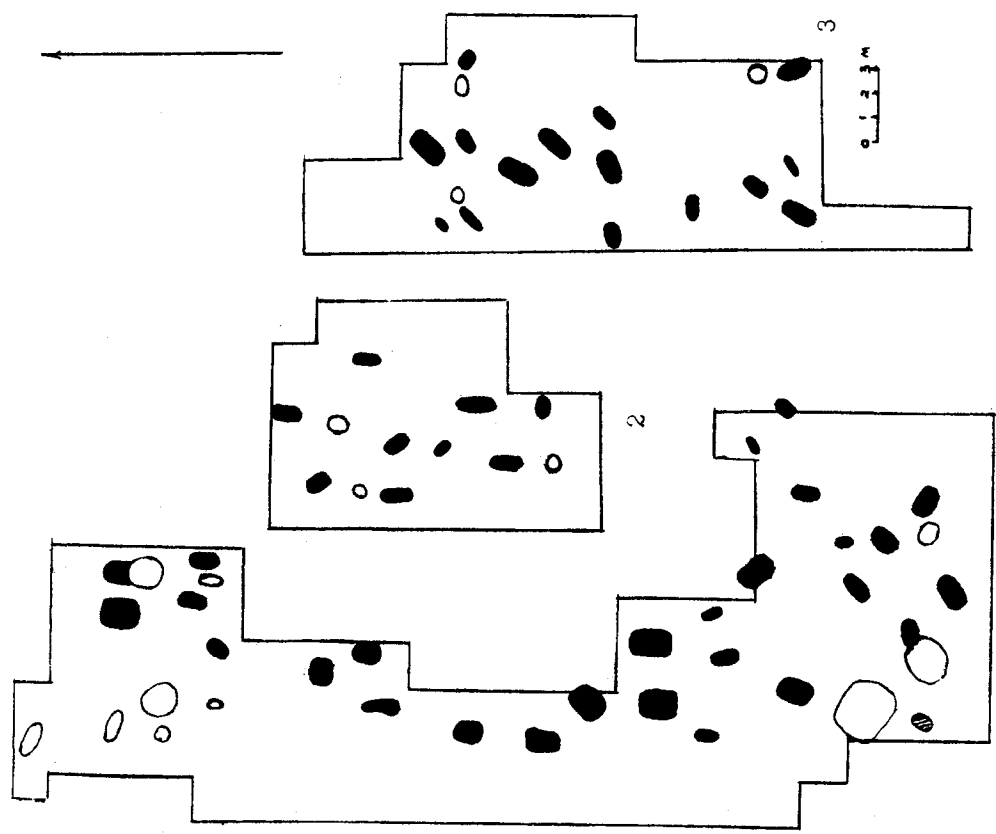

Рис.2. Бобровский могильник. Планы раскопок с нанесенными могилами. 1 - раскоп 1991-1995 гг.; 2-3 - раскопы 1968 г.

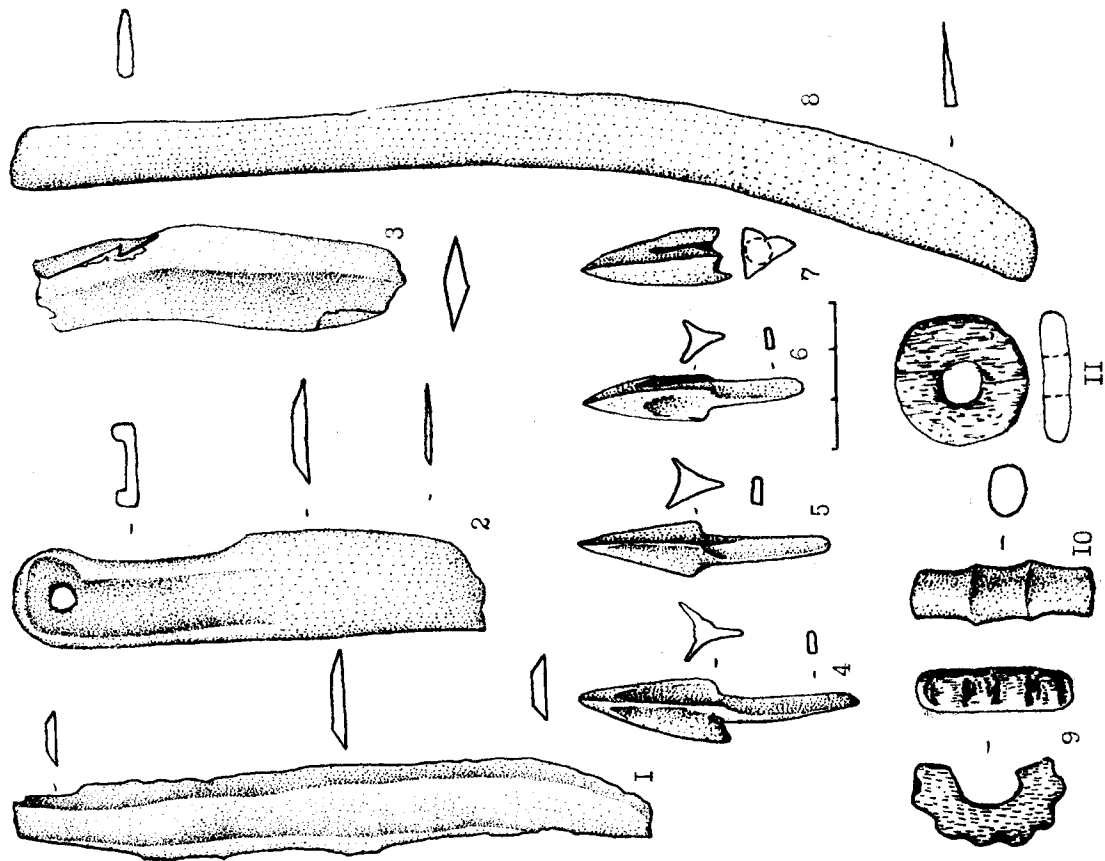

Рис. 4. Инвентарь Бобровского могильника.

1-8 - бронза, 9-11 - кость. I - м. 40; 2 - м. 25;
3, 9 - м. 28; 4-7, II - м. 30; 8 - м. 32; 10 - м. 42.

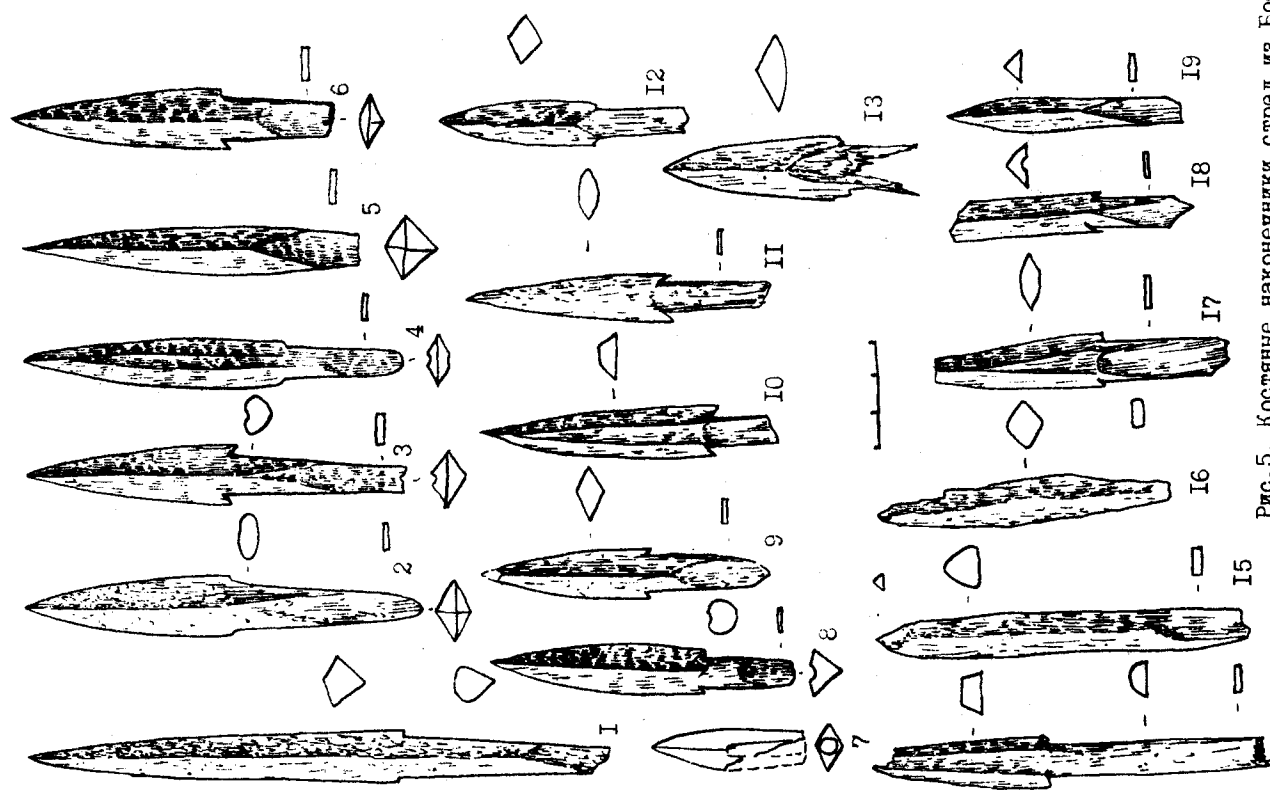

Рис. 5. Костяные наконечники стрел из Бобровского могильника (I - м. 31; 2-11 - м. 34; 14, 15 - м. 10; 17-19 - м. 27) и поселения Обские Плясы I (12, 13, 16).

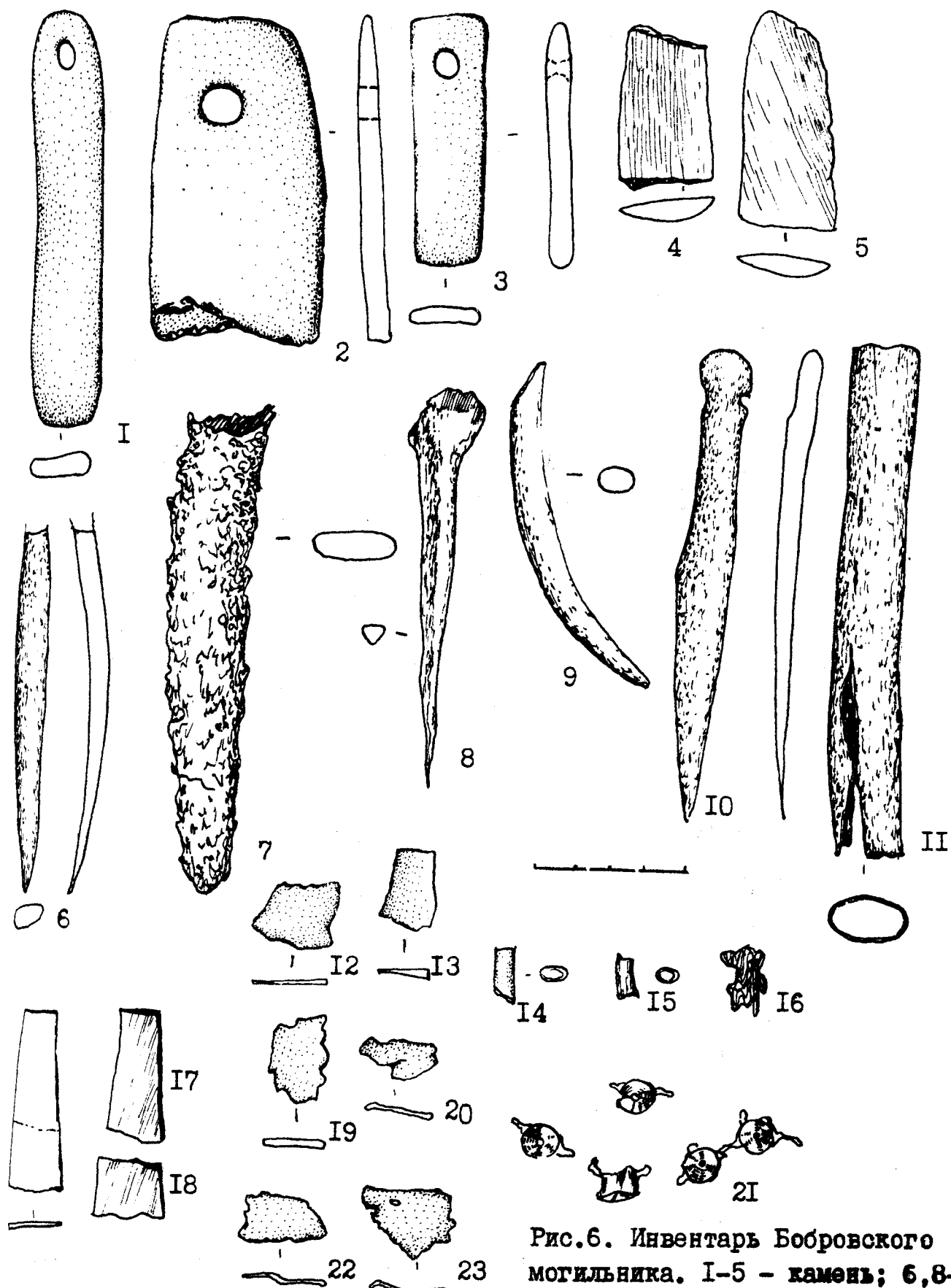

Рис.6. Инвентарь Бобровского
могильника. I-5 - камень; 6,8-II,

2I - кость; 7 - железо; 12-20, 22,23 - бронза. I - м.42; 2 - м.34;
3,6 - м.25; 4,5,19 - м.3I; 7 - м.12; 8 - м.14; 9,23 - м.38; II -
м.49; 12 - м.16; 14-16 - м.4I; 17,18 - м.44; 20 - м.20; 22 - м.37;
10,2I - м.50.

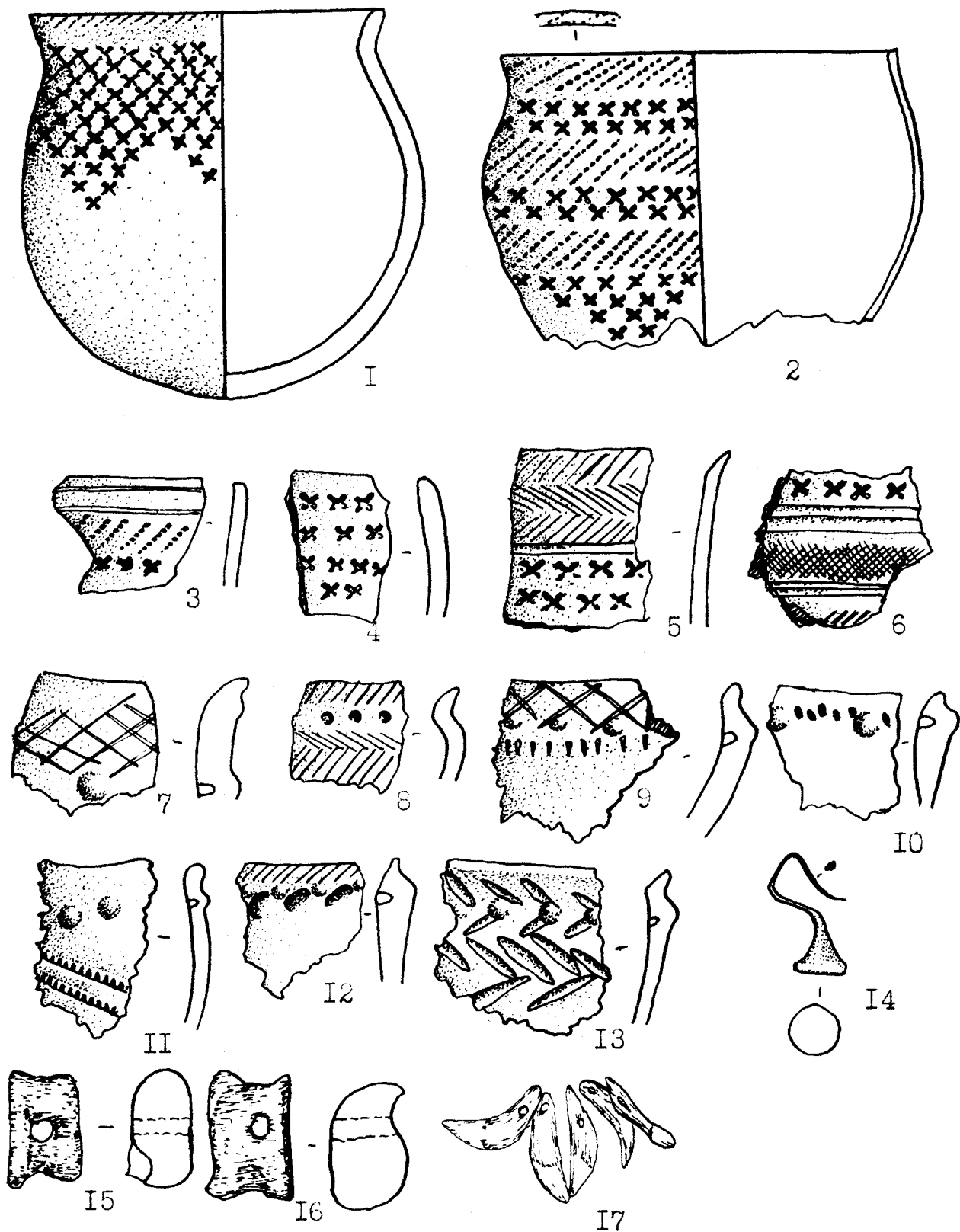

Рис.7. Керамика (I-I3) и инвентарь (I4-I7) Бобровского могильни и поселения Обские Плесы I. I-I3 - глина, I4 - золото, I5-I7 - кость. I - м.45; 3 - м.26; I4 - м.24; I5 - м.38 I6 - м.50; I7 - м.18; 2,4-I3 - культурный слой.

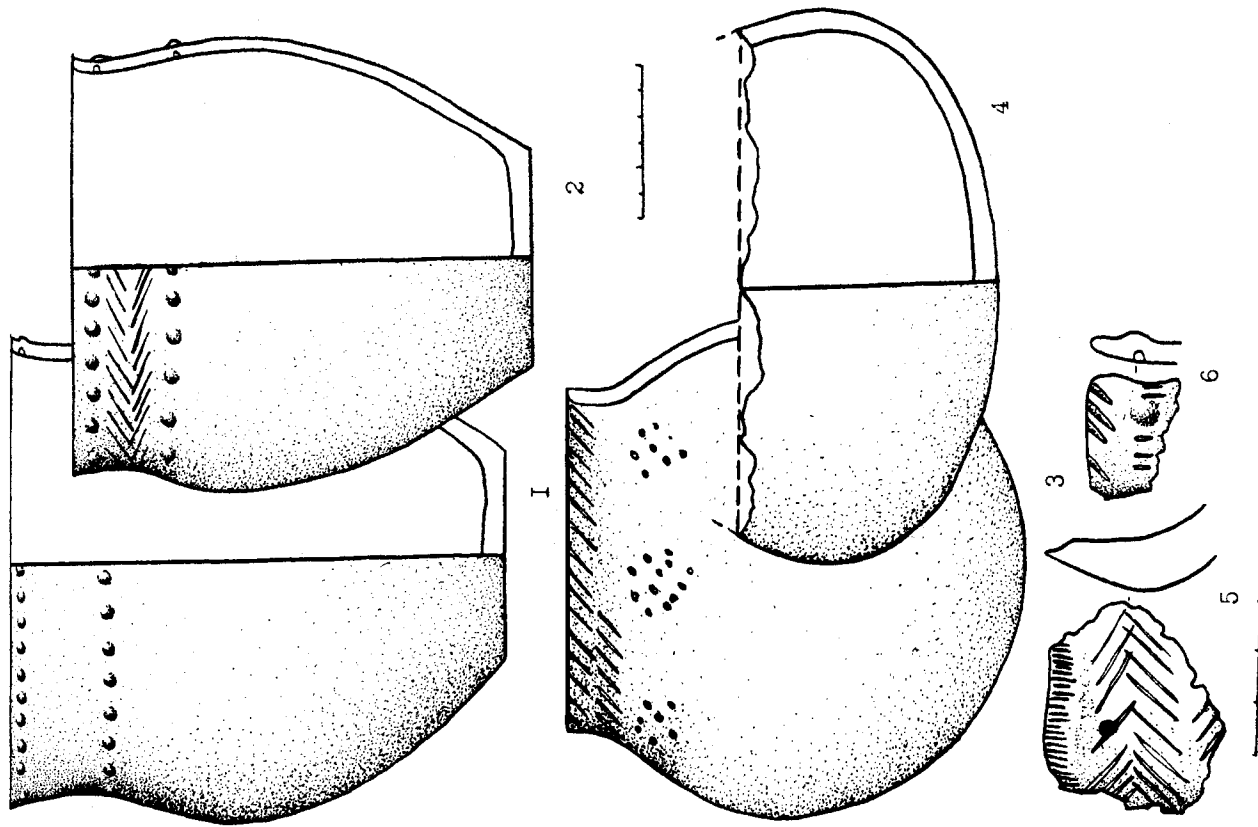

Рис. 8. Керамика Бобровского могильника (1-3) и поселения Обское
Плоск. I (4-6). 1 - м. 18; 2 - м. 5; 3 - м. 54; 4-6 -
культурный слой.

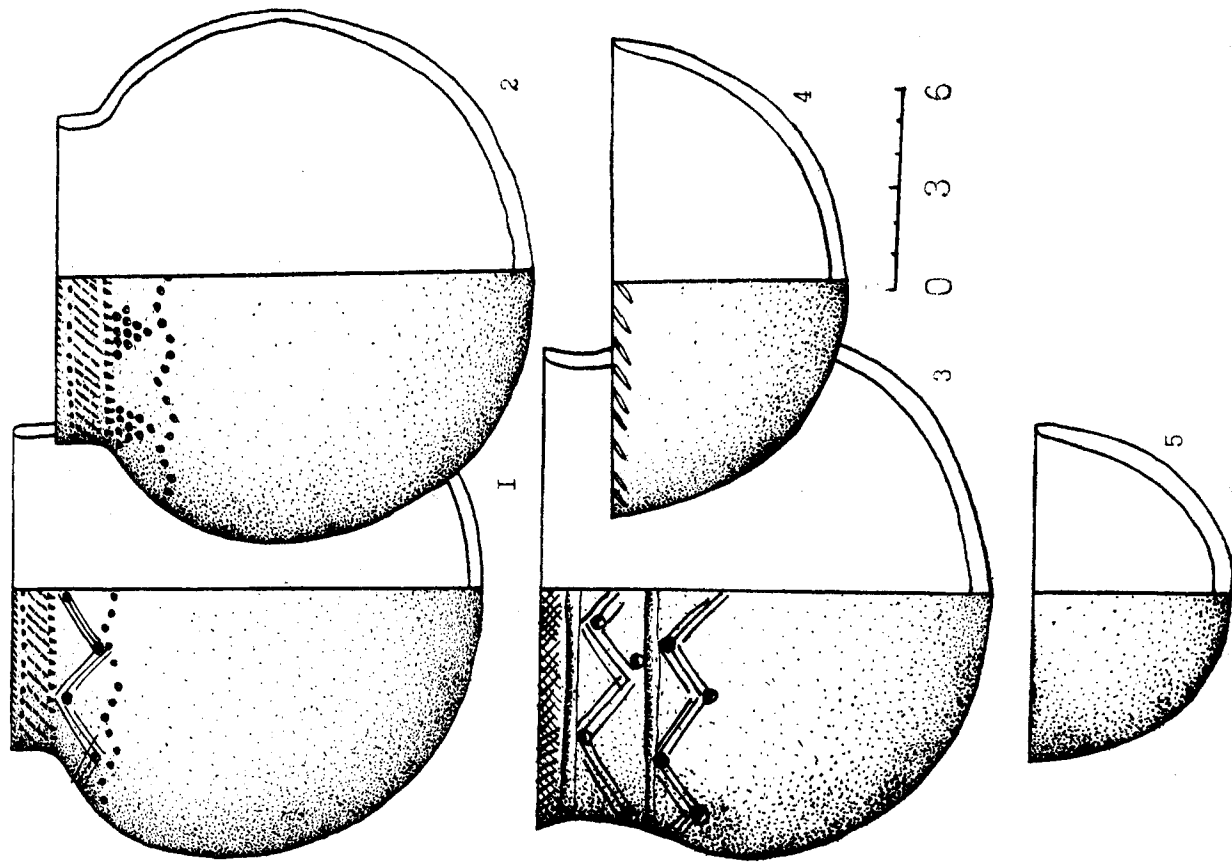

Рис. 9. Бобровский могильник. Сосуды из могил: 1, 2 - мог. 24;
3 - мог. 40; 4 - мог. 23; 5 - мог. 1.

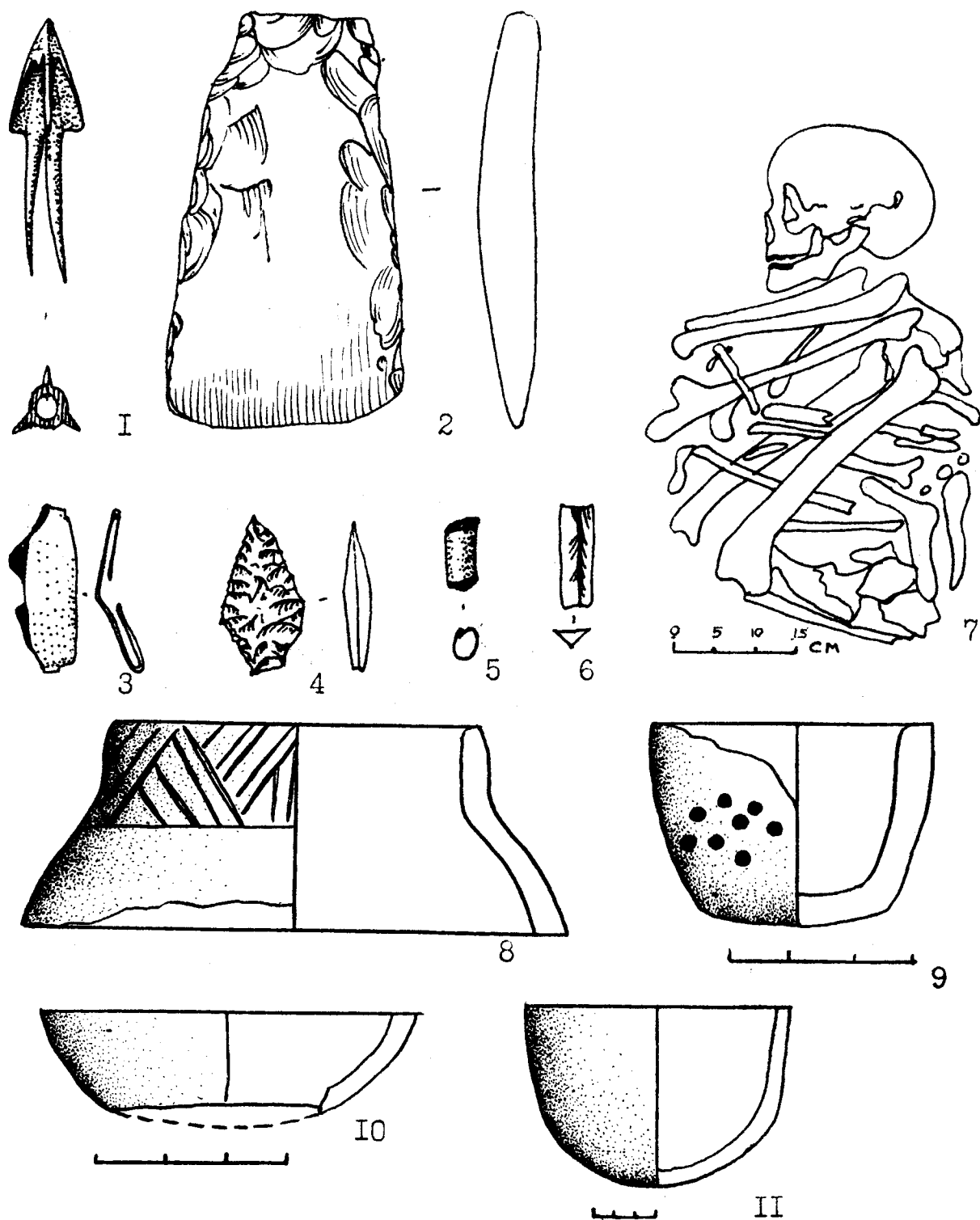

Рис.10. План погребения № 4 Бобровского могильника (7) и материалы из культурного слоя поселения Обские Плеси I. 1,3,5 - бронза; 2,4,6 - камень; 8-II - керамика.

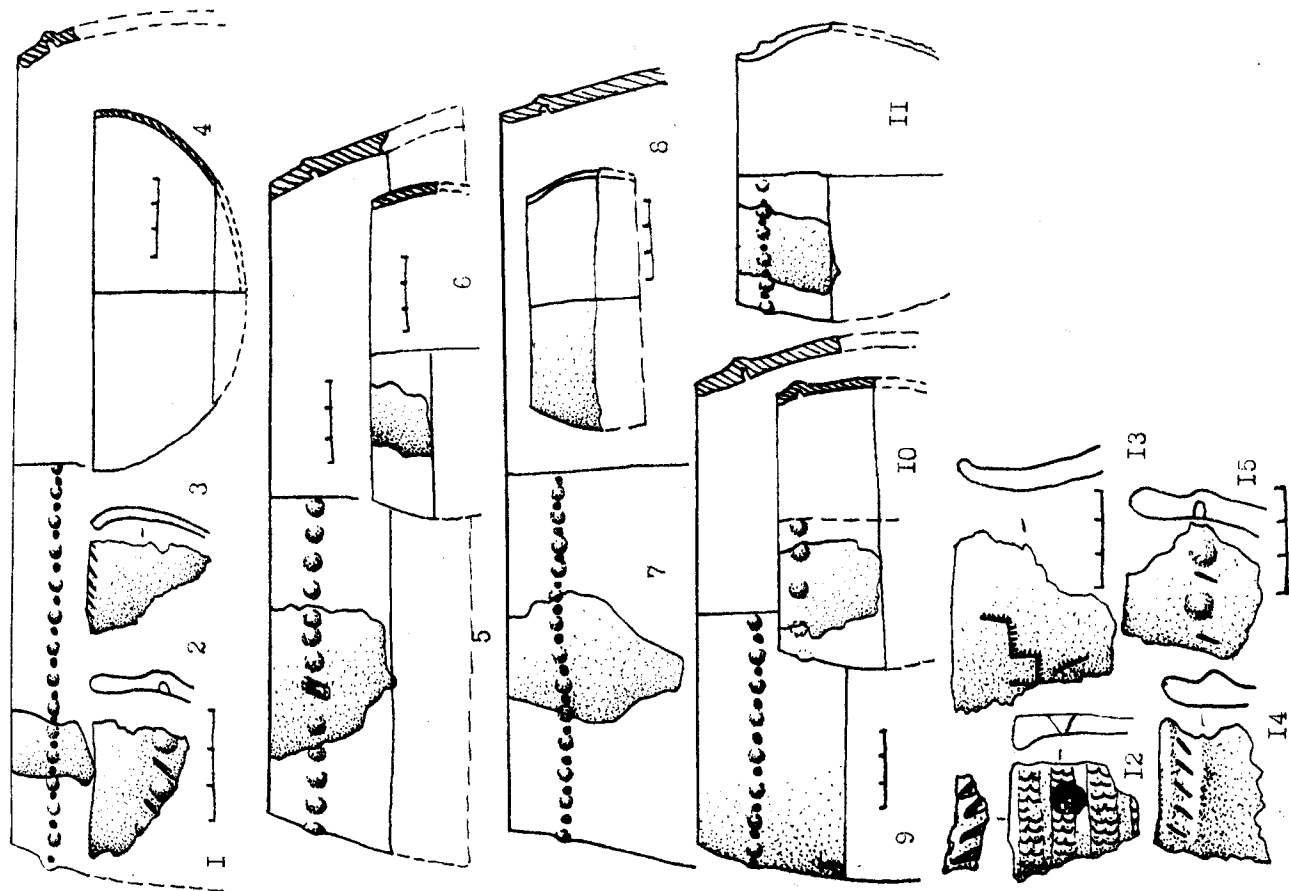

Рис.12. Поселение Обские Плеси I. Керамика.

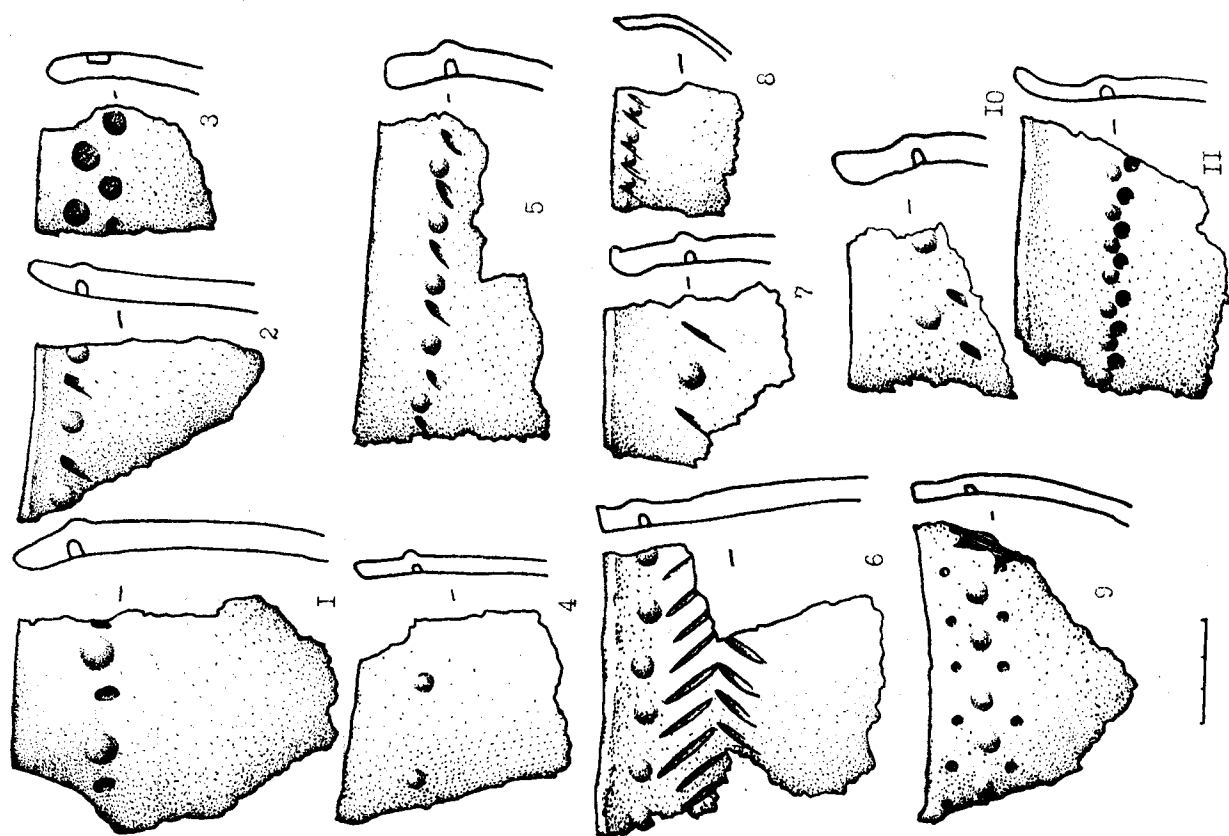

Рис.11. Поселение Обские Плеси I. Керамика раннего
железного века из культурного слоя.

Таблица 1

Погребальный обряд Бобровского могильника

Номер могилы	Ориентация погребенного	Глубина от дной по-верхности	Скорченно на левом боку	Скорченно на правом боку	Вытянуто на спине	Размеры погребения	Прокал над могилой	Угли в за-полнении	Камни в за-полнении	Детская могила	Взрослая могила	Парное погребение	Деревянные конструкции	Береста под могилой	Кости животных в за-полнении	Сосуд в погребении	Налобная бляшка
1	ЮЗ	-	+	+		-					+				+	+	+
2	ЮЗ	55	-	+		-				+					+	+	+
3	ЮЗ	30	+	+		-					+						+
4	ЮЗ	-	+	+		-					+					+	+
5	ЮЗ	-	+	+		-					+						
6	-	82	-	-		-		+		+							
7	ЮЮЗ	-	+	+		-					+					+	
8	ЮЮЗ	55	+	+		-		+			+				+		
9	ЮВ	-	+	+		-				+							
10	ЮЮВ	100	+	-		-					+						
11	ЮВ	55	+	+		-				+							+
12	ЮВ	55	+	+		-	+										
13	ЮВ	60	+	+		-					+						
14	З	55	+	-		-		+									
15	-	52	-	-	+	-	+	+			+						+
16	Ю	45	+	+		-	+	+			+						
17	ЮВ	-	-	-		-	+	+			+				+	+	
18	Ю	-	+	+		-	+					+					
19	Ю	-	-	-		-					+	+					
20	ЮЗ	-	+	+		-		+			+						
21	ЮЗ	-	+	+		-		+									
22	ЮЗ	-	+	+		-			+		+	+					
23	Ю	-				-			+							+	+
24	Ю	-				-					+	+				+	
25	ЮЗ	-				-	+										
26	ЮВ		+	+	-	-				+							
27	ЮЗ	55	+	+	-	-	+			+							
28	ЮЗ	59	+	+	145/110	+	+			+							

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
30	CB	-		+	-					+							+
31	KOB	50		+	120/85	+	+			+						+	+
32	KO	45		+	110/100					+							
33	KO	68		+	110/80		+			+							
34	KO	70		+	75/35		+	+		+						+	
35	KO3	53		+	60/42				+								
36	KO	45		+		-	+	+		+	+						+
37	KO	35		+	110/60		+			+		+			+		
38	KO3	50	+		120/50				+								
39	KO	58	+		150/85					+							
40	KO	57		+	140/110					+					+	+	
41	KO3	60		+	180/100	+	+			+			+				
42	KO	44		+	-					+							
43	-	82			100/80					+							
44	KO	-		+	90/70	+	+		+								+
45	KO3	54		+	-			+					+				
46	KO	54		+	-					+							
47	KO	63		+	120/75			+									
48	KO33	35	+		120/120	+				+							
49	KO	90		+	120/80					+							+
50	KO3	45	+		-					+					+		
51	KO3	52		+	-					+						+	
52	KOB	55		+	-	+	+			+							+
53	KO3	55		+	150/100	+	+			+							
54	KO	50		+	120/76					+					+	+	

Не совсем ясно назначение костяной трубочки, найденной на груди у одного из погребенных в парной могиле № 49 и изготовленной из трубчатой кости животного (рис. 6–11). Аналогичные изделия из могильников БЕ VII и XII М.П. Грязнов называет игольниками [79, с. 65, табл. XVIII–15; XXI–1]. На наш взгляд, крупные размеры этих предметов (более 10 см) и отсутствие во всех трех случаях внутри их игл, не позволяет делать окончательные выводы о действительном назначении предмета.

Интересную категорию инвентаря составляют каменные орудия, которые обнаружены в четырех погребениях. В могиле № 31 найдены два каменных предмета, вероятно, служившие в качестве точильных брусков. На их гранях имеются характерные затертости (рис. 6–4, 5). Кроме того в могилах № 45, 47 и 53 встречены округлые гальки также со следами затертости. Возможно, ими пользовались в качестве лоцил.

Еще одной категорией инвентаря являются украшения. Наиболее распространенная находка — бронзовые нашивные бляшки (украшения головного убора). Их обнаружено 10 экземпляров. Это небольшие плоские бронзовые пластинки подчетыреугольной формы (рис. 6–19–20, 22–23). В некоторых случаях в качестве нашивных бляшек служили обломки лезвий бронзовых ножей (рис. 6–12, 13, 17, 18). Аналогичные бляшки найдены также в могильниках переходного времени на БЕ [79, с. 62, табл. XVIII–20]. В других памятниках переходного времени в Верхнем Приобье они нам не известны. Следует, однако, отметить, что украшения головного убора из бронзовых полусферических блях и пронизей встречаются в погребениях предшествующей ирменской культуры [8, с. 73; 316, рис. 5].

В погребении № 18 Бобровского могильника найдено ожерелье из просверленных клыков животного (рис. 7–17). По всей видимости, браслетом из просверленных или проткнутых рыбьих позвонков было их скопление в могиле № 50 (рис. 6–21). Подобные находки известны из могильников переходного времени на БЕ [79, табл. IX–15–18; XV–12, 29–3; XIX–1,13; XXI–14,15,17]. Отметим, что такие украшения в погребениях характерны прежде всего для народов, у которых охота и рыболовство занимали большое место в хозяйственной жизни. Ни для предшествующей эпохи поздней бронзы, ни для последующего периода раннего железа (кроме ранних памятников староалейской культуры) такие вещи не типичны.

В погребениях № 38 и 50 Бобровского могильника найдены две подвески — просверленные астрагалы барана (рис. 7–15,16). Такие предметы были широко распространены на памятниках переходного времени Верхнего Приобья [79, табл. IX–14; XV–21–24, 36–38; 140, с. 170]. Известны они и в ранних могильниках староалейской культуры [17, рис. 1; 329, с. 97–98].

Видимо, остатками украшений являются несколько пронизей-трубочек, свернутых из тонкого листа бронзы, и также бронзовые кусочки проволоки, найденные в погребениях № 2 и 41 могильника (рис. 6–14,15).

Особое внимание следует уделить единственной золотой вещи, обнаруженной в Бобровском могильнике, — золотой серьге. Она имеет проволочную округлую в сечении дужку, в нижней части которой находится конусовидное расширение (рис. 7–14). Эта серьга напоминает согнутую булавку с конусовидной головкой и гвоздевидные серьги ирменской культуры [316, рис. 6–31]. Отметим, что это — единственное изделие из золота в памятниках переходного времени в лесостепном Приобье. Наиболее близкой аналогией ей является находка подобной, но бронзовой серьги из могильника БЕ XII [79, табл. XIX–11]. Очень близки серьги из могильника Уйгарак. Здесь они также золотые, но имеют не конусовидное навершие, а близкое к грибовидному [51, с. 82, табл. VI–6, VIII–1] и датируются VII–VI вв. до н.э.

Серьги подобных форм известны и в ряде раннескифских памятников азиатской части скифского мира. Правда, здесь они имеют не литой конус, а полуку свернутую из фольги подвеску, украшенную зернью. Такие серьги датируются шире VI–V вв. до н.э. [7, с. 38, рис. 4–5; 9, рис. 2–3, 3–3; 71, рис. 110–1].

Большой интерес представляет керамика могильника. Она обнаружена в девяти погребениях и представлена сосудами различных форм. Это слабопрофилированные горшки с широким горлом и слегка отогнутой шейкой. Два таких сосуда найдены над погребениями 5 и 18 (рис. 8–1,2). Два круглодонных сосуда с короткой прямой шейкой, округлым приплюснутым туловом и выпуклыми плечиками обнаружены в могилах 23 и 54 (рис. 8–3). Двумя экземплярами представлены небольшие круглодонные сосуды с прямой или слегка отогнутой шейкой, со слабо профилированными плечиками, найденные в погребениях 40 и 45 (рис. 9–4,5). Последнюю категорию сосудов составляют небольшие низкие широкогорлые круглодон-

ные мисочки-чашки из четырех могил — № № 1, 2, 50, 54.

Орнаментация посуды Бобровского могильника обнаруживает наибольшие аналогии с орнаментами керамики поселения Мыльниково. Это преобладание резных линий в технике нанесения орнамента над отпечатками гребенчатого штампа, наличие такого специфического элемента орнамента как зигзагообразные линии, образованные тройными штрихами. Углы зигзагов подчеркнуты ямочными вдавлениями.

Следует отметить, что если на поселениях переходного времени преобладают сосуды первой группы — слабопрофилированные горшки, то на могильниках, видимо, сосуды трех остальных типов. Все четыре типа посуды представлены в керамическом комплексе Бобровского грунтового могильника, однако если сосуды второго, третьего и четвертого типов были непосредственно поставлены в погребения, то сосуды первого типа находились или даже были разбиты над могилами. Такая же картина наблюдается и в могильниках переходного времени на БЕ[79, табл. XIX].

Особый интерес представляет керамика с крестовым штампом, обнаруженная как в погребениях Бобровского могильника (рис. 7-1, 3), в том числе и целый сосуд из могилы № 45, так и в культурном слое поселения Обские Плесь I (рис. 7-2, 4-6). Появление в Барнаульско-Бийском Приобье такой керамики связывается с проникновением северного населения. Результатом взаимодействия пришельцев и аборигенов (атлымцев и ирменцев) стало формирование в Новосибирском Приобье синкретичной двухкомпонентной завьяловской культуры. Контакты большебереченского (переходного времени) и завьяловского населения, а, возможно, и миграция части завьяловцев на юг вследствие продолжающегося давления на них с севера, из тайги, и привели к появлению в материалах большебереченской культуры керамики с крестовым штампом [322, с. 123-124]. Важно отметить, что подобная керамика встречена здесь и в погребениях. Это первое свидетельство такого рода, т.к. завьяловские памятники представлены лишь городищами и поселениями.

Интересно также то, что на ряде сосудов из Бобровского могильника и поселения Обские Плесь I крестовый штамп выступает не только в качестве самостоятельного мотива орнаментальной схемы, но и служит в качестве разделителя орнаментального поля (рис. 7-2), либо образует геометрические фигуры, например, треугольники (рис. 7-1, 2). Таким обра-

зом он замещает в этом случае традиционные орнаментальные мотивы керамики эпохи поздней бронзы — корчажкинской и ирменской культур: ряды сетки, прочерченные линии, либо свисающие штрихованные треугольники. Подобные особенности мы наблюдаем и в орнаментации керамического комплекса поселения Мыльниково.

Как уже отмечалось выше, на месте, где был сооружен Бобровский грунтовый могильник, позднее находилось поселение раннего железного века, получившее название Обские Плесь I, т.к. оно было обнаружено раньше, чем сам могильник.

Самые ранние находки из культурного слоя поселения единичны и относятся к энеолиту — эпохе ранней бронзы. Это несколько фрагментов керамики этого времени, отщепы, ножевидная пластина, каменный топор-тесло и каменный наконечник стрелы (рис. 10-2, 4, 6) [326, с. 163, рис. 1-8, 11-13, 15]. Культурный слой этого времени стратиграфически не выделяется. Видимо, в данный период здесь существовала небольшая временная стоянка. К последующим эпохам развитой и поздней бронзы относится также не более десятка фрагментов керамики [326, с. 163-164, рис. 1-2, 4, 5, 7, 9].

Более значительную серию составляют материалы переходного времени, представленные обломками более чем от 30 сосудов, а также двумя развалами сосудов (рис. 7-2-13; 8-4-6) [326, с. 164, рис. 1-3, 2-7, 11, 13, 15]. Орнаментация этой керамики находит близкие аналогии в материалах Бобровского поселения, находящегося в 3 км к северу от могильника [316, рис. 46-47].

В культурном слое обнаружены также три костяных наконечника стрел (рис. 5-12, 13, 16). Датировать их, либо определить культурную принадлежность, сложно, т.к. подобные наконечники стрел были широко распространены в различное время.

Погребения могильника перекрыты в основном культурным слоем поселения раннего железного века мощностью 25-35 см. Здесь найдено значительное количество керамики — венчики более чем от 130 сосудов. Много обломков камней, потрескавшихся от влияния огня. В некоторых случаях они составляли небольшие скопления, возможно, очаги. Крупных сооружений этого времени на памятнике зафиксировано не было. Обнаружено 14 ям, также, по-видимому, относящихся к этому времени. В одном случае яма № 13, в которой найдено большое количество керамики раннего железного века, потревожила погребение переходного времени № 54.

Видимо к слою раннего железа относится бронзовый наконечник стрелы, найденный прямо под дерном на глубине 7 см. Это бронзовый трехлопастной, со сводчатой боевой головкой, втульчатый наконечник стрелы. Втулка на 3,5 см выступает над срезом пера и имеет два продольных выреза по бокам. Втулка напоминает раздвоенный насад (рис. 10–1). Вероятно, этот наконечник типологически занимает промежуточное место между втульчатыми и черешковыми наконечниками стрел. Точных аналогий ему нам не известно. Наиболее близок нашему наконечник из могильника Усть-Хадынныг I. А.Д. Грач относит последний к аржанскому этапу алды-бельской культуры и датирует VIII–VII вв. до н.э. [72, Вкладка III, табл. I, рис. 24]. Также довольно крупную втулку имеет наконечник из Минусинской котловины, найденный в могильнике Усть-Сыда. Н.Л. Членова датирует его V–IV вв. до н.э. [310, табл. 12, 41].

Остановимся на характеристике керамического комплекса поселения раннего железного века Обские Плеса I. Керамика, относящаяся к раннему железному веку, составляет наибольшую коллекцию находок из поселенческого слоя памятника и представлена 155 фрагментами венчиков более чем от 130 сосудов. При статистической обработке данных, нами было учтено 112 венчиков от разных сосудов, т.к. остальные были довольно мелкими и по ним затруднительно восстановить даже форму сосуда.

Наиболее представительной группой являются крупные закрытые, реже открытые банки, представленные фрагментами от 98 сосудов, что составляет около 87% от их общего числа. Орнаментация очень бедна. В основном это одна строка орнамента, две и три строки имеются лишь на 9 сосудах из этой группы. Основной элемент орнамента — жемчужник, которым украшено 90% всех сосудов этой группы. Остальные или вообще не имели орнамента или были украшены рядами насечек или ямочных вдавлений (рис. 11, 12–1, 2, 5–11, 15).

Наиболее часто встречающимся орнаментальным мотивом является жемчужник, разделенный ямочными вдавлениями. Так украшено 36 сосудов этой группы или приблизительно 36%. Меньше сосудов орнаментировано жемчужником без деления — 26 экземпляров или 24%. На третьем месте жемчужник, разделенный насечками различных видов — 12 экземпляров или 16%. Наконец, жемчужника, разделенного уголком лопаточки, 10% от общего количества.

Второй ряд орнамента представлен в основном в сочетании со строкой жемчужника. Это елочка, либо ряд ямочных вдавлений или насечек. Говоря об этой группе посуды, следует также отметить, что в подавляющем большинстве случаев край венчика имел округлую форму. Лишь в 13 случаях он был уплощен и в 9 приострен (скошен вовнутрь).

Следующую по количеству группу керамики составляют небольшие открытые круглодонные миски-чашки (рис. 10–10; 11–8; 12–3, 4), которых найдено 11 экземпляров (около 10%). Большинство их не орнаментировано. В единичных случаях имеются насечки по краю венчика. Один раз чашка была украшена строкой жемчужника.

Тремя экземплярами представлены сосуды кувшиновидной формы. Все они достаточно специфичны. Один имеет орнамент в виде ломаных линий довольно сложной конфигурации, нанесенных гребенчатым штампом (рис. 12–13). Другой украшен по шейке поясом из взаимопроникающих заштрихованных треугольников (рис. 10–8). Сосуды с аналогичным орнаментом найдены в могильниках староалейской культуры БЕ VII, Обские Плеса II, Староалейка II [79, табл. XXIX–7]. Третий сосуд орнамента не имел.

Четвертую самую малочисленную группу составляют два сосуда очень небольших размеров. Диаметр их не превышает 7 см, дно округлое. Это так называемые сосуды «рюмочной» формы. Один из них украшен рядами ямочных вдавлений (рис. 10–9, 11).

В целом керамический комплекс раннего железного века из поселенческого слоя памятника очень близок материалам поселений староалейской культуры, где также преобладающим элементом орнамента является жемчужник. Обращает на себя внимание наличие здесь большого числа сосудов чашевидной формы (мисок), что характерно скорее для поселений переходного времени. Правда, следует отметить, что на находящемся в 350 м к югу могильнике староалейской культуры Обские Плеса II такие сосуды преобладают [11, с. 98; 17, с. 53–54]. В целом комплекс поселения раннего железного века можно датировать в пределах VI–IV вв. до н.э. и, вероятно, связать с могильником Обские Плеса II. Косвенно датировку подтверждает и находка бронзового наконечника стрелы в слое, датирующемся VIII–IV вв. до н.э.

Остановимся на характеристике погребального обряда Бобровского грунтового могильника. Он практически идентичен обряду, известному по грунтовым могильникам пере-

ходного времени от бронзы к железу в пунктах БЕ VII, XII и XIV на Ближних Елбанах у с. Чаузово Топчихинского района, расположенным также на правобережье выше по течению р. Оби. Погребения там также совершены в грунтовых ямах, глубина их варьирует от 20 до 85 см, в двух могильниках она превышала 100 см. Аналогичны форма могильных ям и их размеры. Последние были в пределах от 80×150 до 50×80 см. Подавляющее большинство умерших положено головой на юго-запад-юго-юго-запад, в двух случаях на юг, скорченно на правом или левом боку. Могилы, в которых погребенный лежал вытянуто на спине, отнесенные М.П. Грязновым к переходному времени, с большей долей вероятности следует, видимо, относить к более позднему времени, VI–IV вв. до н.э., к староалейской культуре [299, с. 80–82].

Также редки на могильниках переходного времени на БЕ и деревянные конструкции. Они зафиксированы в двух случаях. Прослежены там и следы огня, разведенного над погребениями, встречены две парных взрослых могилы. Сходны набор погребального инвентаря и его типы, расположение его внутри могилы.

Особый интерес представляет наличие в ряде погребений на БЕ (10 могил) — налобных украшений в виде небольших бронзовых бляшек [79, табл. XVIII–20]. На наш взгляд, этот факт свидетельствует о достаточно большой культурной близости населения, оставившего Бобровский могильник и могильники переходного времени на БЕ. Единственное, что несколько отличает обряд Бобровского могильника — это остатки черепов лошади над погребением. На БЕ подобная деталь обряда не зафиксирована.

Анализ погребального обряда и инвентаря Бобровского грунтового могильника позволяет нам отнести его к переходному времени от поздней бронзы к раннему железу и датировать в пределах VIII–VI вв. до н.э. Наличие как ряда архаичных вещей, датирующихся VIII–VII вв. до н.э., так и ряда более поздних изделий, бытующих в пределах VII–V вв. до н.э., позволяет сузить дату существования могильника до VII в. до н.э. Хотя, на наш взгляд, о столь узкой дате надо говорить с большой осторожностью, т.к. метод датированных аналогий применительно к эпохе ранних кочевников и переходному времени дает большой разброс дат. К тому же не исключено, что могильник в переходное время существовал на этом месте несколько веков.

Могильники переходного времени на Ближних Елбанах и Бобровский могильник мы от-

носим к одной большереченской культуре переходного времени. Некоторое своеобразие в орнаментации керамики из погребений и междомогильного пространства памятника сближает его материалы с материалами поселения Мыльниково и Бобровского.

К концу VI–V вв. до н.э. на месте Бобровского могильника возникло поселение Обские Племы I староалейской культуры. Вряд ли возможно говорить о параллельном существовании на этой территории памятников большереченской и староалейской культур, т.к. культурный слой поселения Обские Племы I перекрывает погребения Бобровского могильника, а в одном случае яма № 13 поселения частично нарушила погребение № 54 могильника.

В целом, говоря о погребальном обряде могильников переходного времени в Верхнем Приобье, следует отметить большое его сходство и стабильность. Наиболее близкие черты к погребальному обряду этого времени обнаруживаются в материалах могильников предшествующего времени эпохи поздней бронзы. В могилах корчажкинской и ирменской культур наряду с курганными широко встречаются грунтовые захоронения. Погребения там совершены на дневной поверхности или слегка углублены в материк.

Близкий обряд имеется и на могильниках переходного времени Бёрезовка I и Томском. Однако в них довольно сильно отличается состав и типы погребального инвентаря. Это, по нашему мнению, не позволяет говорить о единокультурности этих памятников и могильников на БЕ и Бобровского могильника.

Преимуществом погребального обряда переходного времени и эпохи поздней бронзы, в частности, обряда ирменской культуры, проявляется также в том, что умершие лежат на правом, реже на левом, боку, головой на юг с отклонениями на запад и восток. Так же отсутствуют в могилах деревянные конструкции. Несколько отличается лишь состав и типы погребального инвентаря: сосуды, бронзовые пластинчатые ножи, оселки, украшения (гвоздевидные серьги, полусферические нашивные бляшки, браслеты и др.) [323, с. 103–104].

Некоторые черты сходства наблюдаются и с погребальным обрядом староалейской культуры (VI–IV вв. до н.э.). Это грунтовые захоронения. Глубина в среднем 50–100 см. Погребенные положены вытянуто на спине головой на юго-запад. Следует отметить, что на находящемся в 350 м к югу от Бобровского могильника памятнике староалейской культуры VI–V вв. до н.э. Обские Племы II имеется погребение, в котором умерший

лежал скорченно на правом боку головой на юго-запад. В могиле у головы погребенного стоял типичный сосуд староалейской культуры. Меньше аналогий имеется среди погребального инвентаря большереченской и староалейской культур. Это бронзовые пластинчатые ножи, костяные и бронзовые наконечники стрел, оселки. Также сближает обряд Бобровского могильника и погребальных памятников староалейской культуры отсутствие в могилах упряжи [17, с. 53].

Как видно по материалам погребального обряда, культура населения Верхнего Приобья от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку менялась постепенно. Основную роль в изменениях, на наш взгляд, играли подвижки населения соседних регионов на территорию Верхнего Приобья, которые приводили к смещению черт пришлой и местной культуры и в дальнейшем к процессам ассимиляции. В то же время представляется несомненным, что какой-то компонент местного населения продолжал существовать на территории Верхнего Приобья в течение всего времени существования эпохи

поздней бронзы, переходного времени и раннего железного века. Кроме того на сходство культур этих периодов, по-нашему мнению, оказывали влияние довольно близкие природные условия, обусловившие сходные формы ведения хозяйства, которое было многоотраслевым со значительной долей в его структуре охоты и рыболовства.

Говоря о культуре населения Верхнего Приобья в переходное время, следует отметить, что она, видимо, испытывала значительное влияние раннескифских культур этого времени. Появляется ряд «модных» в то время вещей: наконечники стрел «скифского типа», некоторые формы ножей, застёжки аржанского типа. Но все эти вещи были не «типичными», а скорее являлись подражаниями «классическим» образцам. Это свидетельствует о том, что население Верхнего Приобья лишь начинает втягиваться в сферу влияния культур скифского мира. Процесс этот завершился с проникновением в VI в. до н.э. на эту территорию значительных групп пришлого населения, носителей традиций культур «ранних кочевников», и сложением здесь староалейской культуры.

С.Д. Ведянин, А.Л. Кунгуров

Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы 2

Памятник, о котором пойдет речь, расположен в 3 км западнее с. Бобровка (ЮЗ окраина) и в 550 м южнее учебно-тренировочной базы «Росинкас» имеющей название «Обские Плесы». Ранее здесь располагался городской дом отдыха, от которого сохранилось только это название. Местность представляет собой своеобразный выступ 10-метровой террасы супесчаного состава, которая тянется вдоль судоходной Бобровской протоки с востока на запад, а затем в районе базы резко заворачивает к юго-юго-востоку (к сс. Калиновка и Рассказиха). Поверхность террасы изрезана гривами, имеющими направление В-З. Высота грив колеблется от 2 до 5 м (рис. 1). Выходя к краю террасы гривы образуют мысы. От базы, находящейся на изгибе террасы, до мо-

гильника Обские Плесы 2 насчитывается семь таких мысов. Все они содержат в своей толще либо могильники (Бобровский и Обские Плесы 2), либо поселения — Обские Плесы 1, 3. Хотя терраса занята сосновым бором, находящемся в ведении Бобровского лесничества (квартальный столб 38/94), кромка берега, граничащая с поймой свободна от леса на 60–150 м. Степная растительность (ковыль, чебрец, слизун, «заячья капуста» и т.д.) свидетельствует о достаточно древней «остепенности» этой кромки. К западу от террасы на десятки километров распространена Обская пойма, представляющая собой прекрасные скотоводческие и охотничьи угодья даже сейчас.

Могильник впервые был обнаружен А.Д. Сергеевым, тогда учителем Бобровской

школы, по находкам в раздуве, активно разрушающем памятник. В 50-х годах А.Д. Сергеев раскопал несколько погребений (рис. 2) с «богатым бронзовым инвентарем» [41], но все находки тех лет утеряны, документация также отсутствует. Вторично могильник открыли ботаники АГУ во время сбора гербария в этом районе весной 1978 г. На краю раздува ими найдены кости человека и сосуд (рис. 4–1). Ю.Ф. Кирюшин обследовал памятник, раскопав аварийные могилы № № 1 и 2 [123, 125], на раздуве было зафиксировано большое скопление костей животных, кольца и звенья железной кольчуги, а также обломки сосудов (рис. 4–3, 4, 7; 7–3, 4), бронзовая пронизка (рис. 12–26) и бусина (рис. 12–27), астрагал барана с просверленным отверстием (рис. 13–22).

До 1992 г. памятник никто не осматривал. В ходе инвентаризации археологических объектов Алтая была осмотрена и местность около Обских Плесов. На раздуве могильника Обские Плеса 2 мы зафиксировали осыпавшиеся могилы № № 3, 7. В 1994 г. авторами проведены раскопки аварийного участка могильника — мыса, ограниченного с запада и востока раздувами, а с юга-запада осыпью берега. Раскоп заложен вдоль мыса и, видимо, захватил основную часть памятника, сохранившуюся от разрушения (рис. 2). Кроме грунтовых могил, организованных в ряды вытянутые с СЗ на ЮВ (хотя имеются и «разрозненные» погребения), встреченные ритуальные захоронения животных кулайской культуры (см. статью В.В. Горбунова в настоящем сборнике) [166], скопление обработанных костей, каменные орудия и керамика большемысской культуры, фрагмент керамики эпохи бронзы (рис. 8–12), лежащий в слое гумуса вместе с десятью галечками около могилы 21. Всего зафиксировано 50 могил.

Могила 1. Пятно не прослежено, т.к. могила обнаружена случайно в полуразрушенном состоянии на краю выдува (рис. 2). Расчищен скелет женщины (?), лежащей вытянуто на спине, головой на юго-запад. Характер заполнения ямы не прослежен. Слева от черепа находился сосуд-чашка, украшенный по краю рядом жемчужин (рис. 4–1), слева, в районе пояса, найден бронзовый петельчатый нож с выделенной ручкой (рис. 10–1), с правой стороны таза лежало пряслице, украшенное двумя рядами ямок (рис. 9–1). В районе затылка находилась бронзовая булава с цилиндрическим навершием (рис. 11–1). Совместное нахождение в одной могиле женского (пряслице, булава) и мужского (бронзовый нож) сакрального инвентаря встречено впервые.

Могила 2. Обнаружена в центре выдува при исследовании состояния мыса и определении границ разрушений. Пятно слабовыраженное, заполнение ямы размерами 1,25×0,4 м отличается от материка бурой окрашенностью и включением мелких древесных угольков. Видимо, это остатки деревянной конструкции, обожженной сверху. На дне ямы, на глубине 1,5 м от поверхности выдува вытянуто на спине головой на юго-запад лежал скелет подростка. Кости сохранились очень плохо: ребра, позвонки, часть длинных костей рук и ног, фаланги истлели полностью. Это объясняется разрушением дерновой поверхности в месте выдува и изменением условий залегания останков умершего. За черепом найдена бронзовая «S»-видная серьга с подвеской-цепочкой (рис. 13–1). В районе пояса расчищены железный крючок с щитковидной верхней крепежной частью. Судя по его положению и внешнему виду он является не крюком для подвешивания, а застежкой ремня (рис. 14–1; рис. 16–1). Здесь же расчищены бляхи, украшающие ремень (рис. 14). Передняя (парадная) бляха изображает хищника семейства кошачьих в статичной позе (головой влево) (рис. 14–2), вторая бляха, располагающаяся левее на правом крыле таза, является двухлопастной (рис. 14–5). Остальные, видимо, украшали оборотную сторону ремня, т.к. располагаются лицевой стороной вниз, а некоторые находились под тазом и остатками кисти левой руки. Справа-налево находились двухлопастная бляха (рис. 14–6), изображение свернувшейся в спираль змеи (при повороте на 90° — головка грифона) (рис. 14–4), бляха в виде кабана, стоящего в статичной позе с опущенной тяжелой головой (рис. 14–3), еще две двухлопастные бляхи, лежащие одна под левым крылом таза, другая под остатками кисти левой руки (рис. 14–7, 8). Нахождение такого богатого ремня-пояса у подростка свидетельствует, скорее всего, о его высоком социальном статусе в родоплеменной организации местных обитателей Верхнего Приобья.

Могила 3. Пятно, сохранившееся от ямы размерами 0,8×0,3 м, ориентированной по оси ЮЗ–СВ, обнаружено при проверочной зачистке края раздува в месте, где в осыпи найдены фрагменты детского черепа. Глубина ямы от кромки края раздува ок. 0,85 м, но находилось оно почти целиком под осыпью. Заполнение ямы — бурая супесь с древесным углем. На дне вытянуто на спине головой на юго-запад лежал скелет ребенка. Часть костей (ребра, позвонки, длинные кости и фаланги) полностью истлела. В районе

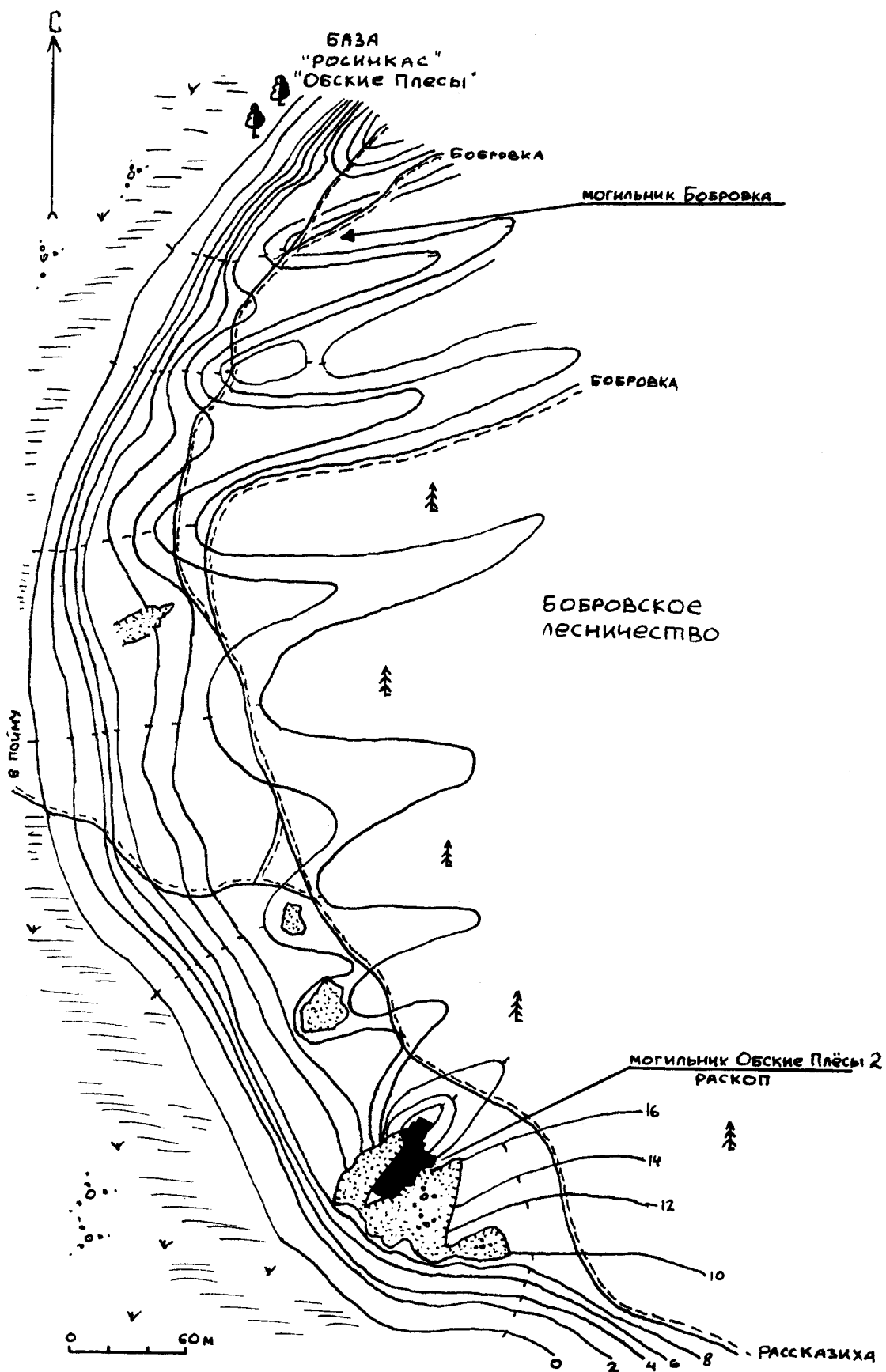
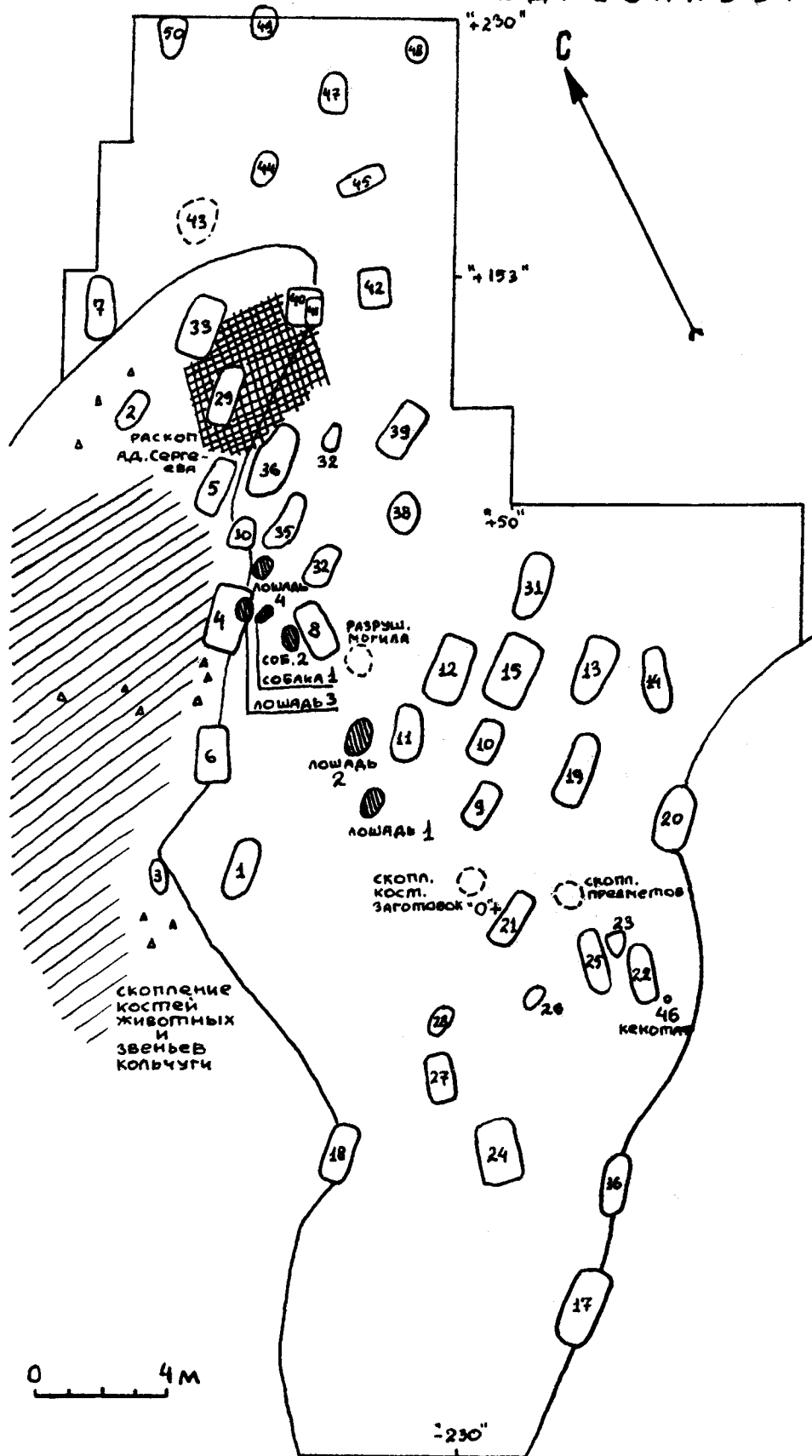

Рис. I. Расположение могильника Обские Плёсы-II.

У Т С Р П О Н М Л К И З Ж Е Д Г В Б А А' Б' В' Г'

- 5'
- 4'
- 3'
- 2'
- 1'
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40

Рис.2. Планиграфия могильника Обские Плесы-II.

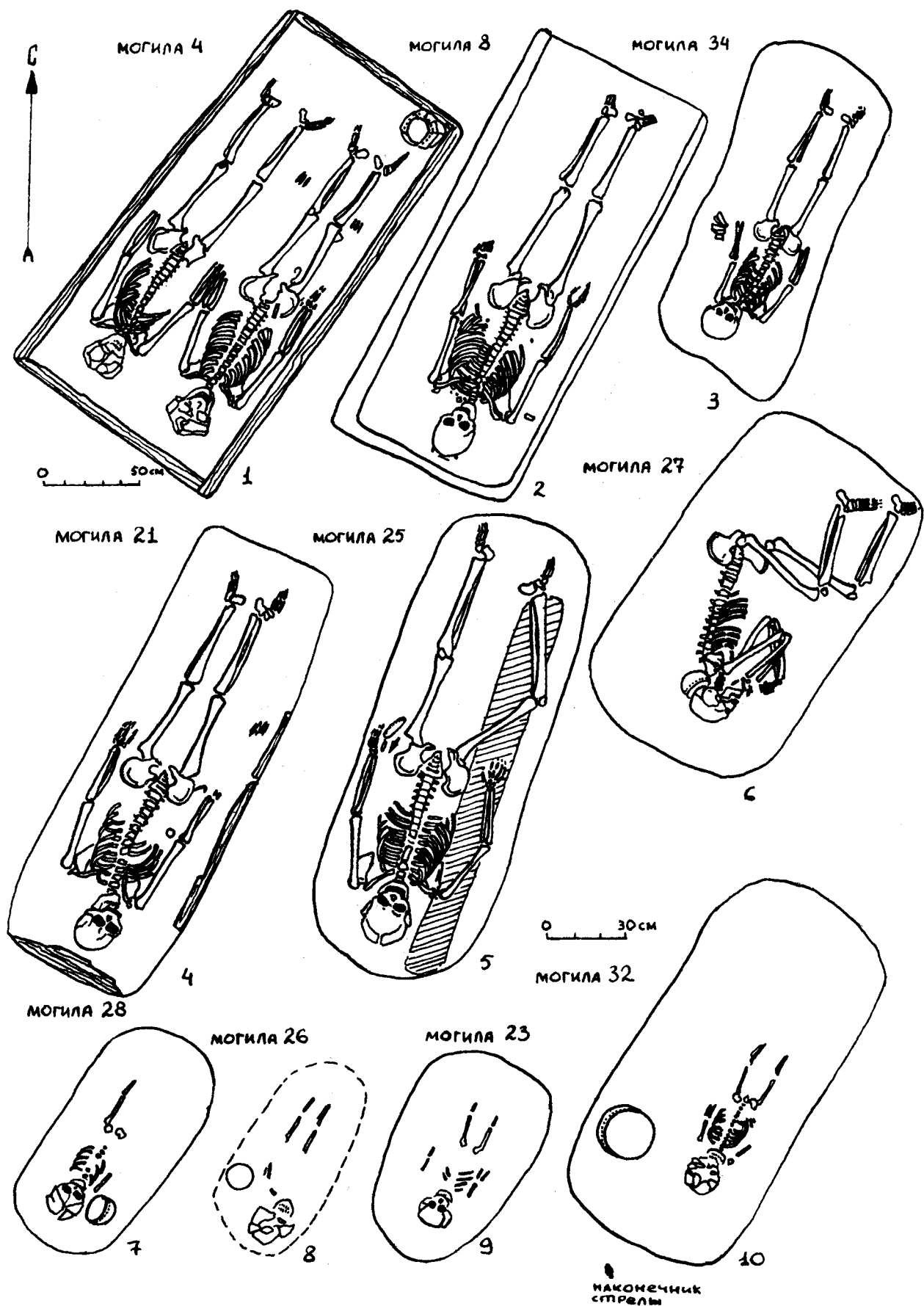

Рис.3. Обские Плесь-II. Погребальный обряд.

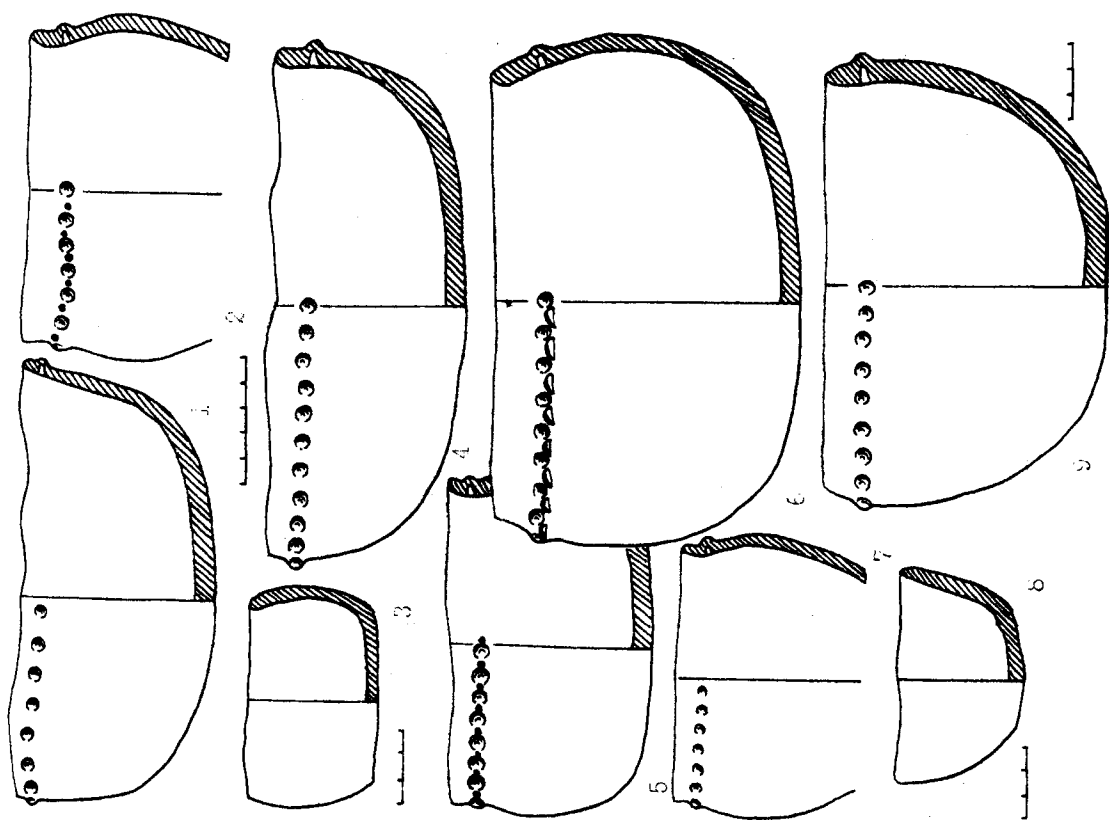

Рис. 4. Керамическая посуда с могильника Обские Плесь-П.

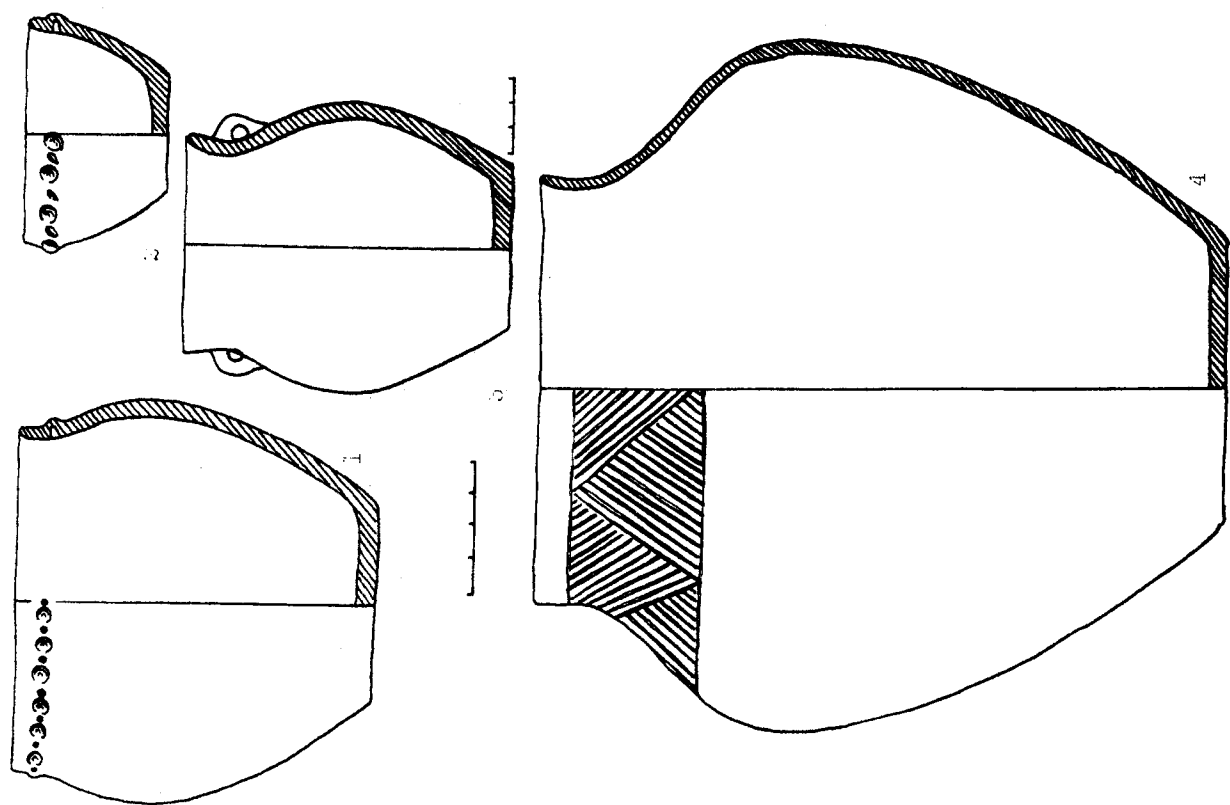

Рис. 5. Керамическая посуда с могильника Обские Плесь-П.

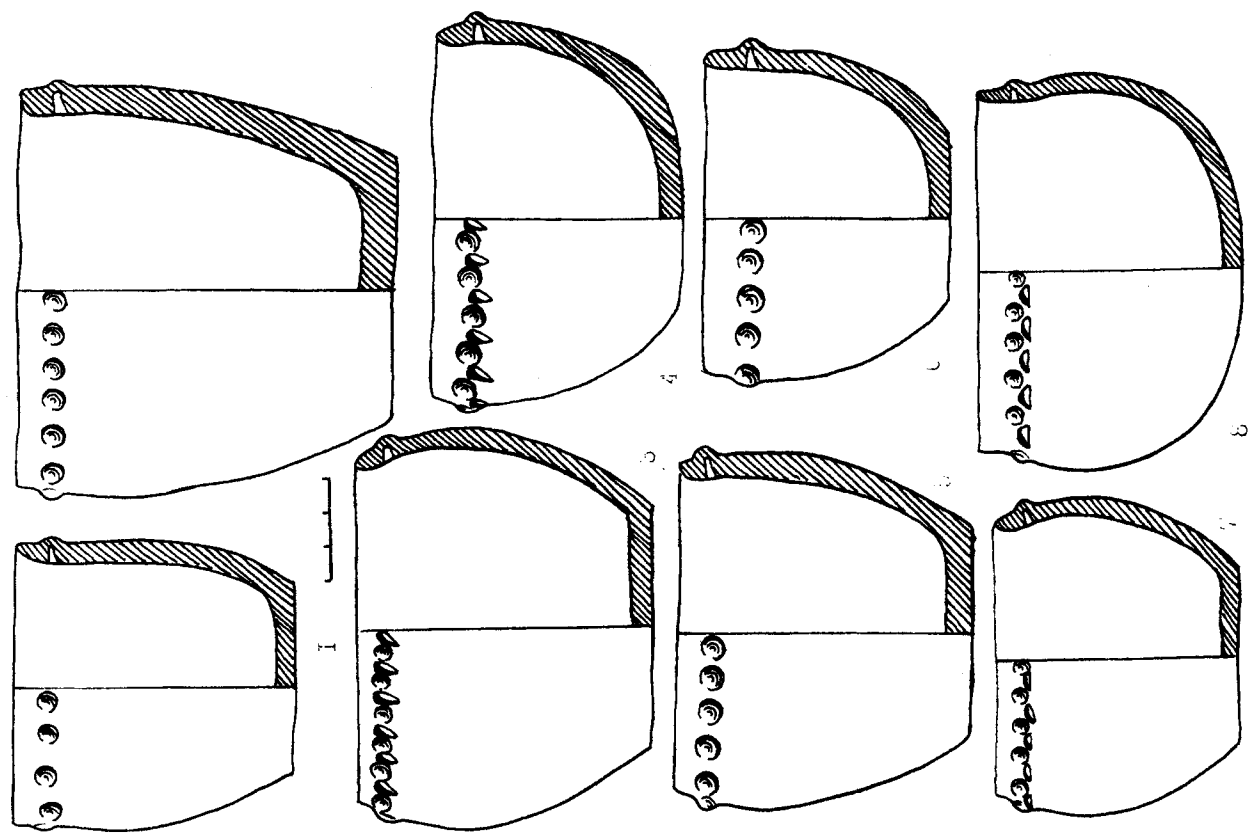

Рис. 6. Керамическая посуда с могильника Обские Плещи-II.

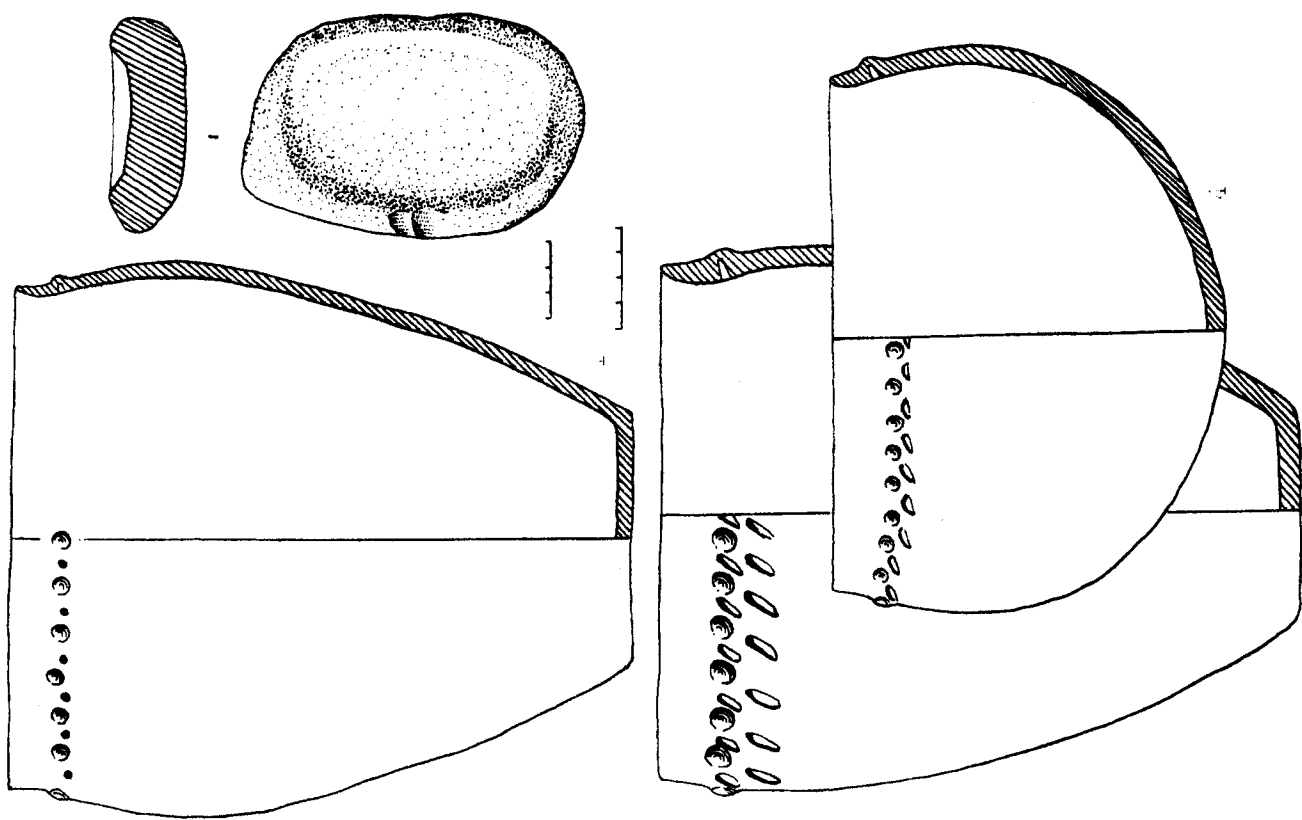

Рис. 7. Керамическая посуда (I, 3, 4). Каменная курильница из

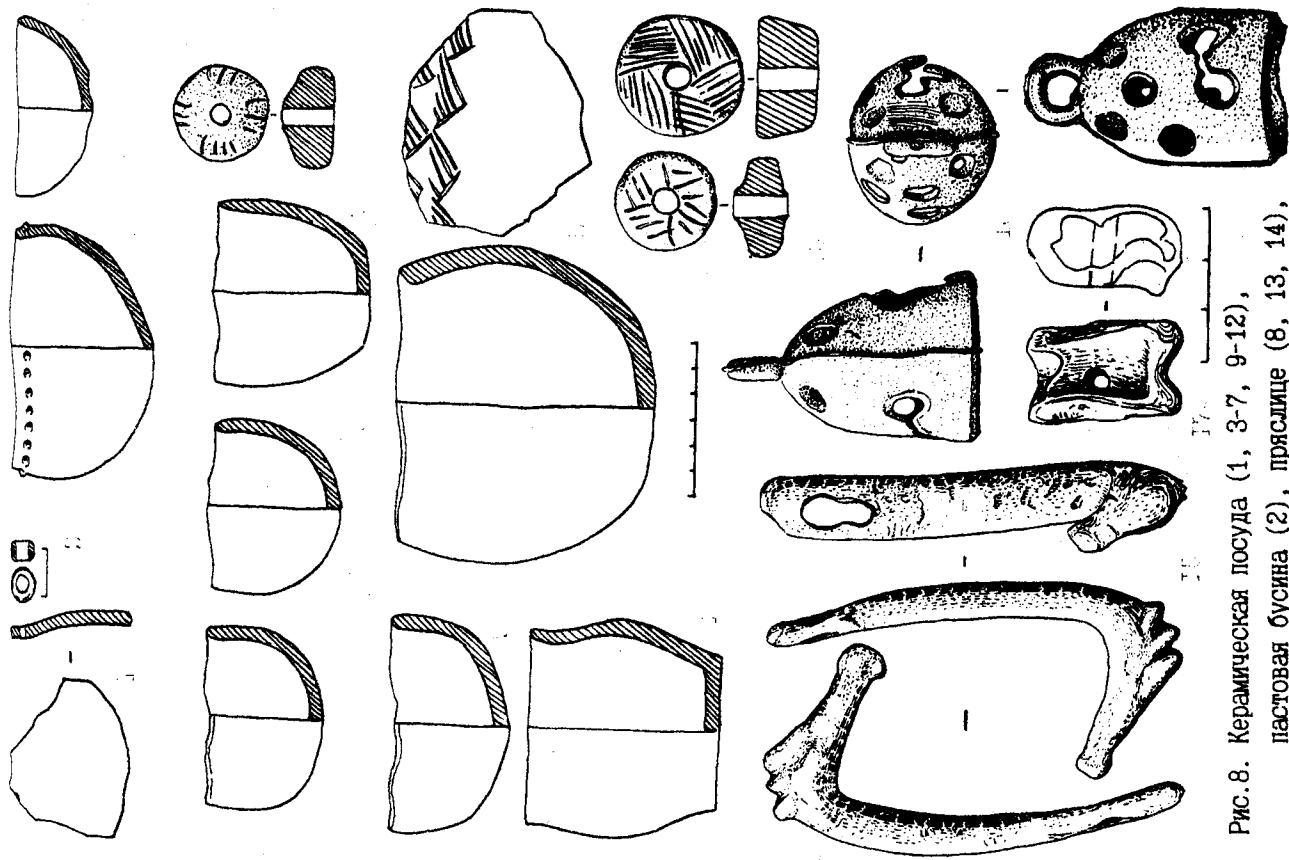

Рис. 8. Керамическая посуда (1, 3-7, 9-12),
пастовая бусина (2), пряслице (8, 13, 14),
роговой колчаный крюк (15), бронзовая
колоколовидная подвеска (16), астрагал (17).

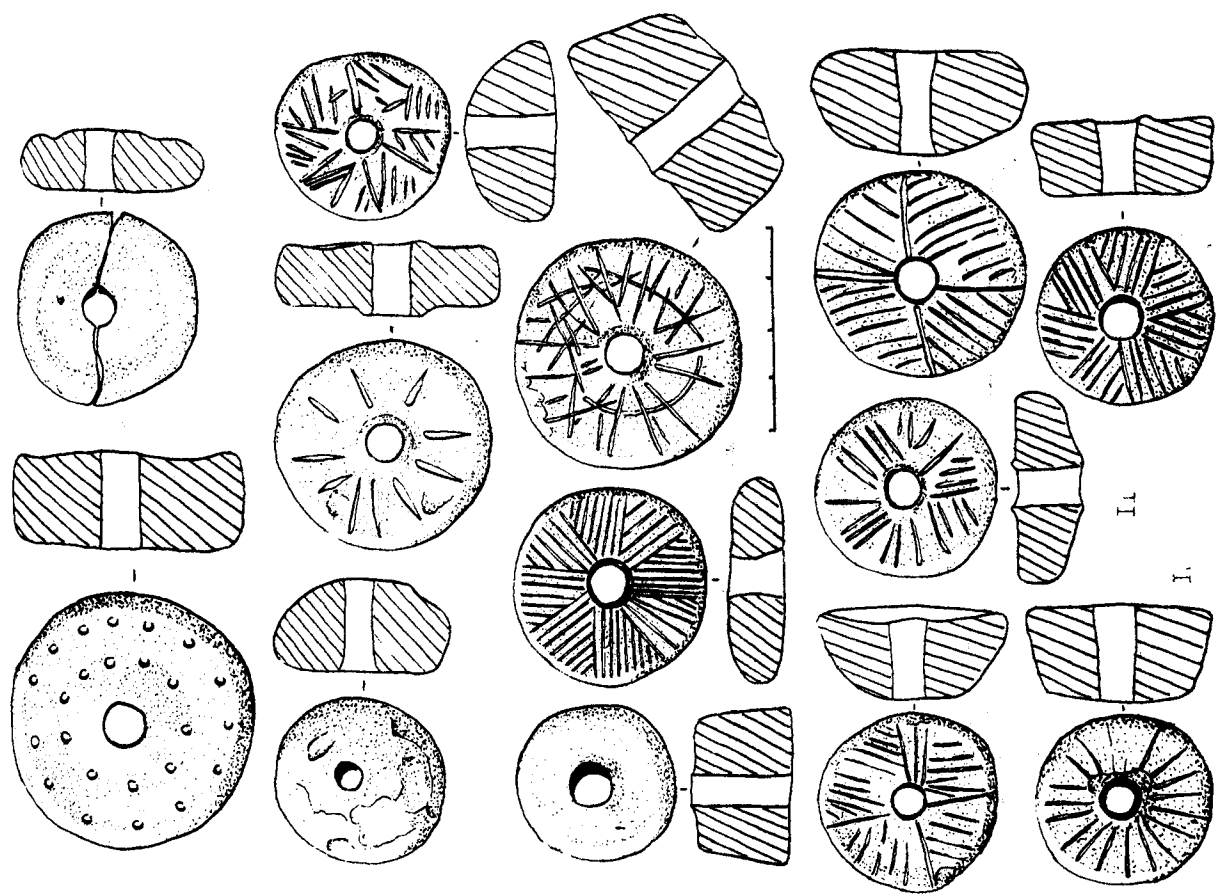

Рис. 9. Керамические пряслица.

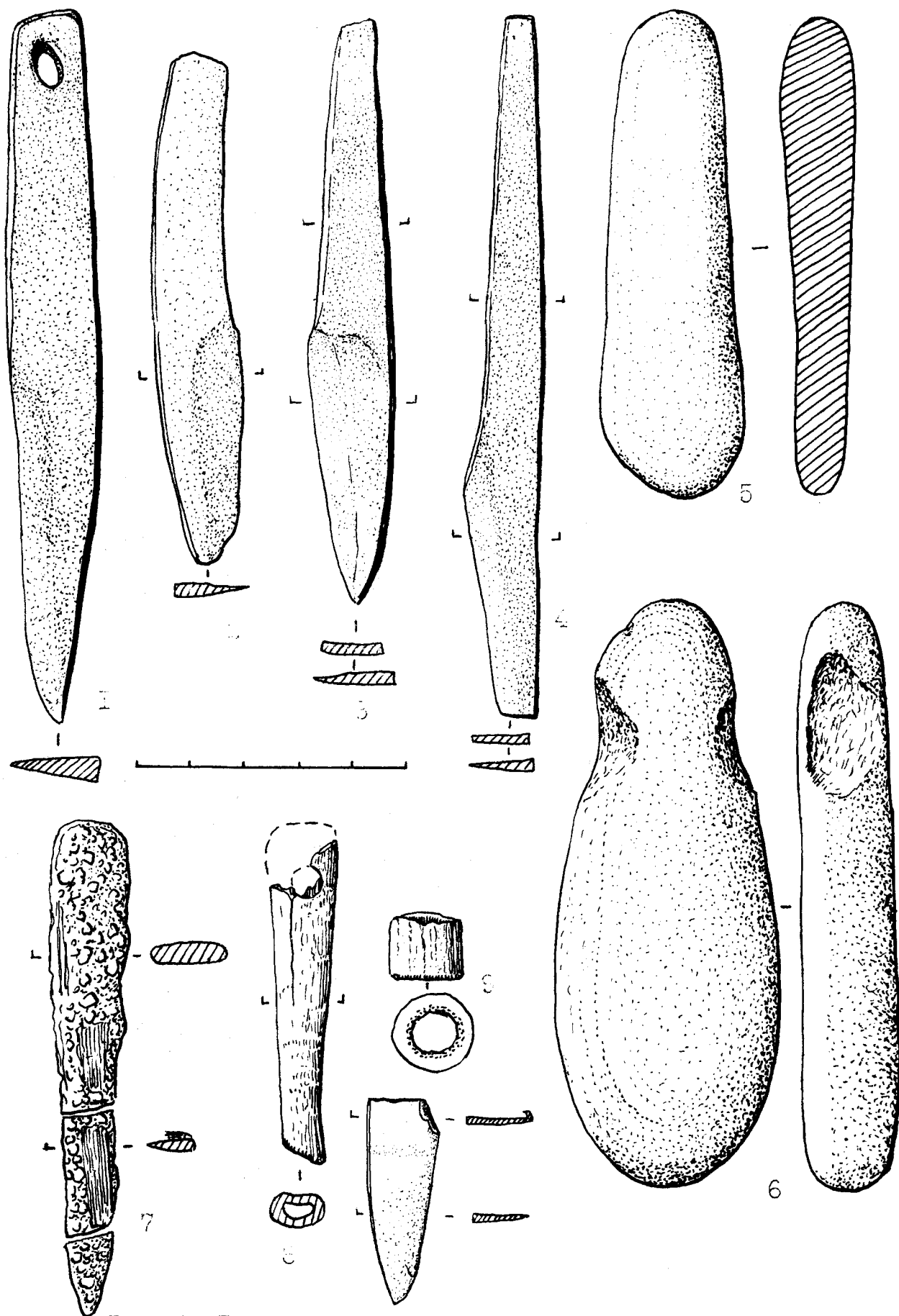

Рис.10. Бронзовые ножи (1-4), каменные оселки (5,6), железный нож (7), костяные изделия (8,9), обломок бронзового ножа (10).

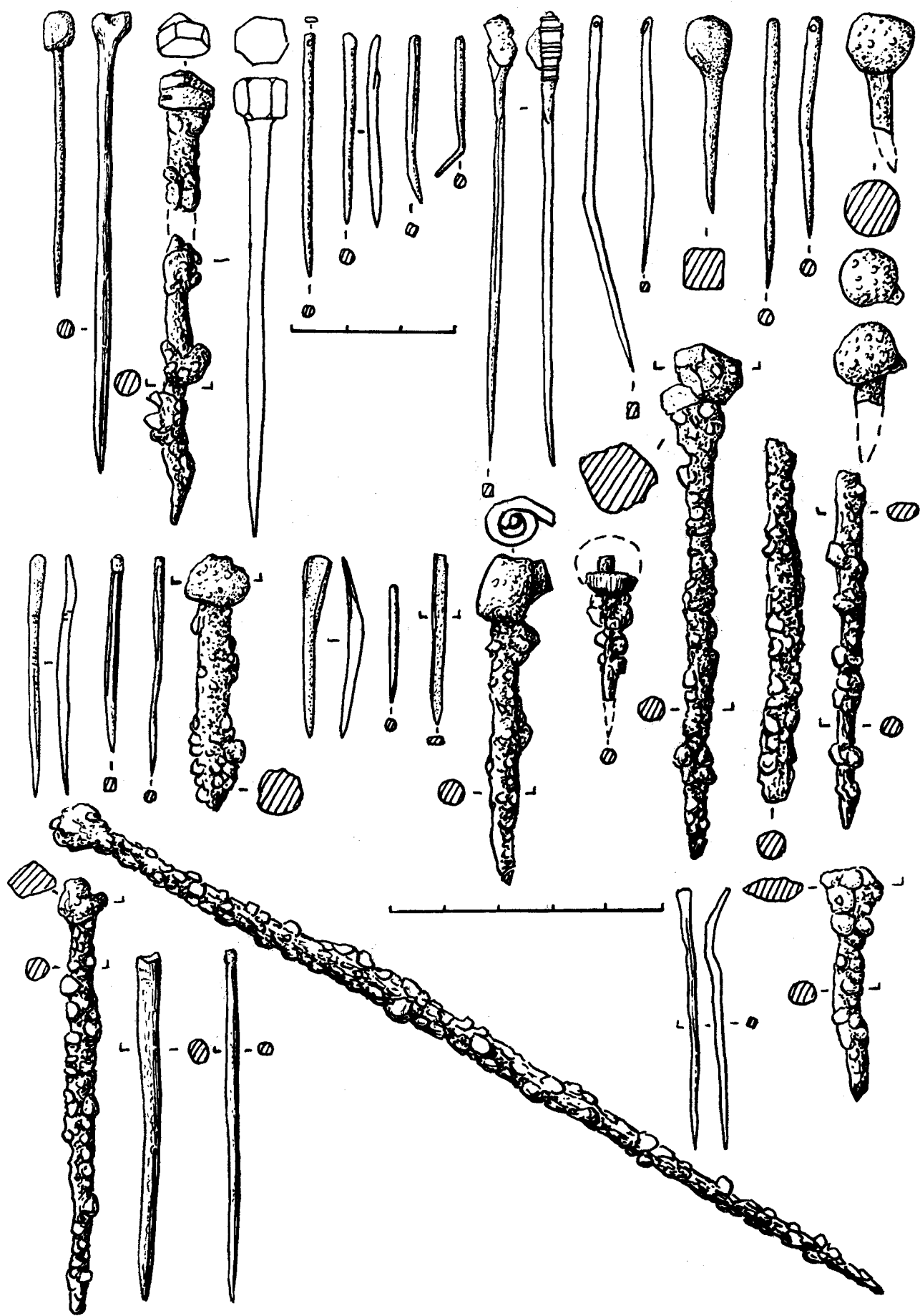

Рис. II. Бронзовые и железные иглы, заколки.

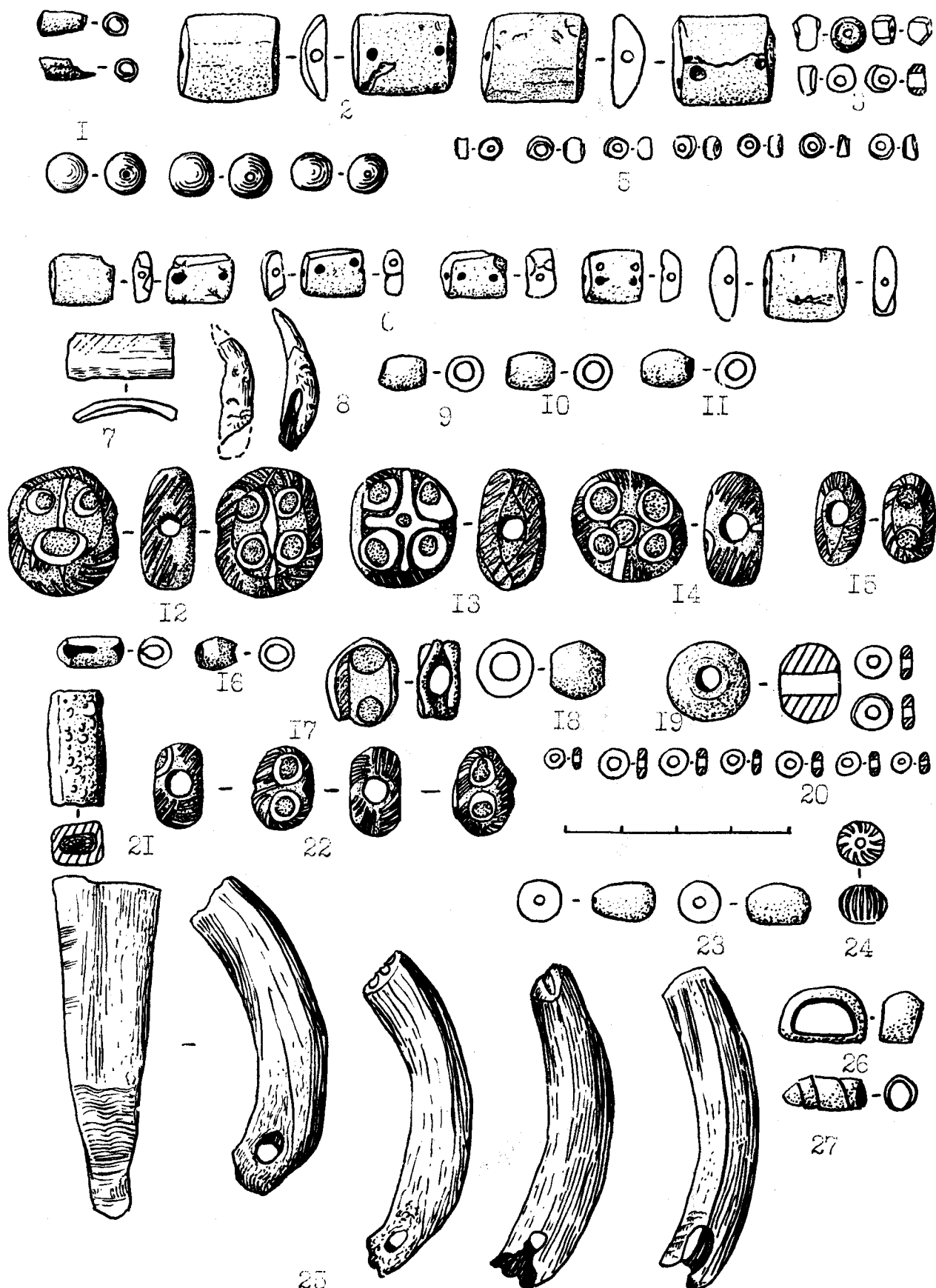

Рис.12. Пастовые бусины (3,5,9-20), (24), нефритовые бусины (2,6), бронзовые пронизки (1,27), бронзовая обоймочка (26), сверленные резцы лося (25), каменные бусы (23-28).

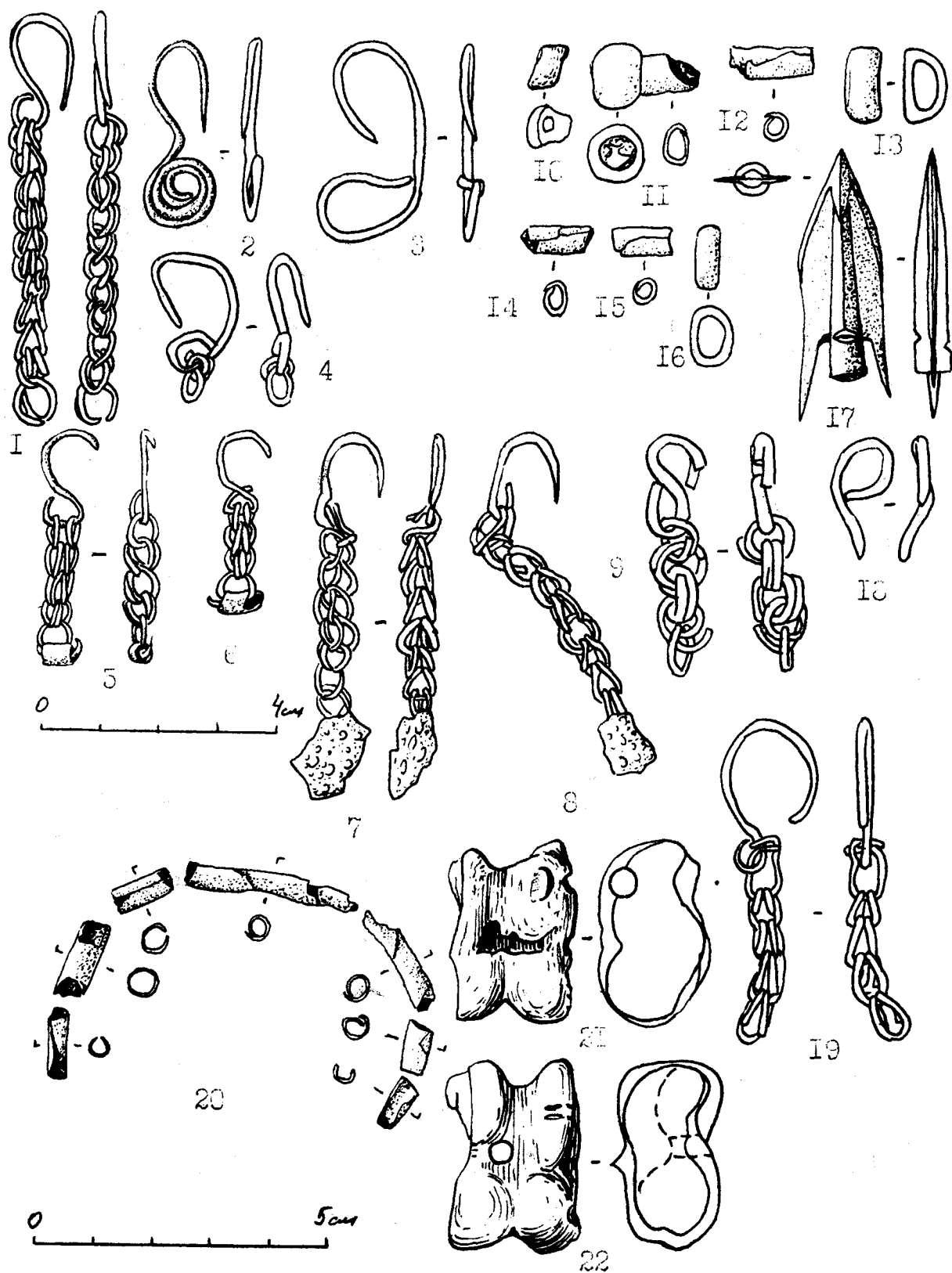

Рис. I3. Бронзовые серьги (I-9, 18, 19), бронзовый наконечник стрелы (I7), браслет из бронзовых пронизок (20), астралаги (22, 21), детали украшения (I0-I6).

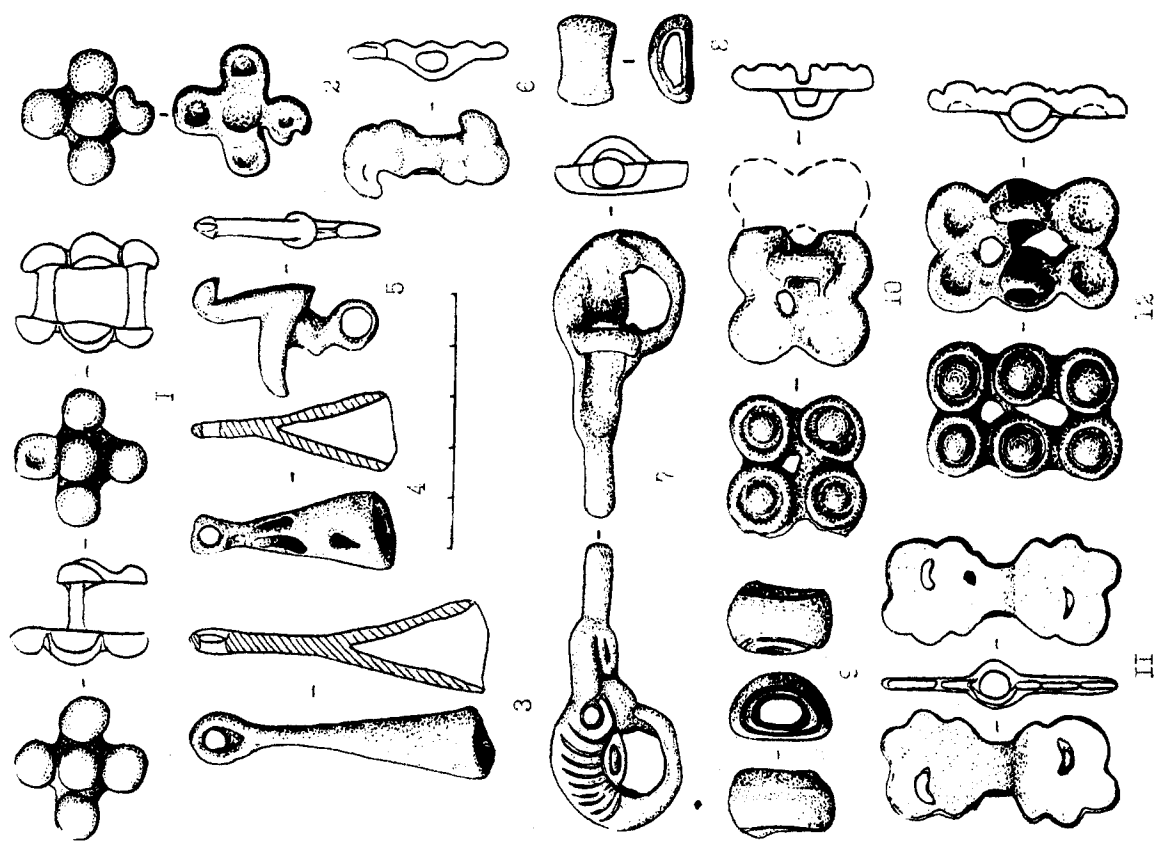

Рис. 15. Бронзовые вещи из могил (1-6).
Поясной набор (бронза) (7-12).

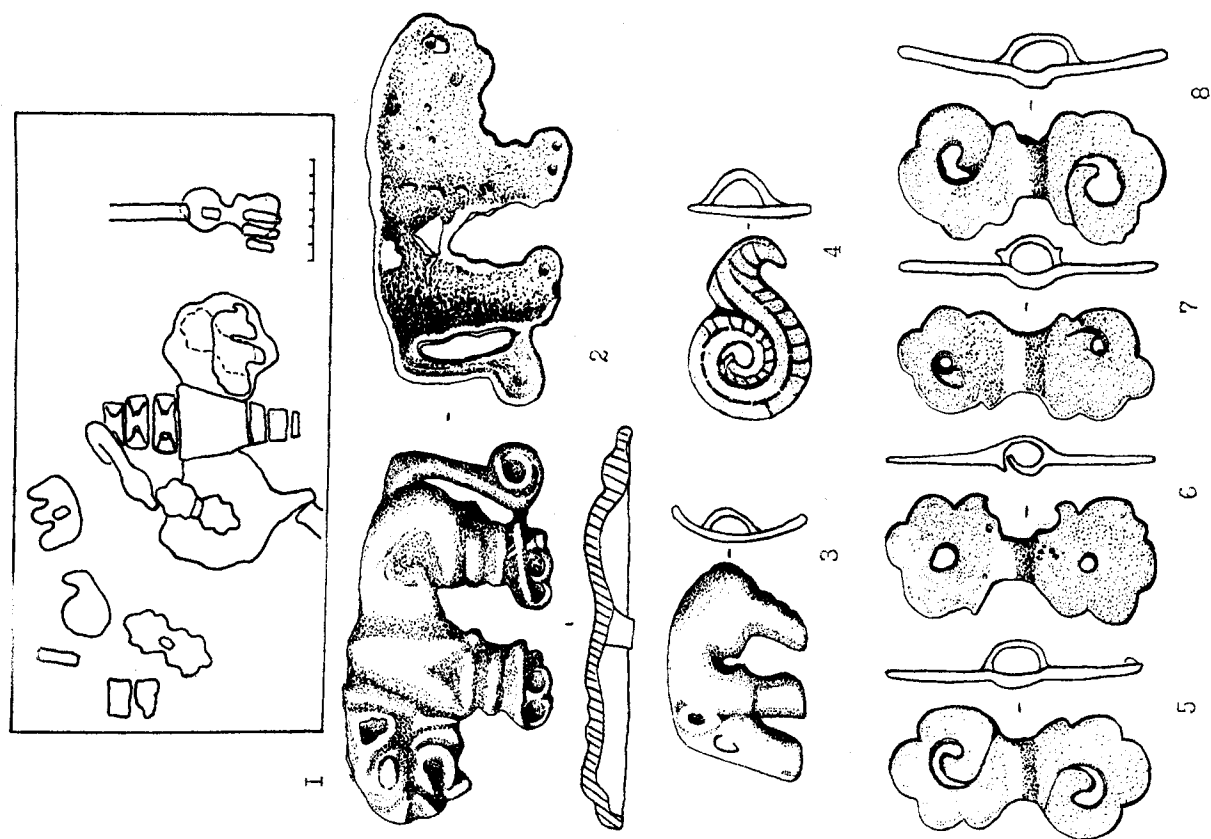

Рис. 14. Поясной набор II-3 (бронза).

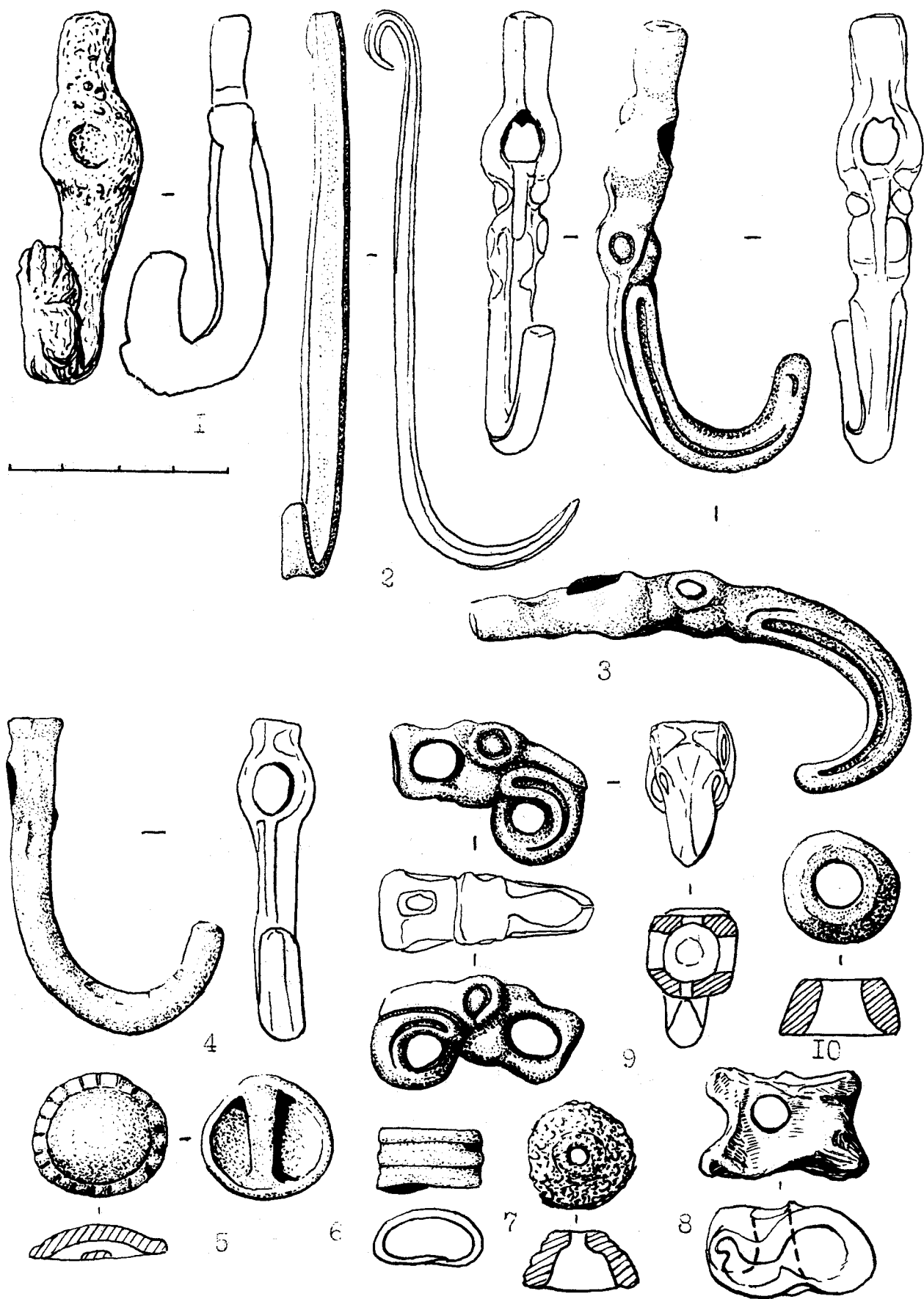

Рис.16. Колчанные крюки и принадлежности портупей.

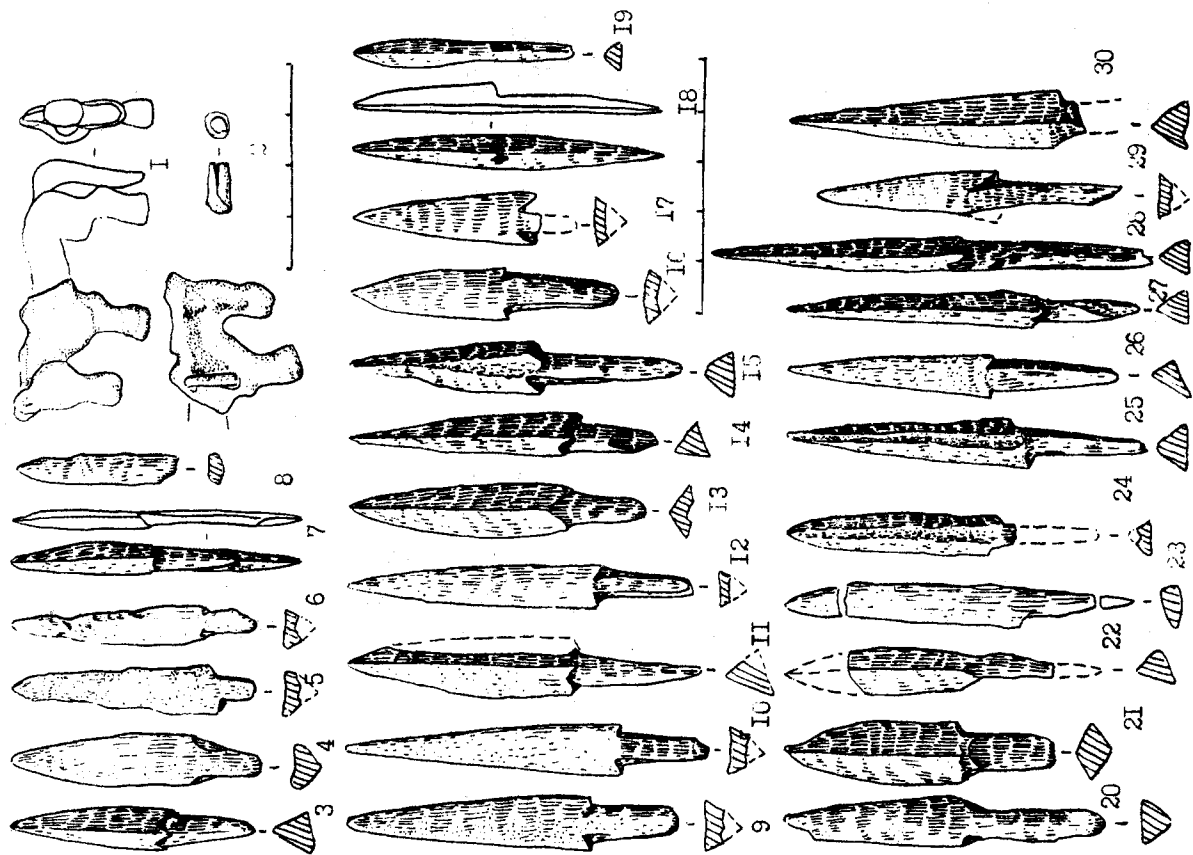

Рис. 17. Обломок бронзового изделия (кулан) (1),
бронзовая пронызка (2), костяные наконечники стрел
из погребений.

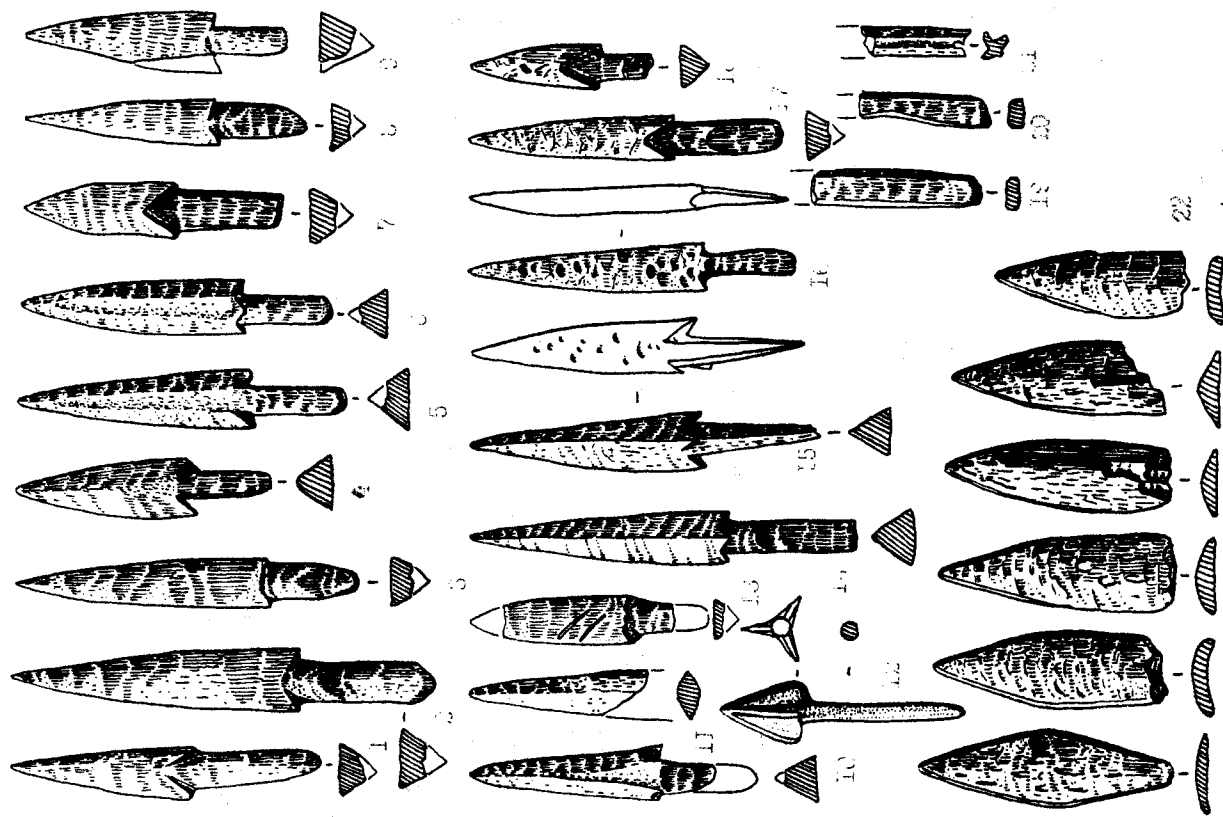

Рис. 16. Костяные наконечники стрел (1-11, 13-22),
бронзовые наконечники стрел (12).

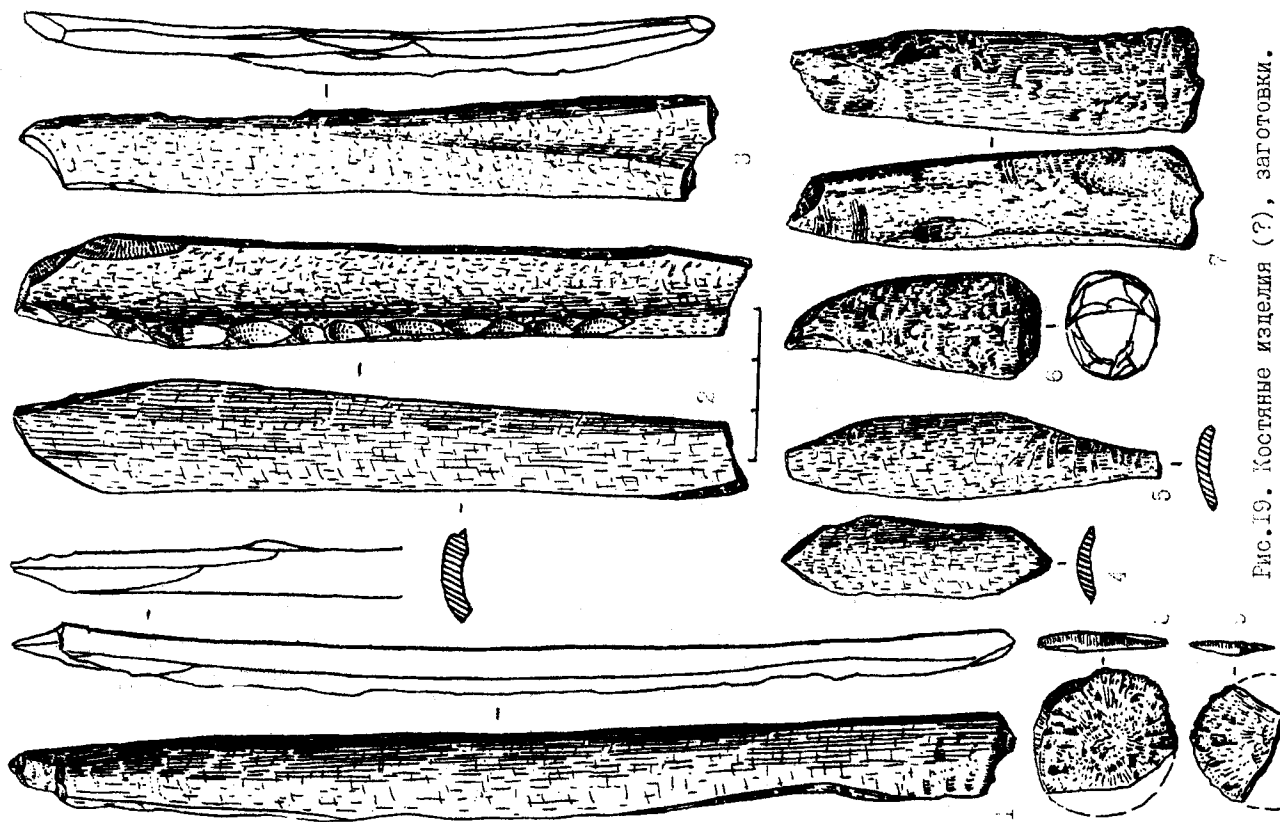

Рис.19. Костяные изделия (?), заготовки.

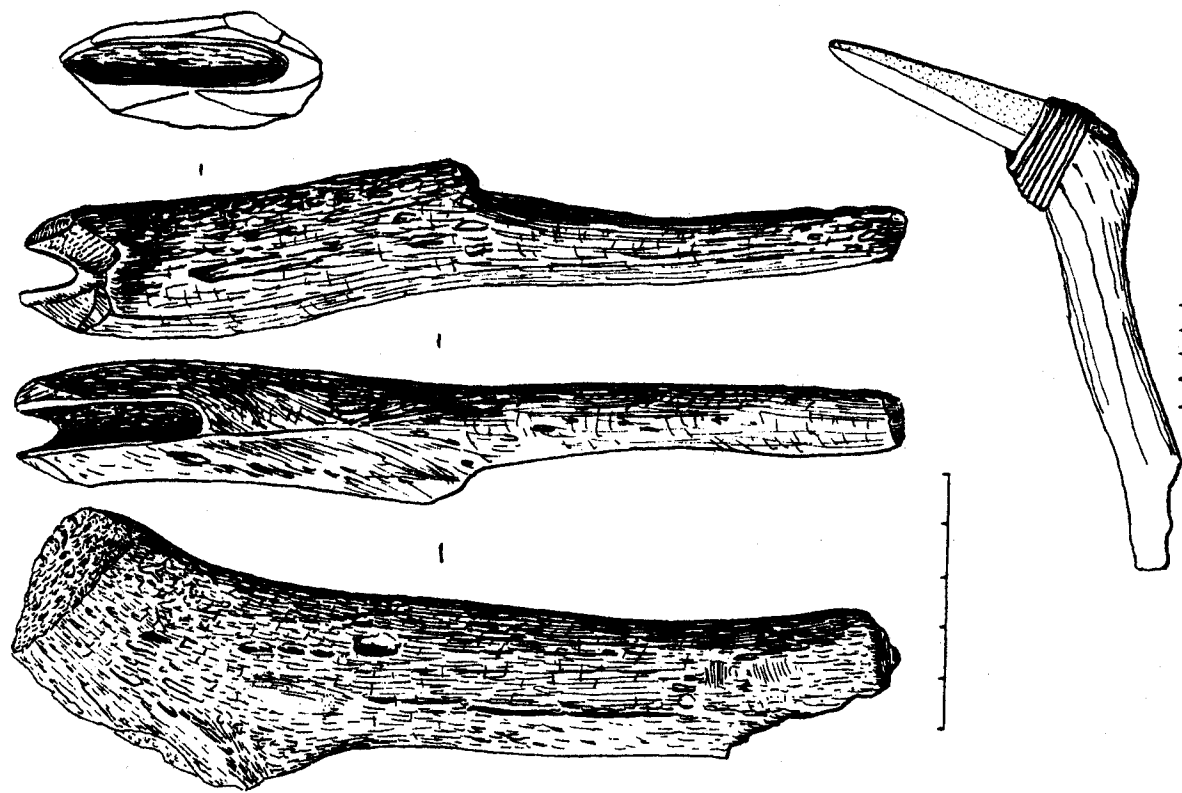

Рис.20. Костяное изделие (рукоять ?), и ее возможная реконструкция.

груди (7–8 позвонки) найдена бронзовая «бочкообразная» бусина (рис. 17–2) и обломок бляхи, изображавшей стоящего в статичной позе кулана, сохранилась передняя часть бляхи с головой и передними ногами животного (рис. 17–1). Разлом старый, возможно, этот обломок служил украшением или игрушкой умершего ребенка.

Могила 4. Обнаружена при проверочной зачистке края раздува. Вся находилась под осыпью. Глубина ямы, размерами 2,25×2,4 (юго-западный край) — 2,25 (северо-восточный край) — 1,6–1,65 м от кромки края раздува. Ориентирована по оси ЮЗ–СВ, форма трапециевидная (рис. 3–1). В 0,3 м выше дна могилы фиксировались остатки продольного перекрытия, по периметру около дна — остатки рамы. Однако ни зачистить, ни зафиксировать конструкцию перекрытия не удалось, т.к. древесина полностью разложилась. На дне вытянуто на спине головой на юго-запад лежали два скелета взрослых людей. Северо-западный скелет № 2, юго-восточный скелет № 1. Правая рука скелета 1 и левая рука скелета 2 вытянуты вдоль тела, противоположные слегка отогнуты и соединены друг с другом (рис. 3–1). Сохранность костей очень плохая, отдельные из них полностью истлели.

Скелет № 1. В районе муровых дуг зафиксирована «S»-видная бронзовая серьга (рис. 13–2), на кисти правой руки две цилиндрические бронзовые бусины (рис. 12–1). В верхней части правого крыла таза лежала трубочка из обрезанной птичьей кости (рис. 10–8), под крылом таза с внутренней стороны правой бедренной кости находился бронзовый колчаный крюк (рис. 16–2). Ниже крюка, но с наружной стороны правой ноги около колена расчищены три черешковых костяных наконечника стрел с треугольным сечением (рис. 17–3–5). За ногами находился раздавленный сосуд, украшенный рядом жемчужин (рис. 4–4).

Скелет № 2. Не содержал никаких находок, кроме трех черешковых костяных наконечников стрел, лежащих у колена правой ноги (рис. 17–6–8).

Могила 5. Обнаружена при зачистке края раздува. Практически полностью находилась под осыпью. Яма размерами 1,7×0,6 м и глубиной 1,8 м ориентирована по оси ЮЗ–СВ. Заполнение — бурая супесь, встречаются вкрапления древесного угля. Вдоль юго-восточного продольного края оставлен уступ высотой 0,1 м и шириной 0,1–0,15 м. На дне вытянуто на спине головой на юго-запад ле-

жал скелет подростка (девочка?). Слева от черепа (около плеча) стоял сосуд, орнаментированный рядом жемчужин вдоль края венчика (рис. 4–5). На лбу умершей находился обрезанный резец бобра (рис. 12–7), на правой скуле обнаружена «S»-видная серьга с подвеской-цепочкой из бронзы (рис. 13–5). У локтя правой руки лежали два клыка мелкого хищника (лиса?) (рис. 12–8) и кусочек сурьмы. Ниже остатков правой кисти лежало «на ребре» пряслице (рис. 8–13). На дне сосуда найден зуб взрослого человека, попавший туда явно не случайно, а с какими-то ритуальными целями.

Могила 6. Обнаружена при зачистке края раздува. Частично находилась под осыпью. Яма размерами 1,7×0,85 м и глубиной 1,75 м от кромки края раздува ориентирована по оси ЮЗ–СВ. По периметру ямы оставлен уступ шириной 0,1–0,3 м. В образовавшемся на дне углублении (0,1 м) овальной формы лежал вытянуто на спине головой на юго-запад скелет ребенка. Следов перекрытия не зафиксировано, цвет заполнения бурый, встречается древесный уголь. Под подбородком умершего найдено два железных предмета, у левого колена с наружной стороны лежало намеренно расколотое пряслице (рис. 9–2). Скелет был перекрыт бурым тленом, оставшимся от продольного перекрытия.

Могила 7. Обнаружена в ходе зачистки на северо-восточном краю выдува. В этом месте сохранился слой гумуса, перекрытый песком, что обеспечило удовлетворительную сохранность костей. Следов деревянного перекрытия не обнаружено. Яма неправильно-овальной формы, зауживающаяся к северо-восточному краю, имела размеры 2,1×0,95–0,5 м, глубину от поверхности раздува 0,65–0,95 м. Ориентирована по оси ЮЗ–СВ. На дне устроено подпрямоугольное углубление (0,1 м), в котором лежал скелет женщины. В районе стоп зафиксировано углистое пятно, прослеживающееся от глубины 0,65 до 0,9 м и заканчивающееся в 0,05 м выше дна могилы. Диаметр пятна 0,2 м. По видимому, это остатки ритуального костра, ссыпанного в ямку, выкопанную после устройства погребения. Древесный уголь встречался и в заполнении бурого цвета. Справа от черепа у плеча лежали фрагменты сосуда-чашки, украшенного по краю венчика жемчужинами, разделенными ямками. На скуловых костях зафиксированы «S»-видные бронзовые серьги, одна с проволочной подвеской (рис. 13–3,4), под черепом и на шейных позвонках найдены остатки ожерелья из круг-

лых сердоликовых и прямоугольных плоских нефритовых зеленых бусин (рис. 12-4,6). На середине лучевой кости левой руки зафиксированы окислы бронзы, хотя никаких предметов не найдено.

Могила 8. Яма размерами 1,75×0,8 м, ориентирована по оси ЮЗ-СВ. Глубина 1,47 м от поверхности мыса, 0,7 м от материка. По периметру (кроме СВ стенки) прослежен уступ, высотой 0,1 м от дна, ширина уступа 0,03-0,07 м (рис. 3-2). В заполнении бурого цвета встречены древесные угли. От перекрытия сохранился 10-сантиметровый тлен, перекрывающий скелет. Умерший (женщина?) уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ. За черепом в районе затылка найдены железная и бронзовая булавы (рис. 11-3,4), под черепом и на шейных позвонках — остатки ожерелья из круглых пастовых и прямоугольных нефритовых бусин. Отдельные бусы ожерелья встречены в районе грудной клетки и живота (рис. 12-2, 3, 5). На левой плечевой кости находились костяная, железная и бронзовая булавы (рис. 11-2, рис. 5-7). У правого плеча лежало на ребре пряслице (рис. 9-3).

Могила 9. Яма размерами 1,55×0,7 м, ориентирована по оси ЮЗ-СВ. Глубина 0,65 м от материка, заполнение — серая супесь с бурыми пятнами. По периметру сохранились остатки рамы высотой 0,15 м от дна. Структура и конструкция не выявлены, т.к. фиксировался только древесный тлен. На дне вытянуто на спине головой на ЮЗ лежал скелет ребенка. Под челюстью на шейных позвонках найдена двухлопастная бляшка «S»-видной формы. Лопасты отлиты в виде головок грифонов (рис. 15-6). У левого локтя находилась фаланга животного.

Могила 10. Яма размерами 1,5×0,85 м (ЮЗ) — 0,7 м (СВ), глубиной 0,55 м от материка, ориентирована по оси ЮЗ-СВ. Заполнение — серая супесь с бурыми пятнами. Сохранились остатки продольного перекрытия в виде слоя тлена перекрывающего скелет (мощностью 0,1 м). По периметру фиксировались остатки рамы, высотой до 0,1 м от дна. По продольным краям ямы сохранились остатки горбылей, поставленных на ребра, окоренной стороной к стенкам. На дне находились кости ребенка, видимо, уложенные близко к анатомическому порядку. Судя по ним, положение вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Плечевые кости лежали нормально, берцовые в 0,6 м ниже, над левой берцовой (большой?) находились остатки позвоночника (6 позвонков). Около этой кости лежал кос-

тяной черешковый наконечник стрелы острием вниз (рис. 17-9) и бронзовая бусина (рис. 12-11), выше позвоночника — пластинчатый бронзовый нож с выделенной ручкой (рис. 10-2). По-видимому, могила 10 — вторичное захоронение мальчика-подростка. Образцы дерева взяты для анализа по С14.

Могила 11. Яма овальной формы, размерами 1,4×0,85 м и глубиной 0,65 м от материка ориентирована по оси ЮЗ-СВ. Заполнение — бурая супесь с древесным углем. На дне вытянуто на спине, головой на ЮЗ лежал скелет ребенка. У правой стопы найдена половина сосуда-чашки без орнамента (рис. 4-11), под челюстью две бронзовые бусины (рис. 12-9, 10).

Могила 12. Яма размерами 1,85×1 м, глубиной 0,9 м от материка ориентирована по оси ЮЗ-СВ. Заполнение — бурая супесь с древесным углем. Остатков перекрытия нет. На дне в западной части ямы лежал вытянуто на спине головой на ЮЗ скелет ребенка. Руки и ноги были расставлены и согнуты, соответственно в локтях и коленях. Между левой локтевой костью и ребрами лежал астрагал барана с отверстием (рис. 13-21).

Могила 13. Яма размерами 2×0,85 м, глубиной 0,7 м вытянута по оси ЮЗ-СВ. Заполнение — коричневая супесь с древесным углем. На дне вытянуто на спине, головой на ЮЗ лежал скелет молодой женщины. На затылочной части черепа найдены бронзовые заколки с ушками как у швейных игл и булава с навершием-шариком (рис. 11-9-11). Над правым плечом находился сосуд-чашка (рис. 4-9), украшенный рядом жемчужин, у правого локтя — пряслице (рис. 9-4).

Могила 14. Кв. А/15,16. Яма размерами 2×0,7-0,8 м, глубиной 0,6 м от материка, ориентирована по оси ЮЗ-СВ. Частично находились под осыпью раздува. Заполнение — серая супесь с бурыми пятнами и древесными угольками. На дне вытянуто на спине головой на ЮЗ лежал скелет женщины. На затылочной части черепа найдены четыре булавы: две железные с навершием-шариком, одна бронзовая короткая и одна бронзовая длинная с остатками железного навершия, надетого на рифленый кончик (рис. 11-8). Под челюстью справа найдена двойная крестовидная бляха (рис. 15-1). Лучи креста представляют собой полусферы. Обе половинки бляхи крепились друг к другу бронзовыми шпильками. Остатки ржавчины, запекшиеся на бронзе, свидетельствуют о каких-то железных деталях в бляхе, но их реконструировать не удалось. На левой стороне грудной клетки находилась

костяная пластина, у локтя левой руки — пряслице (рис. 9–5).

Могила 15. Яма размерами 2,1×0,9 м, глубиной 0,75 м, ориентирована по оси ЮЗ–СВ. Заполнение — бурая супесь с древесным углем. По периметру ямы сохранился бурый тлен (0,15 м от дна). На дне, вытянуто на спине, головой на ЮЗ лежал скелет мужчины. Левая нога согнута в колене и завалена влево. У правой голени лежали девять костяных наконечников стрел остриями вниз (рис. 17–10–18).

Могила 16. Обнаружена при подчистке края выдува, разрушающего мыс с юго-восточной стороны. Яма почти полностью находилась под осыпью и даже частично разрушена ей. Зафиксированные размеры ямы 2×0,65 м, глубина 1,2 м от кромки края раздува. Заполнение — бурая супесь с вкраплениями древесного угля. Ориентация ямы СВ–ЮЗ следов перекрытия не зафиксировано. На дне вытянуто на спине, головой на ЮЗ лежал скелет молодой женщины. Кроме пряслица у локтя правой руки находок нет (рис. 9–6).

Могила 17. Обнаружена при подчистке разрушения в 2 м юго-западнее могилы 16. Яма также находилась под осыпью. Ее размеры 2,3×0,9 м, глубина 1,45 м от кромки края раздува, ориентация ЮЗ–СВ. Заполнение ямы — бурая супесь, встречались древесные угли. Следов перекрытия не зафиксировано. На дне вытянуто на спине, головой на юго-запад лежал скелет подростка. Следует отметить, что яма почти в два раза больше погребенного. Слева от головы находился небольшой сосуд с налечами — «ушками» (рис. 5–3). На скуловых костях найдены две «S»-видные серьги с подвесками-цепочками (рис. 13–9, 19), на шейных позвонках — остатки ожерелья из разноцветных глазчатых бусин, изготовленных из стекловидной пасты (рис. 12–12–14). У локтя правой руки найдено пряслице (рис. 9–7). На остатках дистальной части локтевой кости левой руки найдены бронзовые бусины (остатки браслета?). У проксимала правой бедренной кости с внешней стороны расчищены лежащие компактной группой следующие предметы: две колоколовидные подвески с литейным браком (рис. 15–3, 4), крестовидная бляха (рис. 15–2) и бронзовая подвеска в виде водоплавающей птицы (гусь или лебедь) (рис. 15–5). В ногах умершего находился развал крупного горшка с орнаментом из взаимопроникающих заштрихованных треугольников и маленькая чашечка с жемчужником (рис. 5–2, 4).

Могила 18. Обнаружена при подчистке края раздува, разрушающего мыс с юго-западной стороны. Яма частично находилась под осыпью. Сохранность костей очень плохая. Размеры ямы 2×0,7 м, глубина 1,8 м от кромки края раздува. Ориентация ЮЗ–СВ. В заполнении (супесь бурого цвета) встречался древесный уголь. Следов перекрытия не зафиксировано. На дне вытянуто на спине головой на юго-запад лежал скелет женщины. На затылочной части черепа найдены три бронзовых и железная булавы (рис. 11–16–19), на шее пастовая глазчатая бусина (рис. 12–15), у левого плеча лежало пряслице (рис. 9–8).

Могила 19. Могильное пятно слабо выражено, заполнение ямы размерами 2,5×0,85 м отличается от материка вишнево-серой окраской (тлен). Видимо, это остатки деревянной конструкции. На дне ямы, на глубине 0,85 м от поверхности выдува, вытянуто на спине, головой на юго-запад, лежал скелет. Погребенный имел при себе следующий сопроводительный инвентарь: у правой локтевой кости, на глубине 0,7 м находилась галька средних размеров, в районе тазовых костей на глубине 0,77 м найдено костяное кольцо (рис. 10–9); с левой стороны бедра, на глубине 0,85 м обнаружен бронзовый черешковый нож (рис. 10–3) и, наконец, с правой стороны от погребенного на уровне коленного сустава найдены два костяных черешковых трехгранных наконечника стрелы (рис. 17–19–20).

Могила 20. Пятно погребения размерами 2,4×1,6 м имело слабо выраженную серую окраску. Яма, ориентированная по оси ЮЗ–СВ, постепенно уменьшилась до следующих размеров: 2,18×0,84 м. На глубине 1,2 м головой на ЮЗ, вытянуто на спине лежал скелет мужчины (?). В погребении обнаружен следующий сопроводительный инвентарь: с правой стороны в районе грудной клетки на глубине 1,16 м найден бронзовый распределитель ремней, выполненный в виде головы грифона (рис. 16–9). Также справа в районе кисти на глубине 1,2 м найдены шесть костяных черешковых трехгранных в сечении наконечников стрел (рис. 17–21–26).

Могила 21. Могильное пятно обнаружено по вкраплениям древесного тлена. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ и имеет следующие размеры: 1,85×0,65 м (рис. 3–4). На глубине 1,2 м был обнаружен скелет человека, лежащий на спине головой на ЮЗ. В головах погребенного с правой стороны могильной ямы прослежены остатки деревянной обкладки погребения. С умершим был обнаружен следующий вещевой набор: справа в об-

ласти грудной клетки найдена бронзовая ворворка (рис. 16–10); в области правого крыла таза на глубине 1,2 м найден бронзовый колчаный крюк в виде головы ворона (рис. 16–3); у правой стенки могильной ямы на глубине 1,22 м найдены четыре костяных черешковых трехгранных в сечении наконечника стрел (рис. 17–27–30).

Могила 22. Обнаружена по слабо выраженному древесному тлену буро-вишневого окраски. Могила ориентирована по линии ЮЗ–СВ и имеет следующие размеры: 1,84×0,7 м. На глубине 0,8 м был обнаружен скелет человека, лежащий вытянуто на спине, руки вдоль тела. Погребенный ориентирован головой на ЮЗ. Сохранность костей удовлетворительная. С правой стороны от черепа погребенного на боку лежал сосуд баночной формы, по венчику орнаментированный жемчужником (рис. 6–1). С правой стороны черепа в районе височной кости найдены две бронзовые серьги-цепочки с железной подвеской на конце (рис. 13–7, 8), в районе нижней челюсти обнаружены железная, а в районе левой ключицы — бронзовая и пастовая глазчатая бусины (рис. 12–21, 17, 18). В области локтевого сустава с левой стороны от погребенного найдено керамическое пряслице (рис. 9–9) и, наконец, в верхней части головы погребенного зафиксированы три бронзовые и одна железная булавки (рис. 11–20–22). Судя по инвентарю, в могиле погребена женщина.

Могила 23. Детское погребение, ориентированное по линии ЮЗ–СВ. Могильная яма овальной формы размерами 0,85×0,55 м (рис. 3–9). Скелет ребенка обнаружен на глубине 0,4 м, ориентирован головой на ЮЗ, кости плохой сохранности. Погребального инвентаря не обнаружено.

Могила 24. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ. Ее размеры 1,9×1,12 м, пятно слабо выраженное. На глубине 1 м зафиксирован скелет женщины. Умершая ориентирована головой на ЮЗ. Лежал вытянуто на спине, руки вдоль тела. В могиле обнаружен следующий сопроводительный инвентарь: за головой в верхней части черепа найдены железные булавки (рис. 11–23–27); в районе плечевой кости с левой стороны обнаружен нож в кожаных ножнах (ножны очень плохой сохранности) (рис. 10–4) и каменный оселок (рис. 10–5); с правой стороны от погребенного в области плечевой кости найдена овальная курильница из серого гранита (рис. 7–2); в районе нижней челюсти зафиксированы бронзовые бусины; с левой сторо-

ны от погребенного около кисти руки найден развал сосуда баночной формы, орнаментированный по венчику жемчужинами (рис. 6–2); с левой стороны от головы погребенного обнаружена бронзовая серьга с цепочкой (рис. 13–6); с правой стороны у нижней челюсти найдены бронзовая, сердоликовая и белая пастовые бусины (рис. 12–16); с правой стороны от погребенного у верхней части плечевой кости найдено керамическое пряслице (рис. 9–11).

Могила 25. Яма овальной формы 1,92×0,7 м, ориентированная по линии ЮЗ–СВ. На глубине 0,9 м обнаружен скелет, расположенный вытянуто на спине, правая нога согнута в колене; погребенный ориентирован головой на ЮЗ (рис. 3–5). В могиле хорошо заметны следы огня, дно могильной ямы усыпано углями так, что правая часть костяка окрашена в черный цвет. Обнаружен следующий погребальный инвентарь: с правой стороны в области тазовых костей найден костяной трехгранный наконечник стрелы (рис. 18–1) и каменный оселок (рис. 10–6). Судя по инвентарю, в могиле погребен мужчина.

Могила 26. Детское погребение. Могильное пятно слабо выраженное, 0,8×0,38 м, ориентировано по линии ЮЗ–СВ (рис. 3–8). На глубине 0,25 м вытянуто на спине лежал скелет ребенка очень плохой сохранности, ориентированный головой на ЮЗ. С правой стороны от умершего найден сосуд баночной формы (рис. 6–3).

Могила 27. Могильная яма овальной формы, 1,44×0,84 м, глубиной 0,68 м, ориентированная по линии ЮЗ–СВ. Пятно хорошо выражено. На дне зафиксирован скелет женщины в скорченном положении на правом боку головой на ЮЗ, руки согнуты в локтях и прижаты к подбородку (рис. 3–6). В правой руке погребенного было зажато керамическое пряслице (рис. 9–12); в головах у затылочной части черепа найден керамический сосуд, орнаментированный жемчужником (рис. 6–4).

Могила 28. Детское погребение. Могильное пятно слабо выраженное, размерами 0,95×0,5 м, ориентированное по линии ЮЗ–В. На дне могильной ямы на глубине 0,15 м вытянуто на спине головой на ЮЗ лежал скелет ребенка. С правой стороны от черепа находился керамический сосуд, орнаментированный по венчику жемчужником (рис. 6–6).

Могила 29. Могильное пятно слабо выраженное. Могила разрушена раскопками А.Д. Сергеева в 50-х годах. В заполнении могилы встречены современные предметы: окурки, проволока, шелуха семечек. Яма ориентирована по ли-

нии ЮЗ-СВ; на глубине 0,65 м обнаружены разрозненные кости человека, череп отсутствует. Судя по положению тазовых костей и костей ног, погребенный был ориентирован головой на ЮЗ. В ЮЗ части могильной ямы обнаружена сердоликовая бусина, а с правой стороны в районе голени найдено керамическое пряслице (рис. 8-14).

Могила 30. Могильная яма овальной формы 2,1×0,76 м, ориентированная по линии ЮЗ-СВ. На дне на глубине 0,8 м вытянуто на спине головой на ЮЗ лежал скелет женщины. С погребенным найден следующий сопроводительный инвентарь: с правой стороны черепа у височной кости — круглые плоские бусы, бронзовая серьга (рис. 13-18), глазчатая и белая круглая пастовые бусины (рис. 12-19, 20, 22); среди ребер, с правой стороны найдена железная булава (рис. 11-31); на левой руке на запястье зафиксирован браслет из бронзовых пронизок (рис. 13-20); с левой стороны от погребенного найдены железные булавы (рис. 11-33), сурьма, керамическое пряслице (рис. 9-10); с правой стороны в районе голени найдена двухлопастная бронзовая бляха (рис. 15-11); под подбородком погребенного зафиксирована бронзовая булава (рис. 11-32); между ног умершего чуть выше коленных суставов найден поясной набор, состоящий из пряжки, выполненной в скифо-сибирском зверином стиле и двух многосоставных солярных блях квадратной и прямоугольной формы. По нашему мнению, в состав поясного набора входили также две бронзовые пронизки, найденные там же (рис. 15-7-12). С правой стороны от погребенного был найден керамический сосуд, по венчику украшенный жемчужинами (рис. 6-5).

Могила 31. Детское погребение, обнаруженное при контрольном перекопе. Пятно слабо выраженное, 0,95×0,65 м, ориентировано по линии ЮЮЗ-ССВ. На глубине 0,25 м были зафиксированы кости ног очень плохой сохранности, больше от скелета ничего не сохранилось.

Могила 32. Могильное пятно хорошо выражено. Яма овальной формы, 1,55×0,73 м, ориентирована по линии ЮЗ-СВ (рис. 3-10). На глубине 1,2 м лежал вытянуто на спине скелет ребенка, ориентированный головой на ЮЗ. С погребенным зафиксирован следующий сопроводительный инвентарь: с правой стороны у черепа найден астрагал барана (рис. 8-17), под подбородком находились бронзовые (рис. 13-9-16) и железная (рис. 13-10) бусы; у ЮЗ стенки ямы на уровне материка на глубине 0,8 м найден бронзовый двухлопастной втуль-

чатый наконечник стрелы с «опущенными» гранями (рис. 13-17); слева от черепа стоял сосуд, по венчику орнаментированный жемчужником (рис. 7-2).

Могила 33. Могильное пятно хорошо выражено, размерами 2,3×1 м, ориентировано по линии ЮЗ-СВ. На глубине 1 м обнаружен скелет мужчины, лежащий головой на ЮЗ в положении вытянуто на спине. С погребенным зафиксирован следующий сопроводительный инвентарь: с правой стороны на уровне головы найден крестец барана; с правой стороны, в области плечевых костей, обнаружен бронзовый колчаный крюк (рис. 16-4); на правом крыле таза находилась бронзовая пронизь (рис. 16-6); бронзовая солярная бляшка (рис. 16-5); чуть ниже правого крыла таза найден просверленный астрагал барана (рис. 16-8); с левой стороны от погребенного, в районе большой берцовой кости обнаружен железный нож плохой сохранности (рис. 10-7); с правой стороны от погребенного в области коленного сустава найдены 11 костяных черешковых трехгранных и бронзовый черешковый трехлопастной наконечники стрел (рис. 18-2-13); железная ворворка плохой сохранности (рис. 16-7).

Могила 34. Могильное пятно подовальной формы 1,35×0,5 м, хорошо выраженное. Яма ориентирована по линии ЮЗ-СВ. На глубине 0,8 м обнаружен скелет подростка, лежащий вытянуто на спине, головой на ЮЗ (рис. 3-3). В погребении обнаружен следующий сопроводительный инвентарь: с левой стороны от погребенного в районе лучевых костей руки найдено керамическое пряслице (рис. 9-13); здесь же обнаружены четыре просверленных резца лося (рис. 12-25). По инвентарю захоронения можно предположить, что в могиле погребена девочка-подросток.

Могила 35. Могильное пятно хорошо выражено 2,06×0,7 м. Яма овальной формы, ориентирована по линии ЮЗ-СВ. На глубине 0,84 м обнаружен скелет женщины, лежащий головой на ЮЗ в положении вытянуто на спине. Погребального инвентаря не обнаружено.

Могила 36. Могильное пятно хорошо выражено 1,97×0,85 м. Яма овальной формы, ориентирована по линии ЮЗ-СВ. На глубине 1 м вытянуто на спине, головой на ЮЗ, лежал скелет женщины. Обнаружен следующий погребальный инвентарь: под подбородком найдены четыре бусины, две выполнены из стекловидной пасты, а две — из глины (рис. 12-23); на черепе найдены бронзовая и костяная булавы (рис. 11-29-30).

Могила 37. Детское погребение. Пятно овальной формы размерами 0,63×0,36 м, ориентировано по линии ЮЗ–СВ. На глубине 0,26 м обнаружен скелет человека плохой сохранности, погребенный лежал вытянуто на спине головой на ЮЗ. У западной стенки погребения слева от головы умершего найден керамический сосуд (рис. 6–7).

Могила 38. Могильное пятно хорошо выражено, размерами 1,3×1 м, ориентировано по линии СВ–ЮЗ. На глубине 0,3 м от материка обнаружен скелет ребенка, лежащий головой на ЮЗ в положении вытянуто на спине. Сопроводительный инвентарь погребенного состоял из керамического сосуда баночной формы, поставленного в головы (рис. 8–3). В заполнении встречены следы огня в виде углистой супеси.

Могила 39. Могильное пятно подпрямоугольной формы имеет размеры 1,9×0,8 м. На глубине 0,94 м зафиксирован скелет взрослого человека, лежащий в вытянутом положении на спине и ориентированный головой на ЮЗ. Фиксировались остатки деревянной рамы. В могиле находился следующий погребальный инвентарь: в области правого плеча найдены восемь (?) костяных черепшковых, трехгранных в сечении, наконечника стрел (рис. 18–14–21); в области правой берцовой кости зафиксирован роговой колчаный крюк в виде стилизованной головы лошади (рис. 8–15). Под черепом умершего найден кусочек сурьмы.

Могила 40. Яма размерами 1,15×0,95 м и глубиной 0,64 м от материка, ориентирована по оси ЮЗ–СВ. Заполнение — серая супесь. На дне ямы найден скелет ребенка в положении вытянуто на спине головой на ЮЗ. Из погребального инвентаря обнаружен керамический сосуд, который находился справа от головы погребенного (рис. 8–4).

Могила 41. Могильное пятно слабовыраженное, размерами 0,73×0,31 м. Яма ориентирована по оси ЮЗ–СВ. На глубине 0,17 м от материка обнаружен скелет ребенка, который лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Из погребального инвентаря зафиксирован керамический сосуд, украшенный по венчику жемчужником и расположенный слева в головах умершего (рис. 8–5).

Могила 42. Могильное пятно размерами 1,1×0,96 м. Яма подквадратной формы со скругленными углами, ориентирована по линии ЮЗ–СВ. На глубине 0,40 м от материка обнаружен скелет младенца очень плохой сохранности. Положение умершего вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Погребального инвентаря не обнаружено.

Могила 43. Разрушена пожароохранной полосой. Пятно слабовыраженное, размерами 1,5×1,2 м. В заполнении пятна найдена пастовая бусина, обломки керамики без орнамента и кости человека (рис. 8–1,2).

Могила 44. Могильное пятно размерами 1,03×0,68 м, ориентировано по линии ЮЗ–СВ. На глубине 0,6 м обнаружен череп человека плохой сохранности. Череп находился в ЮЗ части могильной ямы. Других частей скелета и сакрального инвентаря не обнаружено.

Могила 45. Яма размерами 0,95×0,51 м ориентирована по оси ЮЗ–СВ. На глубине 0,08 м обнаружен скелет подростка, лежащий вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Погребального инвентаря не обнаружено.

Могила 46. Кенотаф. Пятно отсутствует. В дерне на глубине 10 см был найден целый сосуд (рис. 5–1).

Могила 47. Яма размерами 1×0,51 м и ориентирована по оси ЮЗ–СВ. На глубине 0,07 м обнаружен скелет подростка, лежащий вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Справа от погребенного найдены два керамических сосуда: первый банкообразный, диаметром 9 см, орнаментированный по венчику жемчужником, второй представляет собой небольшую плоскую тарелку диаметром 4 см, также по венчику украшенный жемчужником (рис. 8–9,11).

Могила 48. Кенотаф (?). Пятно хорошо выражено размерами 1×0,7 м. В заполнении ямы найден сосудик баночной формы без орнамента, керамическое пряслице и астрагал животного. Костей человека не обнаружено (рис. 8–7,8).

Могила 49. Яма, ориентированная по оси ЮЗ–СВ, имела размеры 1,1×0,8 м. На глубине 0,08 м лежал скелет ребенка плохой сохранности. Погребенный ориентирован головой на ЮЗ и расположен вытянуто на спине. С умершим зафиксирован следующий погребальный инвентарь: с правой стороны в головах находился керамический сосудик (рис. 8–6); у левой руки погребенного найден просверленный астрагал барана (рис. 8–17).

Могила 50. Яма размерами 1,1×0,7 м, ориентирована по оси ЮЗ–СВ. На уровне материка в ЮЗ части ямы найдена колоколовидная подвеска (рис. 8–16). На глубине 1,35 м обнаружен скелет ребенка, лежащий вытянуто на спине головой на ЮЗ. Из погребального инвентаря найден бронзовый нож, который располагался на правой большой берцовой кости (рис. 10–10). Зафиксированы углистое пятно и прокол (костер?). Углистое пятно находилось в северной части могильной ямы и имело следующие параметры:

0,3×0,18 м и уходило на глубину 0,25 м, частично выходя за границы погребения.

Погребальный обряд могильника достаточно устойчив: умершие уложены вытянуто на спине, головой в ЮЗ сектор (рис. 3). Погребальные конструкции (рама из брусьев, перекрытая горбылями или досками) сохранились плохо и фрагментарно, или отсутствовали вообще. Встречено одно парное захоронение (мог. 4) и два кенотафа (мог. 46 и 48). В межмогильном пространстве находок (кроме инокультурных — большемысских и кулайских) не было, поэтому предметы с раздува следует считать происходящими из разрушенных погребений. Во всех могилах встречены яркие следы огня от вкраплений угольков и золы, до сгоревшего бревна в могиле 25 (рис. 3–5). Наиболее ранней частью памятника следует считать юго-западную, где встречено скорченное захоронение на правом боку с инвентарем, характерным для комплекса могильника (рис. 3–6). В ходе функционирования кладбище заполнялось в северо-восточном направлении, где раскопана наиболее поздняя могила № 33 с железным пластинчатым ножом. В двух могилах зафиксированы подношения не около умершего, а на уровне древней дневной поверхности у ЮЗ торца ямы. Это втульчатый бронзовый наконечник стрелы с «опущенными гранями» (мог. № 32), переходящими в шипы (рис. 3–10; 13–17) и бронзовая колоколовидная подвеска (мог. № 50) (рис. 8–16). Обе могилы (№ № 32 и 50) детские. Говоря о детских погребениях следует отметить еще одну их особенность: у многих умерших на шейных позвонках (под нижней челюстью) найдены подвески: бусины, двухлопастные бляхи, обломок бляхи изображающей кулана. Видимо, это родовая этническая черта, т.к. в других могильниках староалейской культуры она не фиксируется. Детские могилы более-менее равномерно распределены по площади кладбища, хотя наблюдается их локализация в СВ части (могилы 40, 41, 42, 44, 47, 49, 50). Две могилы оказались разрушены (№ 43) пожарной лесоохранной полосой еще до возникновения в 50-х годах раздува, и погребение между могилами № № 8 и 12, представленное только обломками костей человека. Следует также отметить исключительно плохую сохранность могил, перекрытых эоловым надувом и расположенных по краям раздувов. Видимо, это объясняется изменением водно-кислородного баланса вмещающей супеси. Поэтому следует считать аварийной не только раздуваемую часть Обских Плесов 2, но и участки засыпанные песком.

Керамика. В погребениях и на раздуве найдено 32 целых и реконструируемых сосуда и обломок «чиненого» горшка из разрушенной части могилы 43 (рис. 4–8). Керамика отличается удивительным единообразием орнаментации — «чистый» жемчужник (девять сосудов), жемчужник с разделителем: наколы (три сосуда), оттиски «лопаточки» (четыре сосуда), «сечечковидные» оттиски (три сосуда). Один горшок украшен рядом подобных отпечатков ниже жемчужника. Девять сосудов оставлены без орнамента. Свообразием отличается только «каменская» посуда из могилы 17 (рис. 5–3,4): крупный горшок, украшенный в верхней части взаимопроникающими заштрихованными треугольниками и небольшой сосуд без орнамента с ушками для подвешивания. Однако, даже в этой могиле оказался горшочек-чашка, украшенный жемчужником с разделителем (рис. 5–2). Основная масса керамики по форме и размерам является «личной» посудой для потребления пищи: миски (рис. 4–1,4,6; 6–8; 7–4; 8–3,4,5,9), баночные горшки (рис. 4–3,11; 5–2; 6–1,2,3,4,5,6,7; 8–7,10,11). Крупных сосудов горшковидной формы только два, уже упомянутый горшок из мог. 17, горшок из детской могилы 32 (рис. 7–3). У 13 сосудов днище округлое или близкое к округлому, что вызывает определенные ассоциации с керамикой бийского этапа. Самые мелкие сосуды найдены в детских могилах.

Пряслица являются неприменным сакральным атрибутом женских погребений. Всего их найдено 15 экземпляров. К сожалению, несмотря на огромное количество пряслиц в погребениях и поселениях лесостепного Алтая, подробная типология их не разработана. На наш взгляд, это значительное упущение в археологии раннего железного века. Даже на беглый взгляд выделяется несколько типов, различающихся по форме, весу и орнаментации. По-видимому, вес и форма этих изделий зависит от качества пряжи. Орнаментация на всех пряслицах имеет солярную символику. Вероятно, эти «маленькие солнышки» играли немаловажную роль в домашних культах древних староалейцев (рис. 8–13,14; 9).

Нож. Найдено пять однолезвийных обушковых ножей — четыре бронзовых и железный, повторяющий форму бронзовых. Три из них можно назвать выпуклообушковыми (рис. 10–1–3), два других (в том числе железный) с прямым обушком (рис. 10–4,7). Нож из могилы 1 (рис. 10–1) имеет петельку на ручке. Лезвия бронзовых ножей прокованы и заточены, составляют от половины до 2/3 их длины. Все они изготовлены из вырубленных

пластинчатых заготовок. О шестом ноже из могилы 50 (рис. 10-10) сложно что-либо сказать, т.к. он представлен обломком кончика, по форме аналогичным изделию из мог. 1. Все ножи были помещены в плохо-сохранившиеся деревянные или кожаные ножны.

Оселки из Обских Плесов 2 представлены двумя экземплярами простейшей формы — удлиненные овальные уплощенные гальки (рис. 10-5,6). Оселок из мог. 25, имеющий две выбоины на узком конце, видимо, для крепления на поясе, находит неожиданную точную аналогию в Арчекаских курганах (курган 2) — V-IV вв. до н.э., расположенных под Мариинском [154, рис. 46-7]. А.М. Кулемзин отмечает южное происхождение этого комплекса. Отсутствие плоских подпрямоугольных оселков, обычных в ранне-староалейских могильниках МГК и Фирсово XIV наталкивает на мысль об утрате технологии их изготовления. Это подтверждает и отсутствие оселков на Староалейке 2 (см. статью Ю.Ф. Кирюшина, А.Л. Кунгурова в настоящем сборнике). В позднестароалейских погребениях БЕ, Новоалтайского могильника и т.п. (комплекс, который М.П. Грязнов в свое время назвал березовским этапом большереченской культуры) оселки вновь появляются уже как «каменское» заимствование.

Женские украшения составляют одну из наиболее ярких черт могильника Обские Плеса 2. Прежде всего это касается булавок-заколов, составляющих неотъемлемую часть женских причесок практических на всех староалейских могильниках [17, 18, 328, 329]. Булавки, встреченные в могилах, разнообразны по форме и изготовлены из бронзы (19), железа (12) и кости (2) (рис. 11). Они различаются по длине (от 2,5-3 до 17 см), сечению (круглое и подпрямоугольное) и оформлению наконечников. В могилах ОП 2 зафиксированы следующие формы наконечников:

У бронзовых булавок

- шаровидное (рис. 11-1,11);
- ушко типа игольного (рис. 11-4,9,10,13) просверленное или отлитое с изделием и оформленное путем проковки кончика с дальнейшим его загибанием (рис. 11-10);
- расплющивание кончика, видимо, для надевания органического наконечника (рис. 11-16, 17, 20, 22, 32);
- специально не оформленное обработкой (рис. 115, 6, 7, 12, 17, 18, 21, 30). Возможно, на эти булавки также надевались наконечники;

— рифленое биметаллическое (бронза-железо) наконечники (рис. 11-8) не сохранившие своей формы (шарик ?).

У железных булавок

- шаровидное (рис. 11-14, 15, 19, 31);
- многоугольное (рис. 11-3,25,23), видимо, оформленное проковкой;
- расплющенное (рис. 11-33);
- полый деревянный шарик, одетый на железный стержень (рис. 11-24, возможно, 26, 27);
- «рулонное» наконечники из прокованной и свернутой полоски железа (рис. 11-23).

У костяных булавок наконечники или нет (рис. 11-29), или это оставленный участок кости (эпифиз ?) (рис. 11-2).

Обращают на себя внимание булавки с игольным ушком. Находка их в составе головной прически не исключает возможность и другого использования — для шитья. При этом ясно, что второе назначение не основное, иначе бы и в могиле они находились где-нибудь в игольнике на поясе. Хотя не исключено, что староалейские женщины хранили свои швейные иглы в прическе, вставив в ушко какое-либо органическое украшение (например, перышко птицы). В многочисленных курганах каменной культуры не наберется и половины количества булавок, найденных только на Обских Плесов 2. Да и формы булавок иные [134]. В Новосибирском Приобье на могильнике Быстровка 1 найдена золотая булавка с ушком, по форме напоминающая староалейские [277, рис. 2-22], отнесенная Т.Н. Троицкой к категории орудий труда. Учитывая расположение булавок ОП 2, с этим трудно согласиться. Железные булавки из каменных курганов Барнаульского Приобья (прежде всего Елунино 1) обложены гофрированным золотым листом и также непохожи на староалейские [34; 291; 292; 327].

Другой яркой категорией женских украшений являются **бусы и подвески** (рис. 12, 13). Встречены следующие бусы:

- трубочки, свернутые из бронзового листа (рис. 12-1,27; 13-12,14,15). Довольно часто они встречаются в детских могилах (рис. 17-2);
- биконические бронзовые (литые) (рис. 12-8, 9, 10, 11, 16);
- глазчатые пастовые бусы (рис. 12-12,13, 14, 15,17,22);
- круглые сердоликовые (рис. 12-4);
- подпрямоугольные плоские нефритовые (рис. 12-2,6);
- мелкие пастовые различных цветов (однотонные) (рис. 123, 5, 20);

- пастовая темно-синяя рифленая бусина (рис. 12-24);
- глиняные овальной формы (рис. 12-23);
- каменная цилиндрическая черная бусина (рис. 12-28);
- круглая крупная белая пастовая бусина (рис. 12-19);
- полуокруглые крупные пронизи (рис. 12-26; 13-13, 16) (из местоположения этих предметов не совсем ясно, являлись ли они частью ожерелий).

В детской могиле 10 найдены две «спекшиеся» окислом бронзовые бусины, составляющие комплект с железной, двумя полуокруглыми и тремя бусинами из свернутого листа (рис. 13-10-16). Все они находились под нижней челюстью ребенка.

Несмотря на разнообразие материала, формы и размеров, бусы с ОП 2 имеют множество аналогий в МГК 1 (могильник 1), Староалейке 2, Фирсово XIV и других староалейских памятниках VI–IV вв. до н.э. [169]. Наиболее архаичными являются бронзовые биконические, округлые, полуокруглые и прямоугольные нефритовые бусы, появляющиеся в майэмирских комплексах Горного Алтая [7; 91].

Подвесок в ОП 2 найдено немного — просверленные в корне резцы лося из могилы 34 (рис. 12-25), зубы лисы с отверстиями в корне из могилы 5 (рис. 12-8).

Видимо, нашивкой следует считать пластинку из резца бобра, найденную в могиле 5 вместе с зубами лисы и зубом взрослого человека (1).

Оригинальным украшением, не имеющим ближайших территориальных аналогий, является бронзовый наручный браслет из могилы 31 (рис. 13-20). Его составляют семь трубочек, свернутых из бронзового листа.

Серьги также являются, видимо, характерной этнической чертой староалейской культуры, наряду с булавками. Этот тип украшений сложился в сакской среде переселенцев в Верхнем Приобье (на территорию большебереченской культуры VII–VI вв. до н.э.) в VI в. до н.э. (курганный могильник Елунино 2, могильники 1 и 3 МГК 1). Особенностью их являются подвески-цепочки из бронзовых (на МГК в Староалейке 2 и ЕКМ 2 — золотых) колечек, согнутых пополам и продетых друг в друга (рис. 13-1, 5, 6, 7, 8, 9, 19). Цепочку может завершать подвеска. На ОП 2 это трубочки из свернутого бронзового листа, какие-то железные сильноокислившиеся пластинки. Встречены и другие варианты серьг (рис. 13-2, 3, 4, 18).

Некоторые предметы сакрального набора умерших идентифицировать сложно, например,

подвеска (?) из трубчатой кости (рис. 10-8), роговая трубочка укороченных пропорций (рис. 10-9). Какое-то ритуальное значение имели просверленные астрагалы барана (рис. 8-17; 13-21, 22; 16-8), обычная находка в могильниках эпохи железа.

Бронзовые бляхи с Обских Плесов 2, составляющие поясные наборы и одиночные — наиболее замечательная часть коллекции. Многие из них выполнены в алтайском варианте скифо-сибирского звериного стиля. Вначале рассмотрим поясные наборы.

1. Могила 2. Поясной набор из восьми предметов, найденный в погребении ребенка (судя по находке серьги — рис. 13-1 — девочки). Расположение пояса в могиле (рис. 14-1) позволяет предположить, что лицевой бляхой являлся прекрасный кошачий хищник (рис. 14-2). Далее за ним располагались две двухлопастные «грифоньи» бляхи (рис. 14-5, 6), кабан (рис. 14-3), «грифон-свернутая змея» (рис. 14-4) и еще две двухлопастные бляхи (рис. 14-7, 8).

Сцепление пояса происходило с помощью железного крючка (рис. 16-1) похожего на колчанный, но таковым не являющимся. В этом крюке нет отверстия для подвешивания, а имеется щитковидное расширение с выемкой. Без отверстия этот предмет, как колчанный крюк нефункционален. Вроде бы как это подтверждает и его расположение в могиле (рис. 14-1) с одной стороны, и отсутствие набора наконечников стрел, всегда сопровождающего колчанные крюки.

2. Могила 33. Поясной набор из шести предметов. Находился в погребении женщины между бедренными костями (под скелетом?). Возможно пояс был положен параллельно телу пряжкой на середину живота. Самой оригинальной частью пояса является пряжка в виде головы архара с сильно загнутым рогом. Этот рог, образующий кольцо, предназначался для продевания кончика ремня. Закреплялся ремень неподвижным наружным язычком-шпеньком, являющимся продолжением морды архара и придающим ей весьма забавный вид. Аналогий таким пряжкам мы не знаем (рис. 15-7). За пряжкой на поясе находились и две массивные пронизи ранних форм (в майэмирских комплексах Горного Алтая подобные изделия являются принадлежностью конской упряжки) (рис. 15-8, 9). Далее следовала четырехсоставная солярная бляха (рис. 15-10). Первоначально она состояла из шести полусфер с круговым желобком. Но две полусферы были намеренно отломаны. Следующей находилась двухлопастная «гри-

фонья» бляха со срединным отверстием (рис. 15–11), а не петлями на оборотной стороне как предыдущие. Практически эта бляха двусторонняя. И завершает композицию пояса «вертикальная» шестисоставная солярная бляха (рис. 15–12). За исключением пряжки пояс находит точные аналогии в Староалейке 2 (могила 16).

3. Могила 17. Находки отсюда трудно назвать поясом, скорее это набор, состоящий из четырех подвесок, находившихся в органическом мешочке на поясе женщины. Это две колоколовидные подвески (рис. 15–3,4), подвеска в виде водоплавающей птицы (гусь или лебедь) (рис. 15–5) и пятисоставная крестовидная солярная бляха без петелек (рис. 15–2).

Остальные бляхи, за исключением портупейных, описание которых будет дано далее, встречены единично. В детской могиле 12 под подбородком найдена двухлопастная «S»-видная «грифонья» бляха небольших размеров (рис. 15–6). В женской могиле № 14 оказалась оригинальная бляха, образованная двумя пятисоставными солярными крестовидными, соединенными двумя шпеньками (рис. 15–1). Одна полусфера бляшки намеренно отломана. Находилось изделие на правом плече и, видимо, являлась деталью костюма женщины типа застежки. В детской могиле 3 на груди ребенка лежала передняя половина крупной бляхи изображающей кулана (рис. 17–1).

Аналогий «звериным» бляхам с ОП 2 известно множество [23; 27; 51; 71; 72; 79; 101–104 и т.д.]. По особенностям стиля (статичность, достаточный реализм, проработка отдельных деталей и т.д.) все они относятся к концу VI–V вв. до н.э. Подвески-птицы, напоминающие изделия из могилы 17, также имеющие кольцо для крепления на лапках (т.е. висели они, как ни странно, вверх ногами, или являлись застежками костюма) имеются в кижировских комплексах Томского Приобья [223, рис. 26–22,23]. Там же встречены крестовидные, двухлопастные «S»-видные «грифоньи» бляхи, сходные изображения кулана и т.п. Следует отметить широкое распространение колоколовидных подвесок в комплексах V–IV и IV–III вв. до н.э. [119, 120].

Детали портупей представлены колчанными крюками (4), распределителем ремней, ворворками (2), обоймой и солярной бляхой с рубчатым краевым кантом (рис. 16–5). Все эти предметы происходят из мужских захоронений, сопровождающихся колчанными наборами стрел (хотя встречаются наконечники и без крюков для подвешивания).

Наиболее простой крюк найден в парной могиле 4. Он изготовлен из рубленой приостренной с двух сторон бронзовой пластины с загнутыми концами, образующими изгиб крюка и колечко для подвешивания (рис. 16–2).

Самым оригинальным, не имеющим аналогий следует считать роговой крюк из могилы 45 (рис. 8–15). Изгиб его оформлен в виде шеи и головы лошади с развевающейся гривой. Два оставшихся крюка отлиты в двусоставных литейных формах. Изделие из могилы 33 имеет стандартную форму, часто встречающуюся в комплексах раннего железа (рис. 16–4). Последний крюк из могилы 21 оформлен в виде головы птицы (ворона ?) с длинным изогнутым клювом (рис. 16–3). Подобный мотив известен на Алтае в VI–V вв. до н.э. на псалях и колчанных крюках [78; 79; 110; 223–235]. Часто эти изделия имеют второе изображение — хищника (волка). Тандем «волк-ворон» — распространенный мотив скифского искусства Южной Сибири. В могилах 21 и 33 находки колчанных крюков сопровождалась бронзовой и железной ворворками (рис. 16–10,7), расположенными выше их (в районе груди). Видимо, ворворки являлись какой-то деталью портупей. В мог. 33 кроме железной ворворки ближе к поясу найдены бронзовая обойма с двумя желобками и петельчатая выпуклая бляха с рубчатым кантом. Все эти предметы часто встречаются в комплексах V–IV вв. до н.э. кижировской и тагарской культур, а также в каменных курганных могильниках [183; 223; 291]. Следует отметить, что некоторые археологи считают массивные ворворки и обоймы принадлежностью конской сбруи. Видимо, эти изделия не являлись какими-то специальными, а применялись при сцеплении кожаных ремней и в костюме человека и в конской упряжи. Последнее замечание справедливо и для распределителя ремней в виде головы грифона из могилы 19 (рис. 18–9), найденного на правом плече мужчины. Подобные распределители для перекрещивающихся ремней, с кольцом, образованным клювом грифона, традиционно считаются принадлежностью сбруи. «Грифоньи» распределители (правда без клюва-кольца) известны из Рагозинских курганов [291, рис. 6–7,8,9], Бийска 1 [101] и т.д.

Наконечники стрел могильника ОП 2 представлены костяными черешковыми (45 более-менее полных и три фрагмента черешков), бронзовым втульчатым и трехлопастным черешковым (рис. 17–3–30; 18–1–21). За исключением упоминавшегося втульчатого, все наконечники встречены в погребениях

в колчаных наборах (до 12 экз.) или по одному. Все костяные наконечники имеют треугольное сечение (килевидные) и большое разнообразие форм пера, от вытянутого треугольника (рис. 17–27, 28) до сводчатого оформления головки (рис. 18–7). Размеры колеблются от 8,5 до 3,5 см в длину. Это обычные формы и размеры для эпохи раннего железа. Следует отметить, что в курганах каменной культуры наконечники стрел — редкая находка (ЕКМ 1 на 16 курганов, содержащих от 1–3 до 15 могил — 3 экз.; Быстровка 1 на 14 курганов, содержащих 64 могилы — 32 экз., в Рагозинских курганах на 29 могил семи курганов — 1 экз.; в семи курганах Михайловского VI нет ни одной костяной стрелы; список можно продолжить и дальше). Датировочными находками являются бронзовые наконечники. Трехлопастной черешковый с укороченной треугольной головкой и лопастями срезанными под прямым углом к черешку круглого сечения датируется V–IV вв. до н.э. [110; 112, 163]. Втульчатой двухлопастной с опущенными гранями, переходящими в шипы, аналогий на Алтае не находит, в тагарской культуре они датируются V в. до н.э. [163, с. 47].

На площади раскопа встречено скопление костяных предметов и заготовок, отличающихся по сохранности от костяных изделий могильника. По-видимому, мы имеем дело с «костерезной мастерской» большемысской культуры. На ней изготавливались плоские подтреугольные и ромбические наконечники стрел (рис. 18–22; 19–4, 5), не имеющие черенка или втулки (видимо, вкладышевые), роговые круглые изделия — дольки рога (рис. 19–8, 9) роговые изделия непонятного назначения (посредники для камнеобработки?) (рис. 19–6). Часть предметов является заготовками из расщепленных повдоль и отретушированных на манер каменных орудий трубчатых костей (рис. 19–1, 2, 3, 7). Вероятно, законченным орудием следует считать роговую рукоятку с торцовым пазом (рис. 20–2). Похоже, что она могла использоваться для крепления медного (?) лезвия (рис. 20–2). К сожалению, костяных наконечников и рукоятей подобного типа в рас-

копанных большемысских памятниках не известно.

В заключении мы хотим подвести итоги изложенному.

1. Могильник Обские Плеса 2 является родовым кладбищем одного из племен староалейской культуры VI–III вв. до н.э. и датируется V — началом IV в. до н.э. на основании многочисленных аналогий.

2. ОП 2 завершает ранний этап развития староалейской культуры, сложившейся на основе местного большепереченского и пришлого сакского субстратов в VI в. до н.э. [18]. К этническим специфическим чертам ОП 2 следует отнести характер личных женских украшений, отсутствие мясной пищи, детские ожерелья, женские наборные пояса (для каменной культуры существует мнение о принадлежности подобных поясов мужчинам-воинам [280]).

3. Орнаментация и форма сосудов хорошо стыкуется с многочисленными староалейскими поселениями Верхнего Приобья [11], хотя встречаются каменные погребальные сосуды (могила 17). Видимо, этот факт отражает усиливающиеся контакты двух массивов населения Приобья раннего железного века, приведшие в дальнейшем к изменению в культуре и погребальном обряде в позднестароалейское время (см. статью Ю.Ф. Кирюшина, А.Л. Кунгурова в настоящем сборнике).

4. Могильник существовал не менее 60–100 лет, что подтверждается наличием скорченного погребения в «ранней» части кладбища и могилы с железным ножом и инвентарем IV в. до н.э. в «поздней» части. Однако основная масса умерших похоронена в V в. до н.э.

5. Существует синхронный могильник Фирсово XIV, расположенный в 15 км севернее Обских Плесов 2. Этот могильник отличается своими специфическими чертами [328]. Не исключено, что это два родовых или фатриальных кладбища одного раннестароалейского племени. Этническая территория племени могла охватывать отрезок правобережья Оби от Новоалтайска до Рассказихи. Эта гипотеза пока недостаточно доказательна, т.к. материал еще в должной мере не изучен.

Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров

Моги́льник раннего железного века Староалейка 2*

В настоящее время материал, накопленный в ходе полевых работ в Барнаульском Приобье, привлекает все большее и большее внимание различных исследователей, реконструирующих этнокультурную историю этой эпохи в Южной Сибири. Очень часто ученые при написании обобщающих работ обращаются к находкам из Староалейки 2, хотя они были опубликованы только фрагментарно [110; 124; 131]. Из-за этого и выводы, в которых немаловажную роль играли материалы памятника, зачастую оказывались искаженными. Все сказанное подтверждает насущность публикации результатов раскопок этого интереснейшего памятника Верхнего Приобья.

Моги́льник Староалейка 2 расположен на 50-метровом мысе, образованном левым берегом Оби и правым берегом впадающей в нее р. Алей. Восточный край мыса сильно разрушен Обью, которая относительно недавно сменила русло, оставив протоку Курья. Судя по результатам исследования, большая часть моги́льника, возможно, наиболее богатая, разрушена. Памятник обнаружен в 1978 г. В.Б. Бородаевым, раскопавшим пять погребений, относящихся к елунинской культуре [43; 126; 128] и к раннему железу [110; 24] (рис. 3-1). Все эти могилы были в большей или меньшей мере разрушены осыпью. В 1980, 1981 и 1986 гг. раскопки проводил Ю.Ф. Кирюшин, вскрывший 1780 кв. м. Найдено 70 погребений, из которых 43 относятся к раннему железу, остальные — к эпохе бронзы или не датируются. Настоящая работа посвящена публикации погребений раннего железного века. Перед началом описания могил авторы считают своим долгом отметить следующее: во-первых, объем статьи не позволяет сделать исчерпывающий анализ материала, это дело будущего; во-вторых, при описании сохранена полевая нумерация погребений, которая по понятным причинам не совпадает с порядковой; в-третьих, те реконструкции отдельных находок, которые приводятся в иллюстраци-

ях, не претендуют на стопроцентную достоверность.

Моги́ла 9. Яма размерами 1,4×0,7 м, глубиной 0,7 м от материка ориентирована по оси ЮЗ-СВ. Северо-восточный конец ямы обвалился. На дне вытянуто на спине головой на ЮЗ лежал скелет женщины. Ноги ниже колен осыпались. Судя по размеру скелета, первоначальная длина могилы составляла 1,8–2 м (рис. 2-1). Над черепом расчищены шесть булавок: три с навершиями в виде шариков (рис. 2-5, 6, 7), одна — приостренный стержень с шестью круговыми линиями у кончика (рис. 2-8) и две железные булавки непонятной конфигурации и очень плохой сохранности. На шейных позвонках находилось ожерелье из шести бусин: четыре прямоугольных нефритовых, одна округлая глазчатая и мелкая синяя пастовая бусина, сохранить которую не удалось (рис. 2-4). У правого локтя найдено пряслице (рис. 2-3), в 0,6 м ниже, у середины правого бедра встречен обломок сосуда, украшенный по венчику жемчужником с разделителем (рис. 2-2). В заполнении встречены крошки угля, деревянное перекрытие отсутствовало (не сохранилось?).

Моги́ла 10. Яма размерами 1,9×0,6–0,7 м, глубиной 0,6 м от материка, ориентирована по оси ЮЗ-СВ. На дне вытянуто на спине головой на ЮЗ лежал скелет женщины. Сохранность костей очень плохая: не сохранились ребра, стопы, часть позвонков и лицевые кости черепа (рис. 2-9). Левая рука вытянута вдоль туловища, правая, по-видимому, находилась перед лицом. За черепом найдено скопление железных (6) и бронзовых (10) булавок (рис. 2-10), составляющих, видимо, часть сложного головного убора. Из железных булавок пять имели навершие в виде шарика, одна представляла собой стержень; из бронзовых навершия-шарики зафиксированы у двух изделий, остальные напоминают иголки. Среди обломков черепа оказались две сердоликовые бусины (рис. 2-11). У несохранившейся стопы правой ноги найден

* статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 96-01-16228

сосуд, украшенный по венчику жемчужником с разделителем (рис. 2-12). В заполнении встречены крошки древесного угля.

Могила 11. Яма размерами 1,27×0,57 м подпрямоугольной формы и глубиной 0,42 м, ориентирована по оси ЮЗ-СВ. Могила разграблена, в заполнении в полном беспорядке находились кости взрослого человека, перемешанные с угольками. Находок нет.

Могила 12. Полностью разрушена при сооружении тригопункта, размеры, глубина, расположение умершего неизвестно. Кости человека встречены в выбросе, устроенном при сооружении тригопункта. Находок нет.

Могила 13. Подпрямоугольная яма размерами 1,9×0,85 м (расширяется в ЮЗ части) и глубиной 0,38 м от материка, ориентирована по оси ЮЗЗ-СВВ. Могила ограблена, но сохранились остатки погребальной конструкции: на раму, составленную из двух венцов брусьев, приставленных друг к другу и укрепляющих стенки ямы уложены поперечины (не менее 10, сечение 0,6×0,1-0,15), а сверху — ряд бревен, диаметром 0,1-0,15 м. Прослежено три бревна, хотя, по-видимому, их было не менее 6-7. В нетронутom состоянии остались только голеностопы. Скелет женщины, судя по ним, лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗЗ. В ЮВ углу могилы стояли два сосуда: банка, украшенная по венчику жемчужником с разделителем (рис. 3-4) и кувшин, украшенный четырехрядной елочкой (рис. 3-7). Среди развала костей найдено три пастовые бусины (рис. 3-2). В заполнении встречены угли и кости рыб.

Могила 14. Яма подпрямоугольной формы размерами 0,93×0,36 м, глубиной 1 м, ориентирована по оси ЮЗЗ-СВВ. Могила, по-видимому, представляет собой кенотаф, т.к. конструкция не нарушена, но костей нет. Конструкция представляет собой бревенчатую раму, перекрытую четырьмя плахами шириной 0,3-0,35 м и толщиной 0,05 м. Над поперечинами насыпан слой глины (0,01-0,03 м), на которой лежали листы бересты. Сверху уложены три ряда бревен диаметром 0,1-0,25 м (12 шт.). На дне в СВ углу ямы стоял сосуд с носиком-сливом, украшенный по венчику рядом ямок (рис. 3-6).

Могила 16. Яма подпрямоугольной формы, размерами 0,88×0,4 м и глубиной 0,2 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЗЗ-СВВ. На дне вытянуто на спине лежал скелет ребенка, ориентированный головой на З, т.е. умерший находился в диагональном положении, относительно контуров ямы. Слева от черепа стоял сосуд-банка,

украшенная по краю венчика жемчужником (рис. 3-5). В заполнении встречены угольки.

Могила 19. Яма неправильно-овальной формы, размерами 2,5×1,5 м и глубиной 1,07 м от материка, ориентирована по оси ЮЗ-СВ. В 0,1 м выше дна прослежены остатки перекрытия со следами воздействия огня, состоящее из 5-6 продольных плах, опирающихся на поперечное перекрытие. Погребение осквернено, т.е. разрушена верхняя часть могилы (до пояса). Основное количество сопроводительных предметов осталось на месте. На дне могилы лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗЗ скелет женщины. Он был положен на циновку сплетенную из стеблей камыша и, видимо, окрашенную в красный цвет, т.к. сохранился тонкий слой красной краски. По отношению к яме скелет лежал «по диагонали», т.к. голова ориентирована в ЮЗ угол, ноги в СВ (рис. 4-1). В заполнении встречены следы огня: крошки древесного угля и золы, мел. Среди развала костей верхней половины скелета найдены обломки двух бронзовых булавок (рис. 4-9) и каменные бусы (рис. 4-10), в заполнении над скелетом в районе таза встречено пряслице (рис. 4-8). У локтя правой руки найдена курильница-плошка (рис. 4-5), справа от плеча — обломки сосуда, украшенного жемчужником (рис. 4-3). На запястьях обеих рук обнаружены бронзовые браслеты, левый «чистый» (рис. 4-7), а правый с кожаной оплеткой со следами сшивания (рис. 4-6). Слева от таза находился кусочек камня, справа на середине бедра с внешней стороны — кожаная сумка, сшитая из треугольных и прямоугольных лоскутков наружными швами (рис. 4-2). Внутри сумки находилось 12 бронзовых поясных блях, связанных кожаными ремешками (рис. 5-1-12). В северо-западном углу расчищен развал кувшина, украшенного по шейке взаимопроникающими резными треугольниками (рис. 4-4).

Могила 20. Яма овальной формы размерами 2,1×0,9 м и глубиной 1,2 м ориентирована по оси В-З. Погребение почти полностью разграблено, в анатомическом порядке сохранились только берцовые кости ног (стопы отсутствовали). Судя по ним умерший лежал вытянуто на спине головой на З. У правой ноги находился кувшин, украшенный двумя рядами заштрихованных треугольников, направленных вершинами вверх (рис. 3-8). В заполнении фиксировались остатки сакральной конструкции в виде беспорядочно разбросанных кусков плах шириной до 0,18 м и бревешек диаметром 0,05-0,1 м (восточная часть ямы). В западной половине ямы были свалены кости

человеческого скелета, среди которых встречались мелкие обломки железного предмета.

Могила 21. Яма овальной формы, размерами 1,8×0,7 м (контуры нечеткие из-за небольшой глубины — 0,05–0,15 м), ориентирована по оси ЮЗ–СВ. На дне вытянуто на спине головой на ЮЗ лежал скелет мужчины. Находок нет.

Могила 24. Яма неправильно-овальной формы размерами 2,2×0,6–1 м (расширяется в ЮЗ половине), глубиной 0,2 м, ориентирована по оси ЮЗЗ–СВВ. Частично сохранилась погребальная конструкция, состоящая из бревен, уложенных вдоль краев ямы на материковые уступы(?), перекрытых поперечными и продольными досками (рис. 6–2). На дне вытянуто на спине с разведенными в стороны руками, головой на ЮЗЗ лежал скелет мужчины. В районе грудной клетки и таза зафиксированы различные бронзовые поясные бляхи (рис. 6–3,4,5,6). По-видимому, бляха, лежащая на левом запястье (рис. 6–7) и ворворка, найденная у кисти правой руки (рис. 6–9) относились к этому же поясному набору. У берцовых костей левой ноги встречен колчаный набор (наконечники стрел): бронзовый трехлопастной черешковый (рис. 6–10) и восемь черешковых костяных (рис. 6–11). Колчаный крюк находился с внутренней стороны левого локтя (рис. 6–1,8). В заполнении встречались крошки золы, угли и мела.

Могила 26. Яма неправильно-овальной формы, размерами 1,2×0,5 и глубиной 0,4 м, вытянута по оси ЮЗ–СВ. Погребение ограблено, в северной части ямы на дне зафиксированы несколько ребер и обломок трубчатой кости подростка. Сохранились остатки плах перекрытия шириной до 0,2 м. Конструкция сакральной камеры и положение умершего не понятны. Находок нет.

Могила 27. Яма трапециевидной формы со скругленными углами размерами 2,5×1–1,3 м и глубиной 0,65 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЗЗ–СВВ. Погребение ограблено. Сохранились остатки погребальной камеры из поперечных плах шириной до 0,2 м, опирающихся на края ямы на уровне материка. Кости скелета беспорядочно разбросаны, возможная ориентация умершего — ЮЗ, положение — вытянуто на спине, среди костей найдены остатки курдючной части туши барана. Других находок нет.

Могила 28. Неправильно-подпрямоугольная яма размерами 1,2×0,35–0,45 м, глубиной 0,5 м, ориентирована по оси СЗЗ–ЮВВ. На дне вытянуто на спине, головой на СЗЗ лежал скелет подростка. Сохранность костей плохая, отсутствовали таз, лучевые и локтевые кости, бедренные и т.д. Находок нет.

Могила 29. Яма подпрямоугольной формы размерами 1,1×0,5–0,6 м, глубиной 0,9 м, ориентирована по оси ССЗ–ЮЮВ. Сохранился мощный слой тлена от продольных плах или бревен (0,1 м). В ССЗ конце погребения найден обломок черепа ребенка, у СВ стенки — бабка лошади, в ЮЗ углу ямы стоял горшок, украшенный ямками по венчику (рис. 3–9).

Могила 30. Подпрямоугольная яма размерами 2,1×0,85–0,9 м, глубиной 0,45 м от материка, вытянута по оси ЮЗЗ–СВВ. Хорошо сохранилась сакральная конструкция: вдоль длинных стенок ямы в 2–3-х сантиметровые углубления были установлены брусы толщиной 0,1 и высотой 0,3 м. Брусы имели на торцах вырубленные 5 сантиметровые пазы, глубиной до 3 см, в которые вставлялись торцовые брусья подобных пропорций, длиной до 0,85 м; получившаяся рама перекрывалась 12–14 поперечными горбылями, а сверху семью продольными бревнами диаметром 0,07–0,1 м. Погребение ограблено: вскрыта ЮЗ половина и разрушена верхняя часть скелета до тазовых костей. Судя по непотревоженным ногам, положение умершего вытянуто на спине, головой почти на запад, т.е. человек находился слегка диагонально расположению ямы. Среди разбросанных костей найден позвонок барана. Других находок нет. Отмечены скопления углей.

Могила 31. Яма подтрапециевидной формы с нечетким контуром, размерами 1,65×0,55–0,7 м, глубиной 0,1 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЗЗ–СВВ. На дне вытянуто на спине лежал скелет женщины плохой сохранности, ориентированных головой на ЮЗЗ. У левого плеча находились обломки сосуда, украшенного по венчику жемчужником (рис. 7–31).

Могила 32. Неправильно-овальная яма, размерами 2,65×0,75–1,15 м и глубиной до 1 м, ориентирована по оси ЮЗ–СВ. Сохранились остатки погребальной конструкции: рама из брусьев, укрепляющая стенки могилы и перекрытая 9–12 поперечными и 3–6 продольными горбылями. На дне вытянуто на спине, головой на ЮЗ лежал скелет мужчины. У правого бедра расчищен плохо сохранившийся железный кинжал с кольцевым навершием (рис. 8–1). От портупеи кинжала и, видимо, деревянных ножен сохранились пластина из клыка кабана (рис. 8–3), пронизь из зуба животного (рис. 8–4) и бронзовая пронизка (рис. 8–5). У берцовых костей правой ноги найден костяной черешковый наконечник стрелы (рис. 8–6). У левой стопы находился сосуд, украшенный по венчику жемчужником

с разделителем (рис. 8–2). В заполнении зафиксирован уголь.

Могила 33. Яма овальной формы, сужающаяся ко дну, размерами 2,3 (2,05)×0,9 (0,65) и глубиной 2,2 м, ориентирована по оси ЮЗ–СВ. Сохранилась погребальная камера: рама из приставленных друг к другу плах или горбылей, установленная на 10-сантиметровые уступы (шириной 0,05–0,06 м), перекрыта 15–16 поперечными плахами и 4–5 бревнами, положенными продольно (диаметр 0,06–0,25 м). ЮЗ часть конструкции нарушена, однако следов ограбления нет. На дне, вытянуто на спине, головой на ЮЗ лежал скелет мужчины. Находок нет.

Могила 34. Подпрямоугольная яма размерами 2,2×1 м, глубиной 0,25 м от материка, ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Погребение ограблено, но сохранились остатки сакральной конструкции: на дне ямы впридачу к стенкам установлены друг на друга пять брусьев подпрямоугольного сечения, образовавшее камеру-ящик (верхние брусья после разрушения конструкции развалились по сторонам); ящик был перекрыт 30–35 поперечными брусьями сечением 0,04×0,04, а затем 5–6 горбылями, шириной до 0,2 м. Вся погребальная камера находилась очень близко к поверхности (практически крайние горбыли под дерном), что, видимо, и привело к его разграблению. Судя по положению разбросанных костей, ориентация умершего — ЮЗ. Среди костей найдены обломки железного предмета и раздавленный сосуд (рис. 7–3).

Могила 35. Яма подовальной формы размерами 2,3×1,1 м, глубиной 0,65 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЗ–СВ. На дне ямы установлена погребальная конструкция, не касающаяся стенок. Промежуток между рамой и стенками ямы был присыпан в момент сооружения сакральной камеры. Рама устроена из подогнанных друг к другу брусьев, сечение 1,5×2, поверх них настланы поперечные горбыли толщиной до 0,1 м и шириной 0,25–0,35 м (8 шт.). Сверху были уложены семь продольных досок, закрытых кусками бересты. На дне, засыпанном мелом, вытянуто на спине лежал скелет женщины, ориентированный головой на ЮЗ (рис. 9). Под скелетом прослежена подстилка (?) из бересты. За головой найдена бронзовая булавка (рис. 9–11), на черепе — костяная булавка с цилиндрическим навершием (рис. 9–12). На шейных позвонках находилось ожерелье: пять беловатых круглых бусин, одна глазчатая и 58 мелких плоских бирсин (рис. 9–12). На верхней части бедер-

ной кости правой ноги лежало бронзовое петельчатое зеркало с продетым сквозь петлю кожаным ремешком (рис. 9–13), а у правого плеча — цилиндрическое прислице без орнамента (рис. 9–10). В заполнении могилы встречались древесные угольки и вкрапления золы.

Могила 36. Неровно-овальная яма размерами 2,2×1,3 м и глубиной 0,65 м от материка, ориентирована по оси ЮЗ–СВ. Сохранились остатки перекрытия в 0,15–0,2 м выше дна: 6–7 поперечных плах сечением 0,06×0,1×0,2 м упирались в стенки ямы, образуя «крышу» камеры. Сверху на них уложены 3–5 плах и бревен, поперечником от 0,1 до 0,13 м. На дне, вытянуто на спине лежали скелеты женщины (СЗ) и мужчины (ЮВ). Между их черепами, ближе к торцовой стенке ямы стоял раздавленный сосуд, украшенный жемчужником с разделителем и рядом насечек (рис. 10–1,7). За черепом женского скелета сохранились остатки прически — три бронзовых булавок без навершия (рис. 10–4) и две окислившиеся железные булавки неопределенной формы. По бокам женского черепа расчищены две биметаллические (золото, бронза) серьги, на правой сохранились остатки мочки уха, пропитанные окислами бронзы, в которую была вдета дужка серьги (рис. 10–2). На шейных позвонках найдено ожерелье из четырех глазчатых и двух беловатых пастовых бусин (рис. 10–3). У левого локтя лежало прислице (рис. 10–5). На мужском скелете найден колчаный крюк (около правого колена) и у голени семь плохосохранившихся черешковых наконечников стрел из кости (рис. 5–13; 9–6). В заполнении могилы встречались следы огня.

Могила 37. Неправильно-овальная яма размерами 2,1×0,7–1,1 м, глубиной 1 м, ориентирована по оси СЗЗ–ЮВВ. Погребение ограблено. В непо потревоженном состоянии остались только кости голени. Судя по ним положение умершего мужчины вытянуто на спине, головой на СЗЗ. Находок нет.

Могила 38. Подпрямоугольная яма размерами 1,58×0,7 м, глубиной 0,8 м, ориентирована по оси ЮЗ–СВ. В 0,2 м от дна прослежен тлен от перекрытия. На дне, вытянуто на спине, головой на ЮЗ лежал скелет подростка, смещенный к северо-западной стенке могилы (рис. 9). На поясе найден бронзовый кинжал с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием и бронзовая пряжка (портупейная?) в виде скифского лука (рис. 9–2,4). С внутренней стороны правого колена лежал бронзовый колчаный крюк (рис. 9–3), ниже, с внутрен-

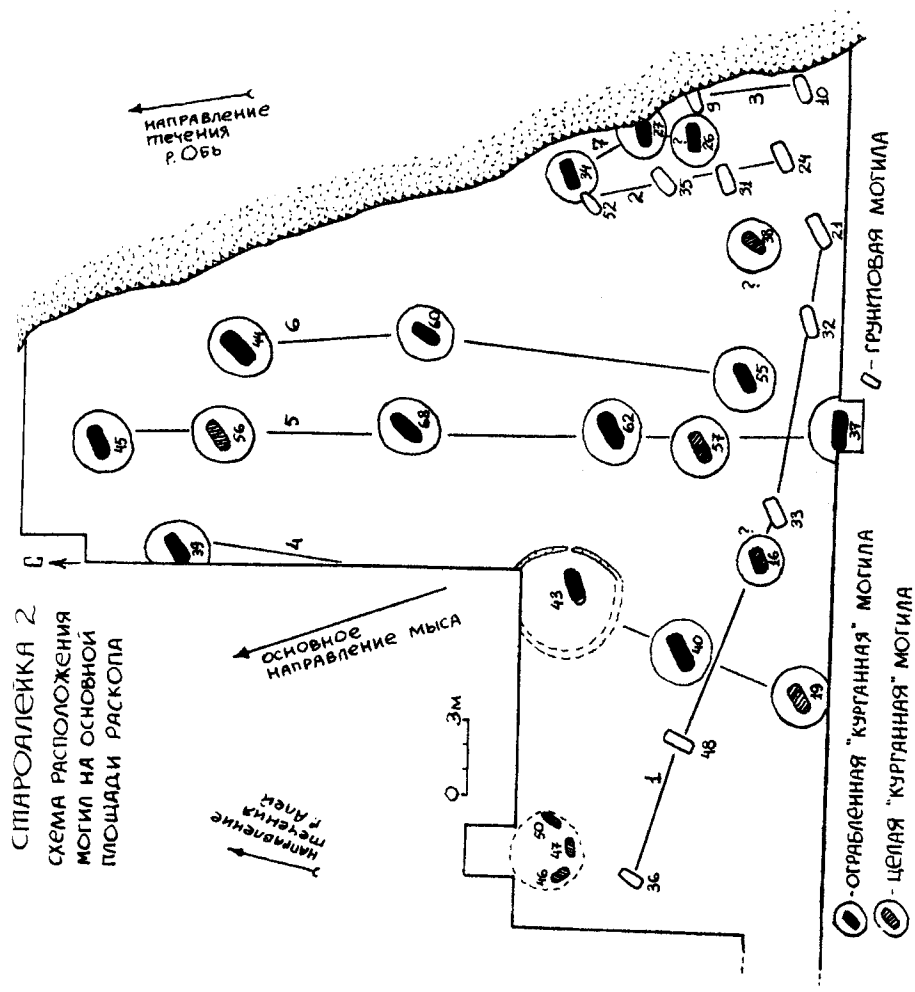

Рис. 1.

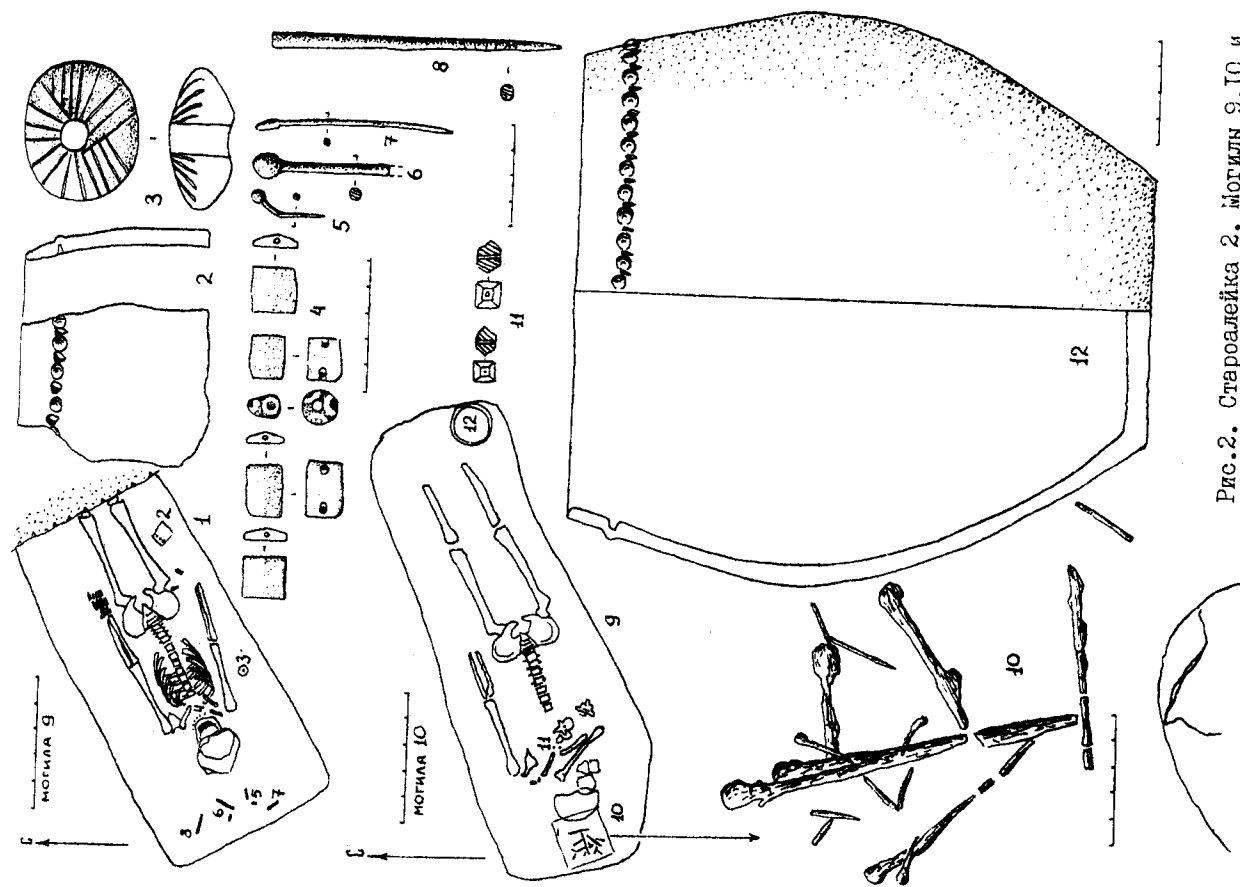

Рис. 2. Староалейка 2. Могила 9, 10 и находки из них. Номера предметов соответствуют номерам на планах могил.

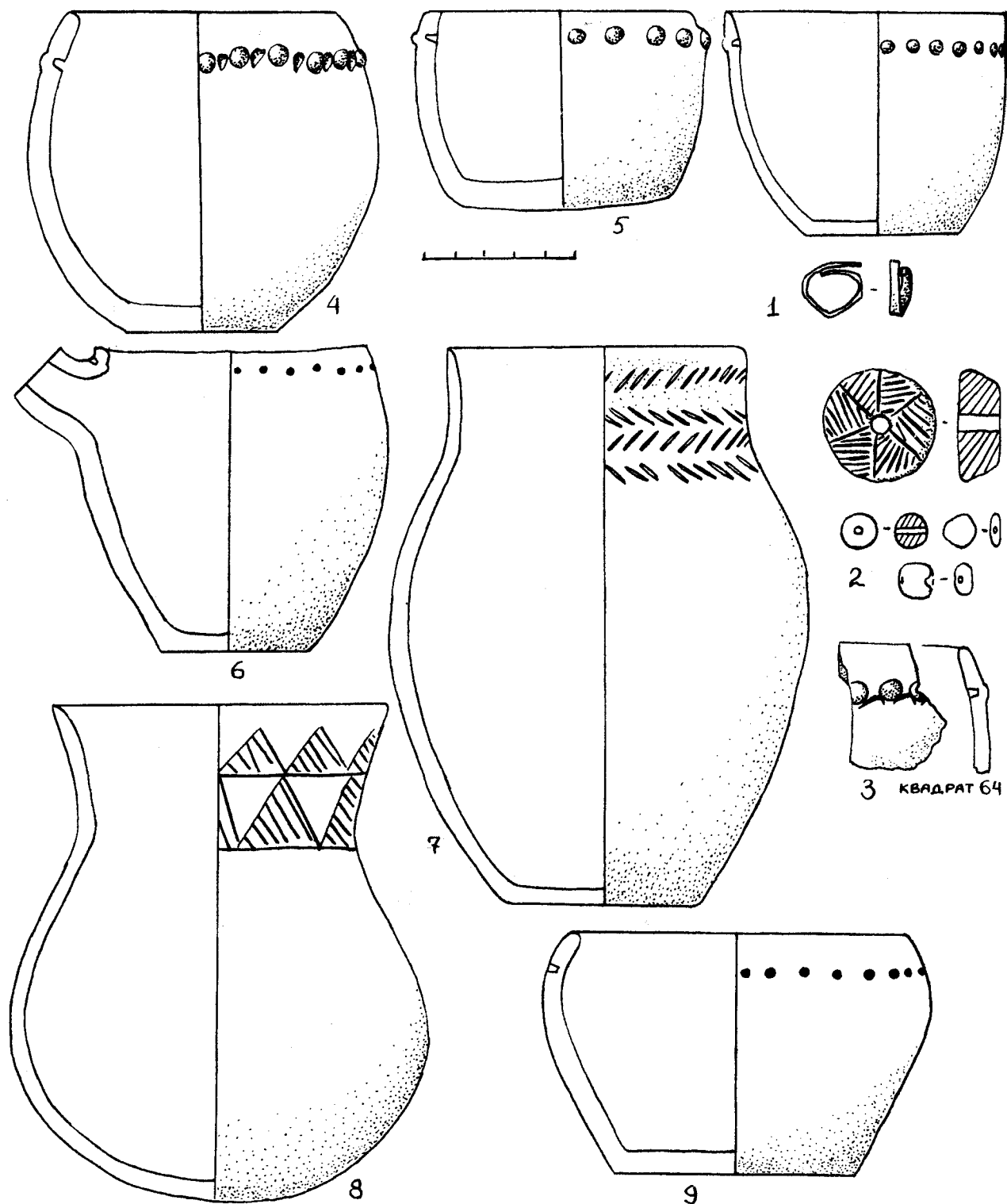

Рис.3. Староалейка 2. Материалы из могил 3,5,13,14,16,20, 29 и фрагмент керамики из квадрата 64.

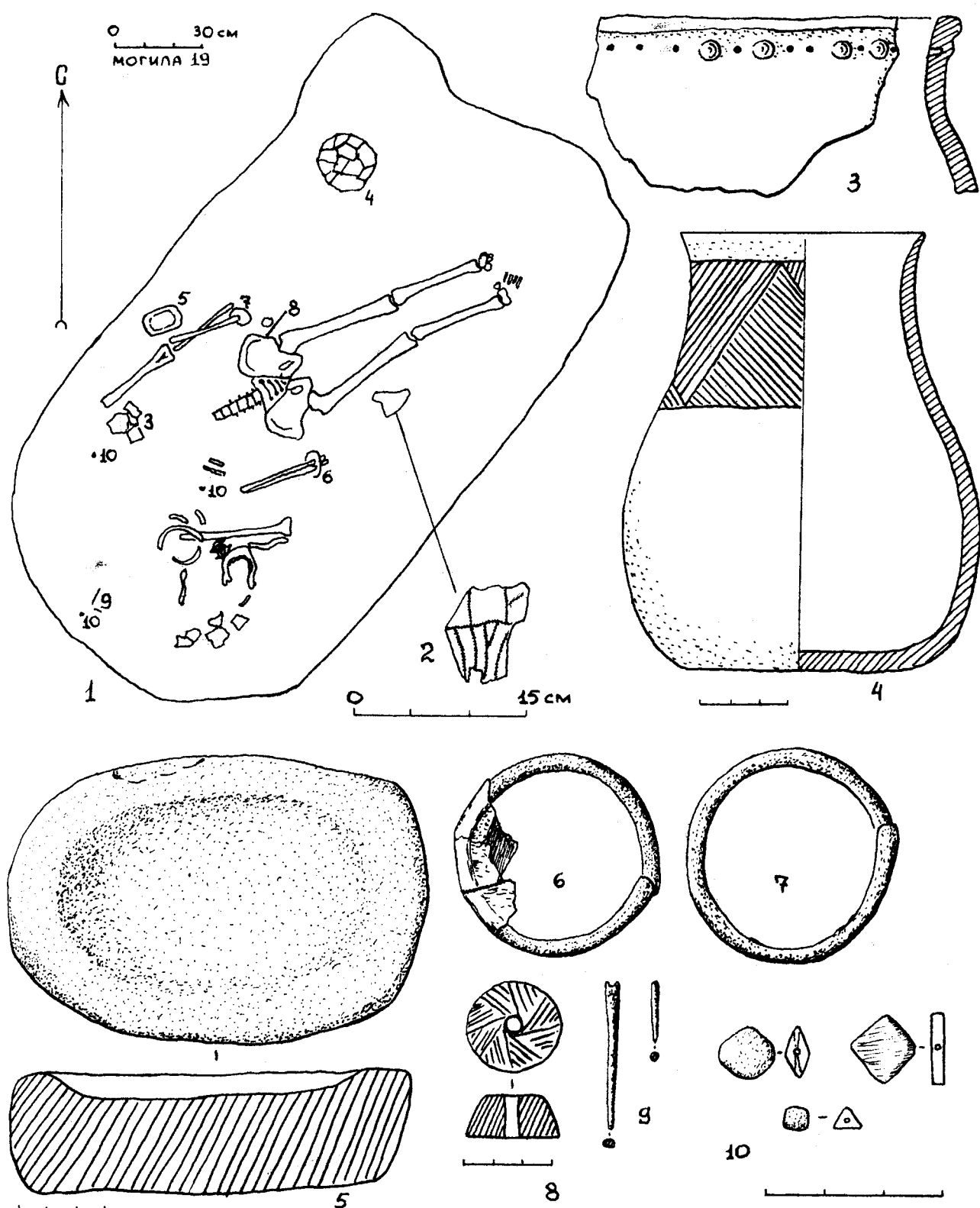

Рис.4. Староалейка 2. Могила 19 и ее инвентарь.

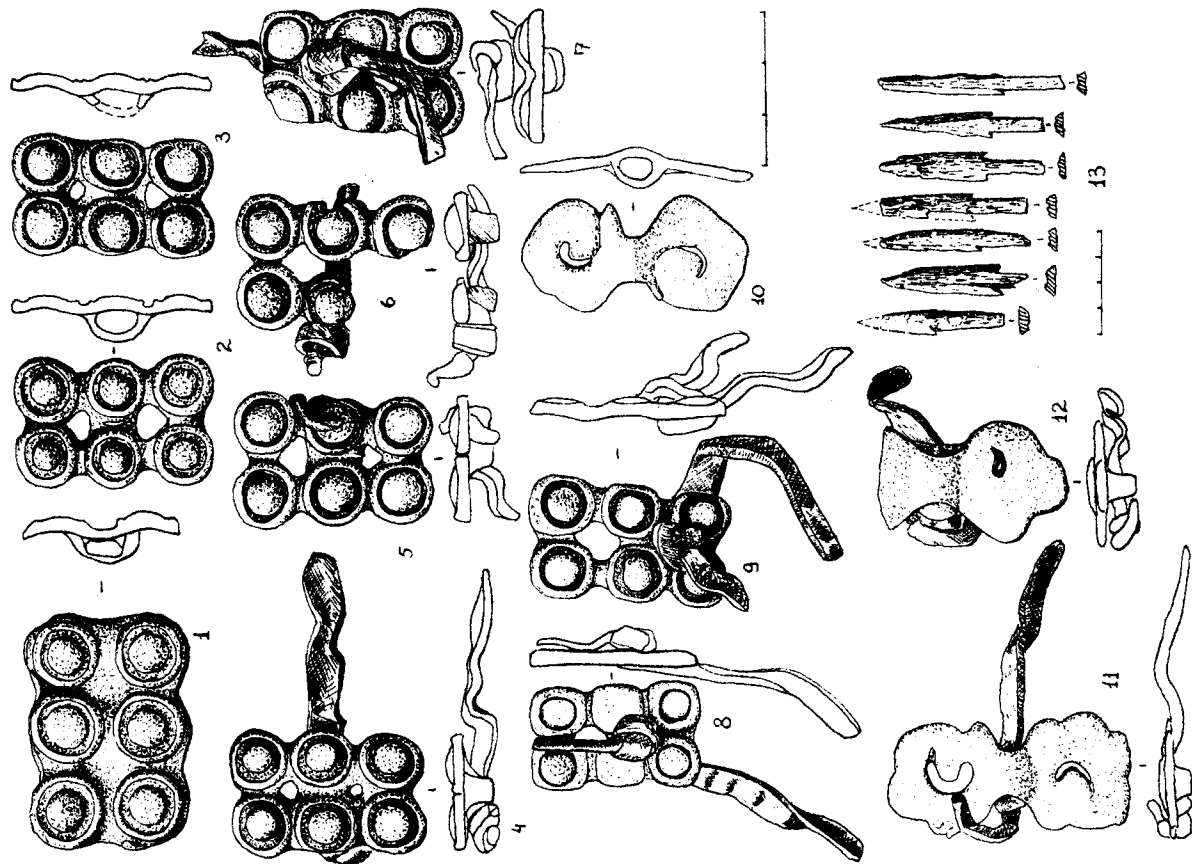
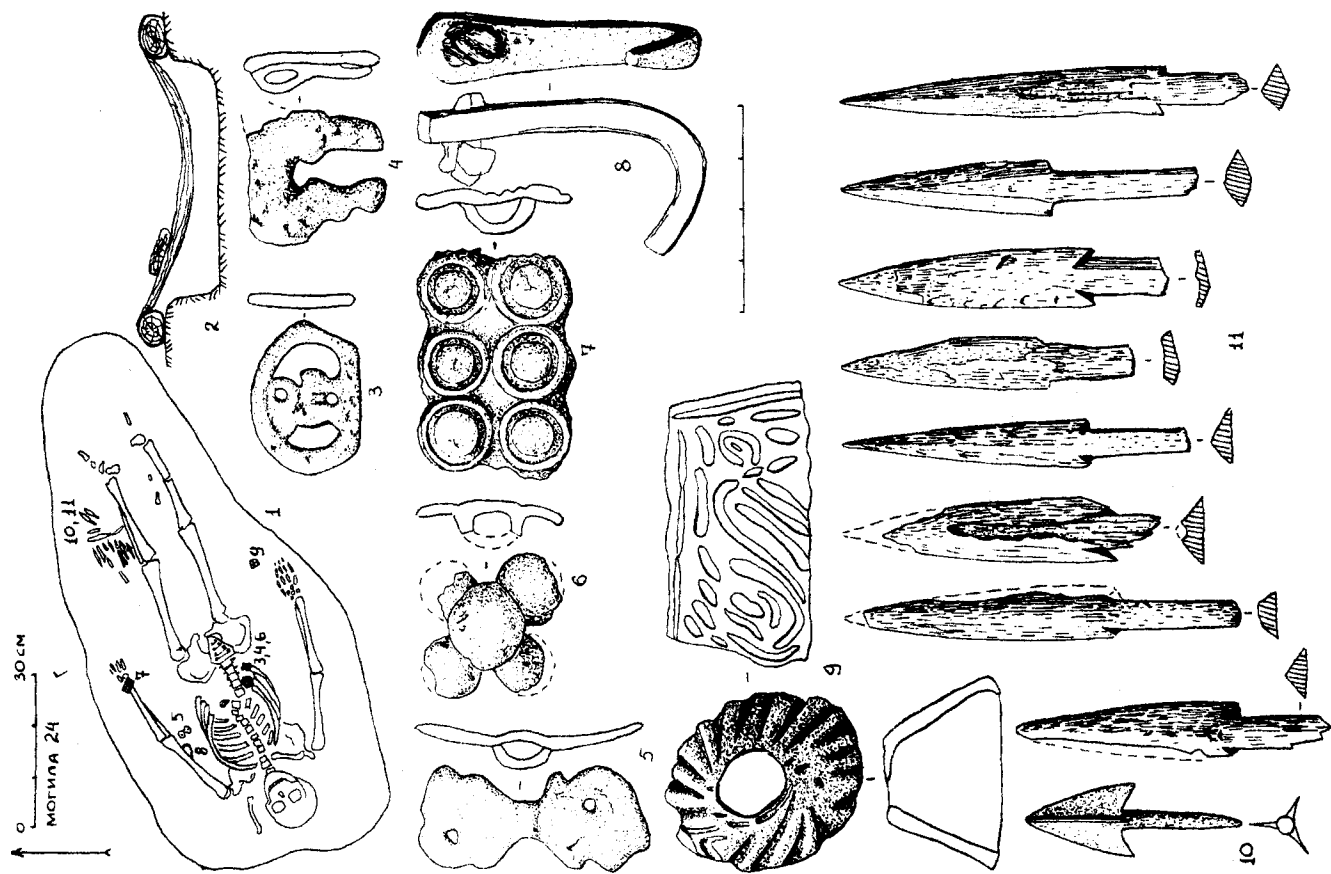

Рис.5. Староалейка 2. Бронзовые бляхи из могилы 16 и наконечники стрел из могилы 13 (13).

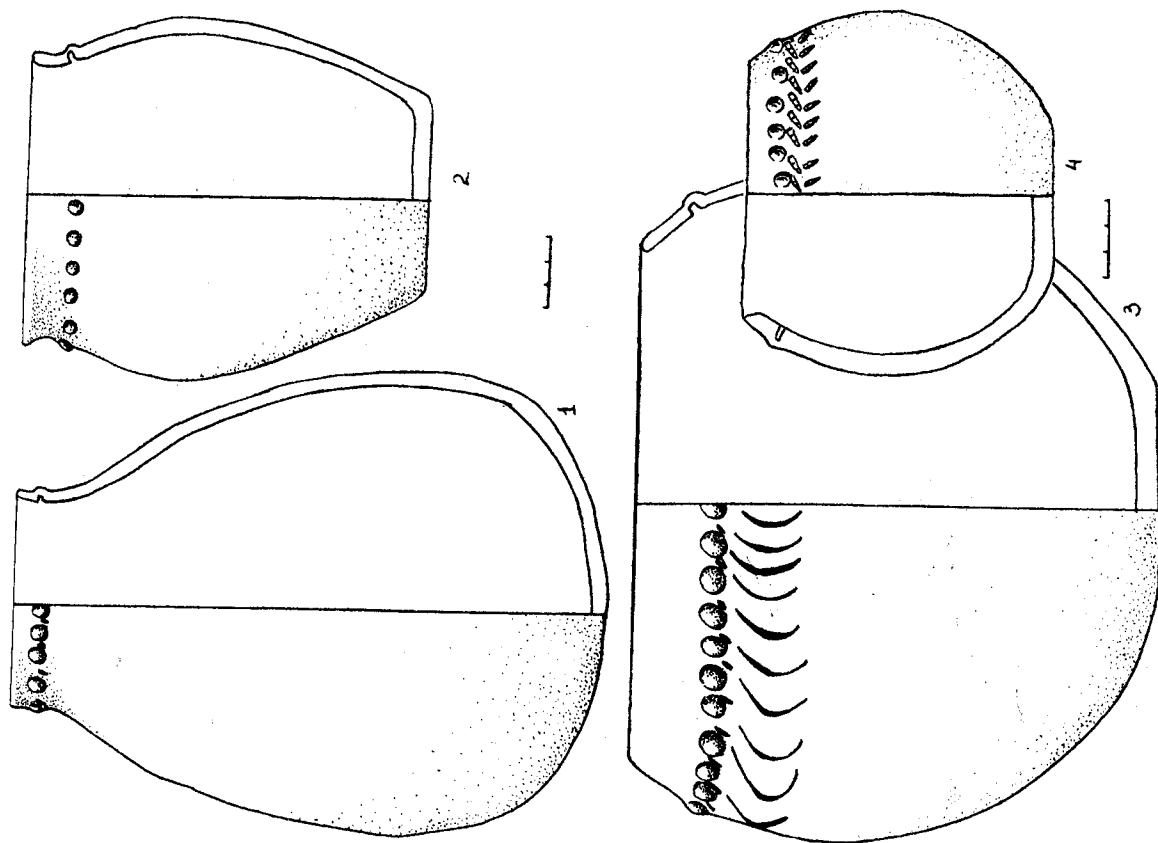

Рис. 7. Старосайка 2. Керамика из могил 31 (2), 34 (3), 62 (1), 43 (4).

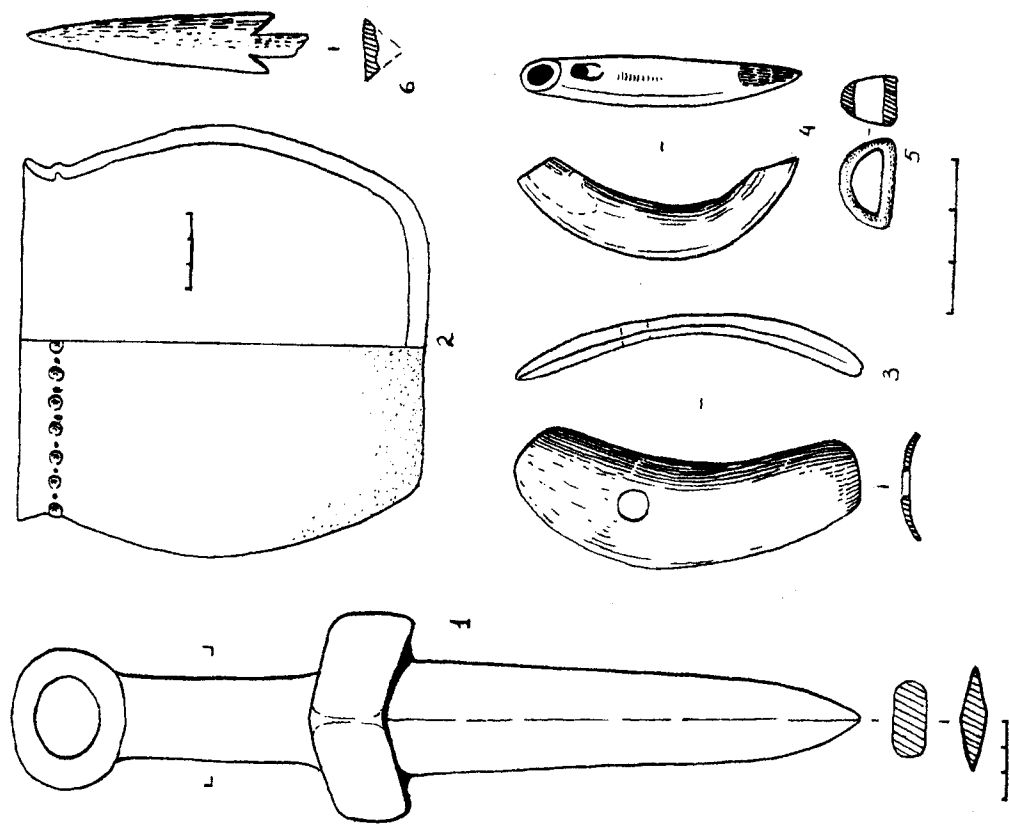

Рис. 8. Инвентарь могилы 32.

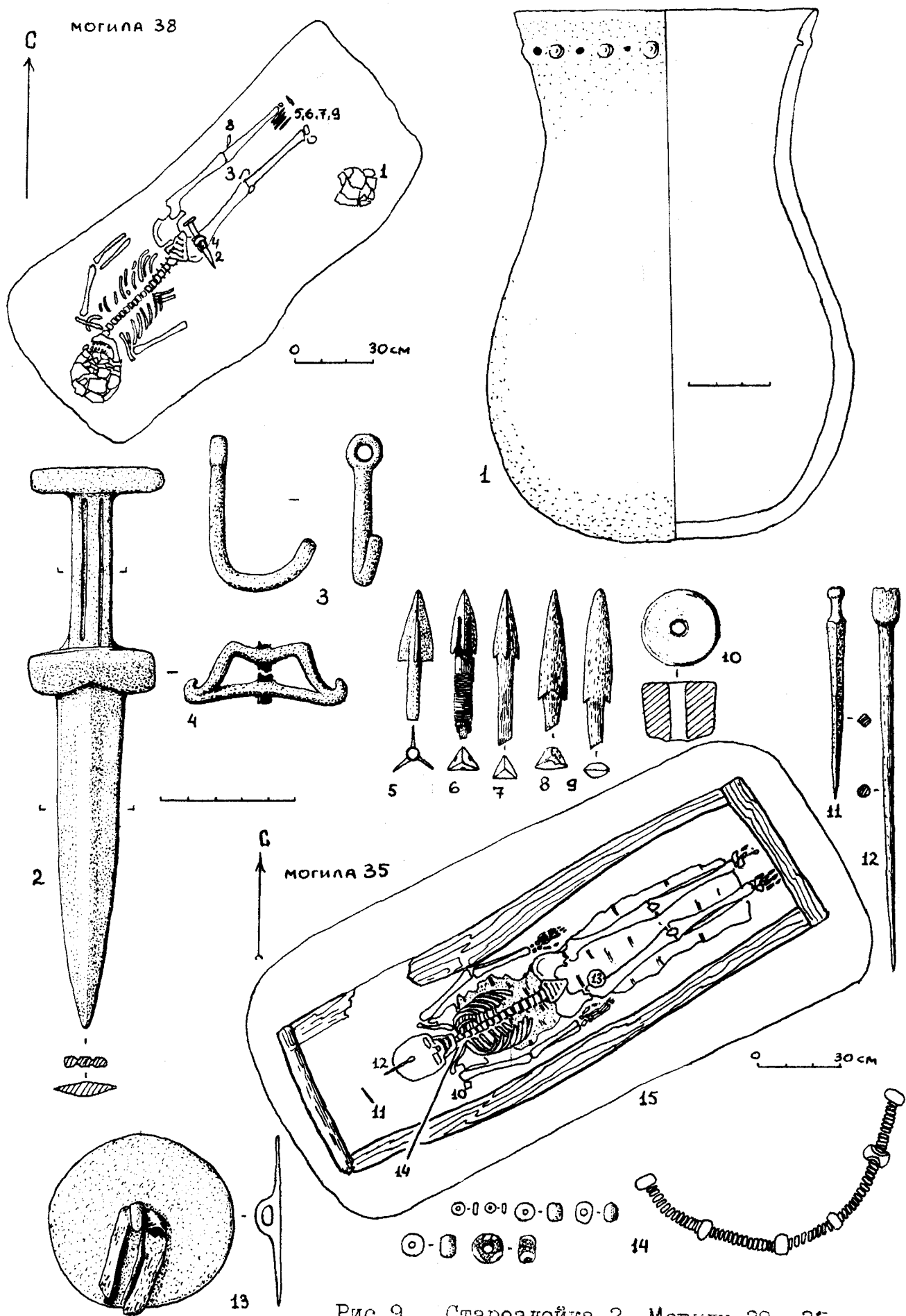

Рис.9. Староалейка 2. Могила 38, 35 и их инвентарь.

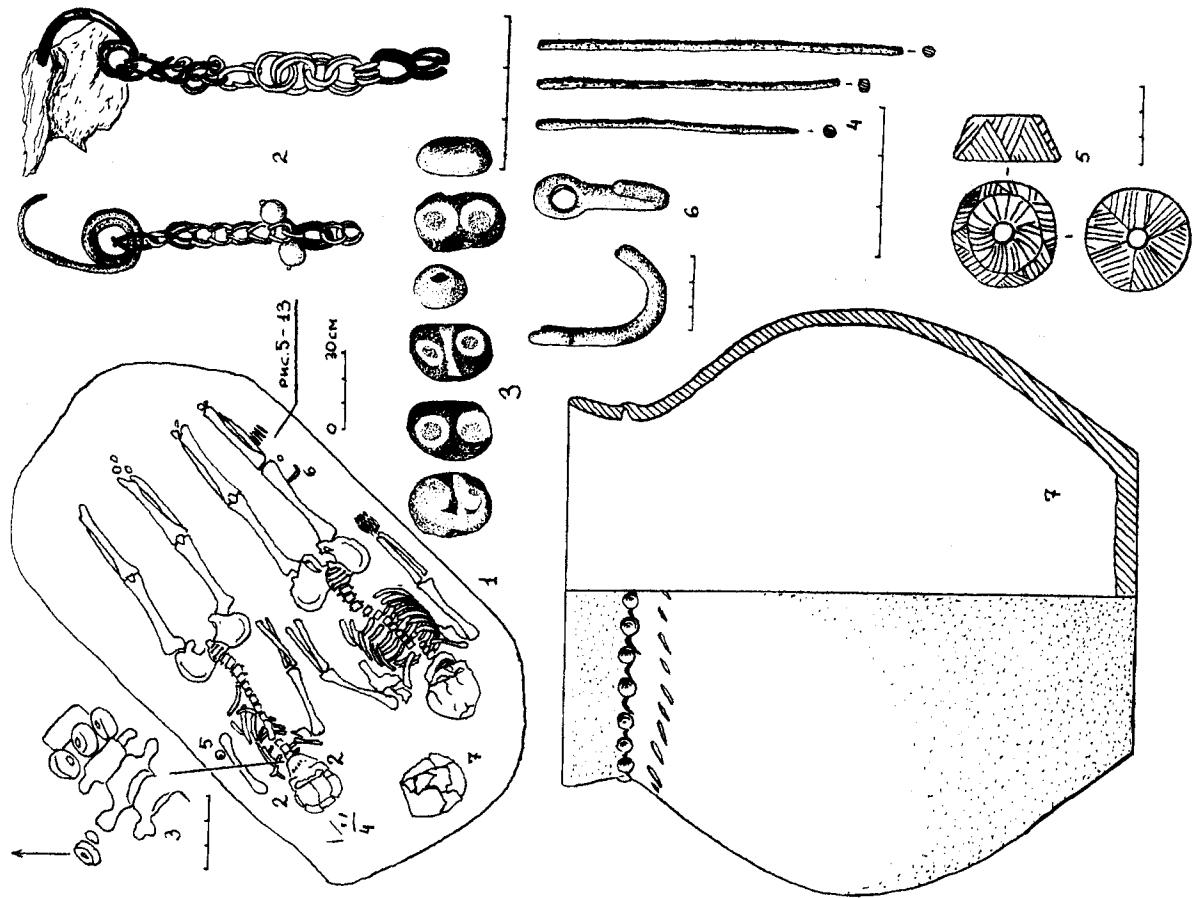

Рис.10. Староалейка 2. Могила 36 и находки из нее.

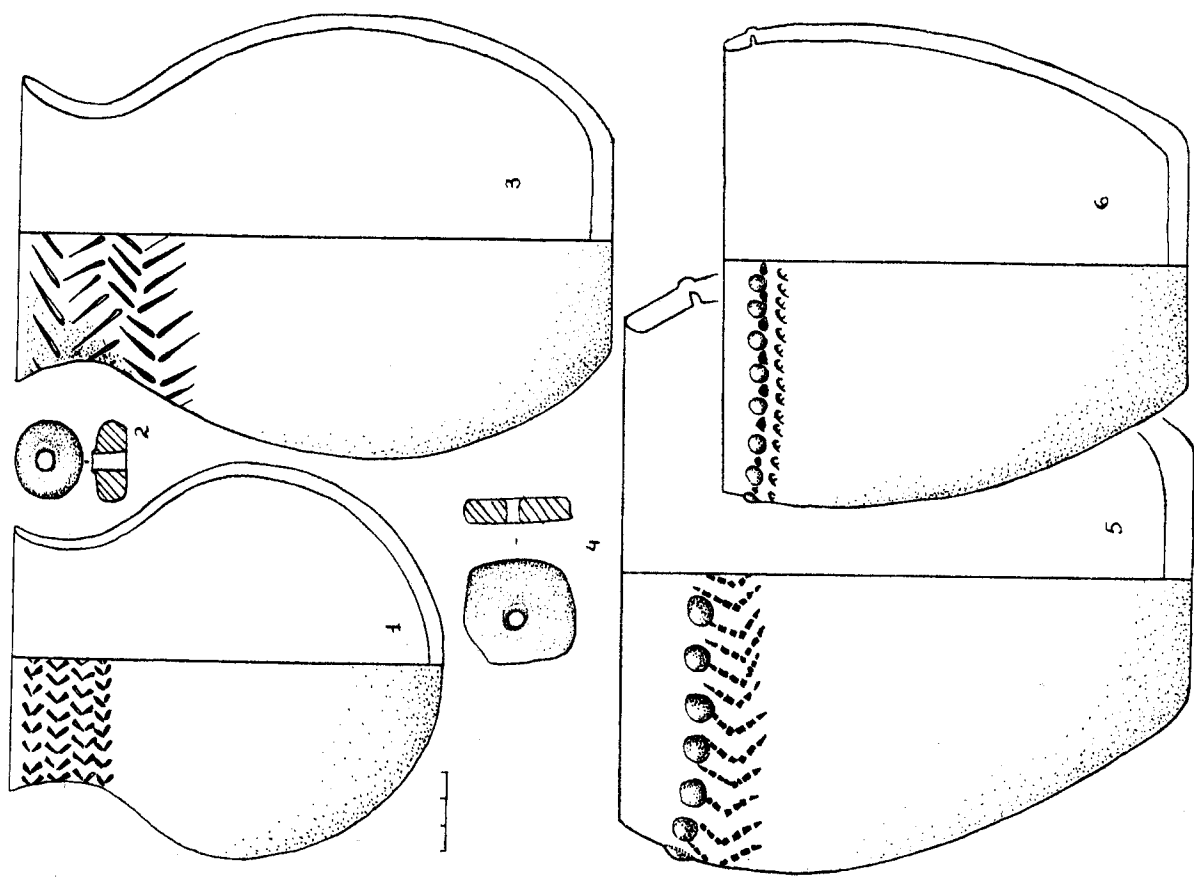

Рис.11. Сосуды и пряслица из погребений 41, 45, 47, 50 могильника Староалейка 2.

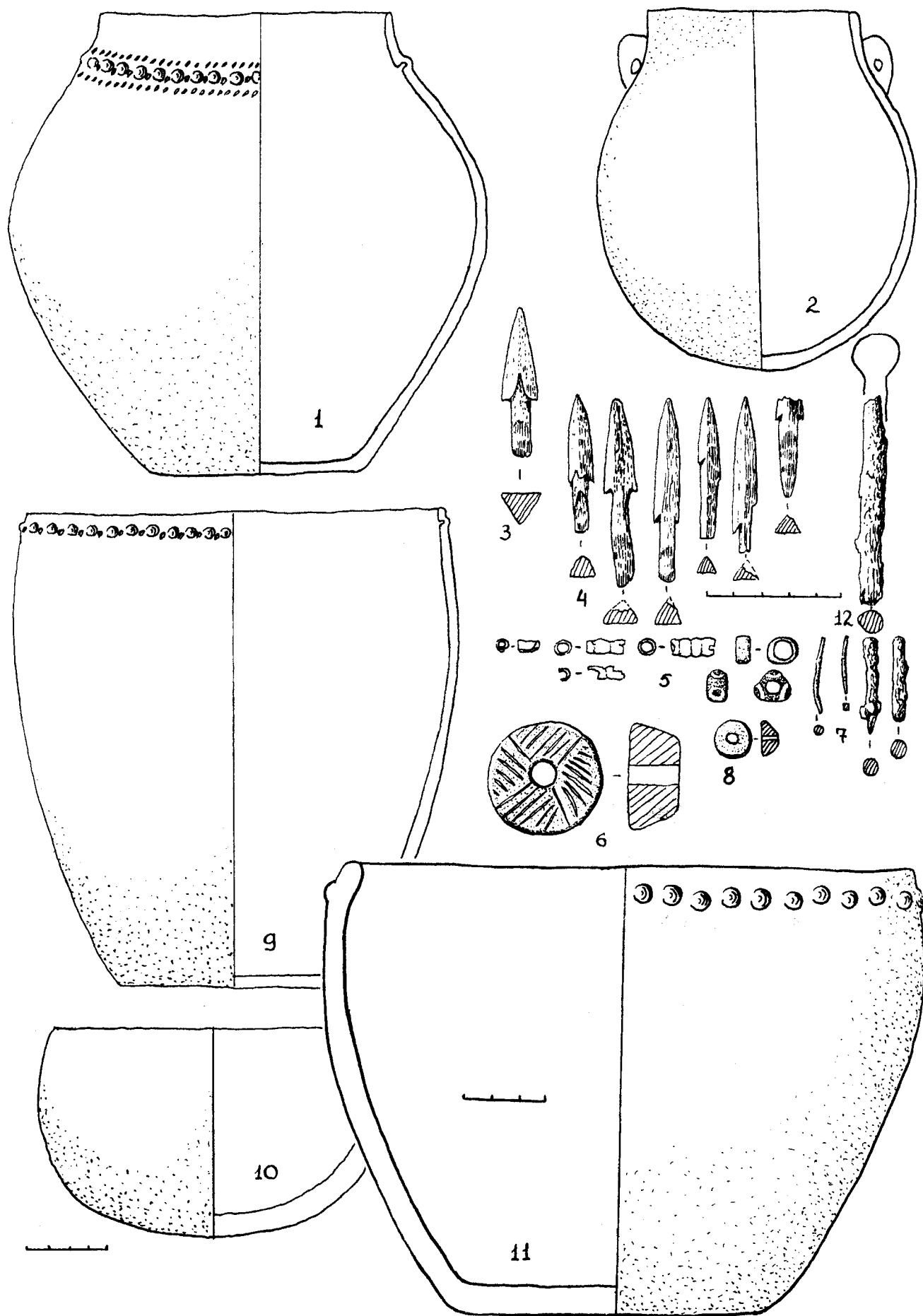

Рис. I2. Староалейка 2. Находки из погребений 43 (8), 44 (I,3), 55 (2,4), 57 (5,7,6,9,10,12), 59 (II).